

уральский

следопыт

№5**** 1977

Редкая фотография

**Всеволод
СЛУКИН**

Эта оригинальная фотография хранилась в личных документах писателя Александра Николаевича Тихонова (А. Сереброва), сестры которого живут в Свердловске и в чьи руки перешла часть его архива.

Незаурядный писатель, друг и сподвижник Горького, уралец А. Н. Тихонов встречался и с А. П. Чеховым.

...Было это летом 1902 года. А. Н. Тихонова, студента Петербургского горного института, исключительно за революционную деятельность, Савва Морозов пригласил в свое уральское имение — Всеволодо-Вильвенский завод для разведки угольных пластов.

Савва Тимофеевич Морозов, крупный русский фабрикант, меценат, любитель и знаток театра, поддерживал дружеские отношения со многими выдающимися деятелями культуры.

Вот что вспоминал А. Н. Тихонов о приезде Морозова в имение: «...Вслед за ним с подножки коляски осторожно ступил на землю высокий, сутулый человек в кепке, в узком черном пиджаке, с измятым галстук-бабочкой. Его лицо в седеющей, клином, бородке было серым от усталости и пыли».

Это был Чехов. Неугомонный хозяин не дал гостю опомниться от дороги. Морозову не терпелось показать, как толково и с каким размахом он ведет дела. Но Чехов равнодушно

заглянул на спиртовой завод и совсем не пошел смотреть строящуюся школу. Это он-то, построивший на свои средства четыре школы!

За праздничным столом, где слушали Саввы Морозова наперебой хвалили хвоянна, «Чехов сидел чужаком, на краю стола, для всех посторонний, с тоской поглядывал на вечеряющий сад, где солнце уже резало пополам стволы берез и кипело последним золотом в их пышных вершинах».

Читайте стр. 31.

в номере:

Ю. Борисихин СЕВ И ЖАТВА	2
В. Березин ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА	6
Т. Ефимова ОСОБОЕ МНЕНИЕ	8
Р. Андаева ГРАВЮРЫ ПЕТРА СТАРОНОСОВА	14
Н. Архипова ЗЕМЛЯ ОДАРИТ КРАСОТОЙ	15
Н. Вурдов РОБИНЗОНЫ СТУДЕНОГО ОСТРОВА	17
В. Слукин РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ	31
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	32
А. Воробьев, С. Анисимов ДИЗАЙНЕР	34
Ю. Скоробогатов СКУЧНЫЕ ДНИ НА ИОНИВЭЭМ	36
А. Либерман КАРАВАНЫ НА АЕ	41
А. Тер-Акопян, В. Суров, Л. Кузнецов, В. Литвинов СКОЛЬКО В ПОЛЕ ЦВЕТОВ... Стихи	42
В. Павлов, А. Блюм ПЕРВЫЕ УРАЛЬСКИЕ КНИГИ	45
В. Колупаев ЗАЩИТА. Окончание	50
ГЛАЗАМИ ХХІ ВЕКА	73
М. Меньшикова ВОВА, КОЛЯ, МАМА И БАБУШКА АНДРЕЕВЫ	74
В. Иванищенко, Н. Курбалтунов, В. Непсердинов ЧТО ТАКОЕ ХОРОГОЧИ?	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/І 1977 г.
НС 11049.
Подписано к печати 10/ІІІ 1977 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 275 000.
Заказ 96.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
С. КОВАЛЕВА
Оформление 2-й стр.
обложки З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1977 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№5 * 1977

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СЕВ И ЖАТВА

**Юрий
БОРИСИХИН**

Фото
В. Ветлугина

Имя Евгения Константиновича Ростецкого, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, главного агронома ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени Чапаева Алапаевского района Свердловской области известно далеко за пределами Урала. Удивительно талантливый хлебороб! За пять лет (срок в агрономии очень короткий) земледельцы колхоза под его руководством подняли урожаи зерна в четыре раза — до двухсот пудов с гектара и получают их стабильно вот уже десять лет. Не всякое кубанское хозяйство на тучных, как бы специально сработанных природой под хлеб черноземах может похвастаться такими показателями. А тут уральские подзолы, то есть почвы, на которых шумел когда-то лес... Так что трудно растить на Урале хлеб. Даже известный кудесник-земледелец, почетный академик Терентий Семенович Мальцев, живущий в соседней, Курганской, области, получает хоть и такой же стабильный, как у Евгения Константиновича, но вдвое меньший урожай. Я часто навещался к чапаевцам. На сев. На жатву. Зимой. Летом. Наблюдал, как крепнет хлеборобский талант Евгения Константиновича, как богатеет колхоз, дела которого уже сегодня, без преувеличения, овеяны дымкой легендарности: второго такого хозяйства, где сразу и председатель и агроном — Герои Социалистического Труда, — в стране нет.

Пятнадцать лет назад, в марте, чапаевцы первый раз гуляли праздник проводов русской зимы. Дороги уже распались на рыжие и рыхлые, но полсотни километров от Алапаевска до Костино преодолел легко: туда катили и ехали гости. И сразу попал в цветную платковую, шалевую круговерть. Пахло блинами, пирогами, другой горячей стряпней. В котлах на площади варили пельмени. Ели их с тонких лучин. Пели. Плясали. Вывели на люд ширококостепых тяжеловозов, рысаков с изукрашенными уздами, тройки в кошевах. Широко гуляло Костино! Еще бы: впервые колхоз получил за труды больше денег, чем истратил. В начальный год агрономства Евгений Константинович сумел сразу почти на треть поднять урожаи хлеба.

Андрей Васильевич Телегин, председатель, с довольным лицом водил по селу стайку оступающих в мягком снегу городских гостей; что они спрашивали, объяснял.

— Куда столько лошаdstва, — удивлялись те про обилие коней. — Что техника делать будет?

— Пригодятся, — отвечал председатель.

Я искал Ростецкого и не находил. Где же он может быть?

Главный гул праздника катился с реки. Посреди извилисто рассеченной толпы неслись тройки. Гонки! В крошево бился лед. Быстрые кони как бы пытались выхватить себя из упряжи. Близко у беговой дорожки увидел Ростецкого. В напряженном наклоне, с наслаждением на лице, следил он за бегом. Грудастые, гривастые коренники удали несли кошевки, и, казалось, сам встречный ветер отмахивал, отгибал диковатые головы пристяжных.

— В кореннике задача, — с блеском в глазах сказал Ростецкий. — В нем сила тройки.

...Прошлый год, на севе, я снова услышал эти слова. Многие колхозы нарушили коней: техники, мол, много. Чапаевцы оставили. Лошадки подвозят теперь от дорог к сеялкам семени — телега маневренней машины, да и пашня не приминается. Правят смиренными потомками тех быстрых коренников школьники. Им, конечно, это внове и они порой неумело дергают вожжи.

Вот так далеко заглядывал председатель. И технике хватало дел, и лошади не скучали. Совсем не случайно чапаевцы выращивают самый дешевый на Урале хлеб. Кони исправно работают и на цены: крутёж грузовой машины с семенами подле сеялок обошелся бы колхозу куда дороже...

Евгений Константинович как бы невзначай, но сильным движением подправит дугу, скажет ездовому:

— Следи! В кореннике вся сила.

Вижу по лицам — не всем знакомо это слово

«коренник», но страсть, с которой говорит и треплет Евгений Константинович пыльную рыжую гриву, вливается в ребят.

...Постоянство и заразительность силы чувства — первый признак таланта.

Одного рода-племени

Суть агрономической школы Ростецкого в том, чтобы получать стабильные урожаи хлеба и на подзолах. Причем независимо от капризов погоды. Многолетними опытами Евгений Константинович доказывает: влаги для двухсотпудового урожая с гектара в подзолах хватает. Надо уметь ее удержать! Поля пахать и выравнивать с осени, ни в коем случае — весной: сквозь вспоротую пашню, как сквозь рану, уйдет влага. Посеял — прикатай: через щелистый панцирь из сцепленных, с грецкий орех, земляных комочков, семя должно дышать...

А дышать же даже в машине трудно... Солнце пропекает тент. Едем вдоль полей. Ростецкий несколько озабочен. Сушит сильно. Все начинает походить на страшную, засушливую весну 1975 года, когда трескалась земля, высыхали болота, обугливались сенокосы. Правда, чапаевцы и тогда получили свои обычные 30 центнеров зерна с гектара, но такое урожайное одиночество было горьким: большинство хозяйств едва собрали то, что посеяли...

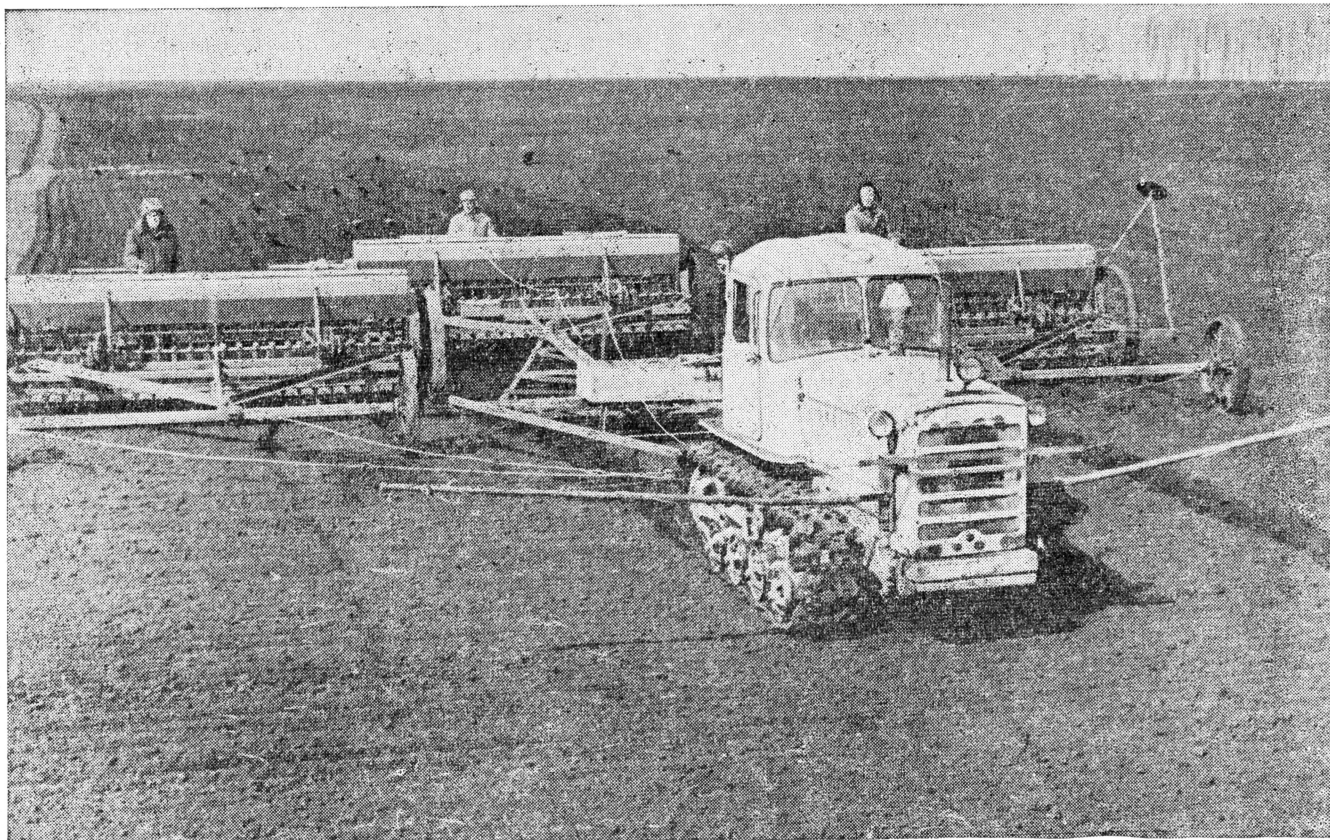
Сетует Евгений Константинович на погоду: и без того редкие тучи то левее сбросят дождь, то правее, но никак не на Костинские поля. Но озабоченность главного агронома не переходит в серьезную тревогу. Ему вообще не страшно сухое лето: о влаге для семени Ростецкий позаботился с зимы — снег так был впахан в поля, что не ушли с них воды верхние.

Мы выходим из машины. Ростецкий как-то легко, почти не вдавливая шага в пашню, проникает в поле. Я стараюсь так же, но башмаки, надтреснув корочку, погружаются куда глубже.

Осторожно, как минер, рыхлит Евгений Константинович землю. Под корочкой — влажная, тугая почва. Застигнутая солнцем, она быстро сереет. Часто-часто выбирают ее чуткие руки. И вот на кончике пальца — припухлое, уже разошедшееся зерно, с белыми прорывами по бокам и зеленой упрямой стрелкой роста. Мы молча разглядываем всход. Какую мощь он таит! Ведь это хлеб... Кажется, что разрытая лунка дышит свежестью, как если бы склонились над родником. Точным движением Евгений Константинович опускает зернинку на место. Осыпает землей. Придавливает, как печать ставит. И подымает радостные глаза:

— Нам с ним влаги хватит!

Говорит так, будто он с зерном одного рода-племени...

И шапку об пол!

Однажды я оказался свидетелем при разговоре, как потом оказалось, для уральского земледелия чуть ли не историческом. Гости к чапаевцам едут каждый день. Из района. Из области. Бывает, издалека, даже из Сибири. Поговорить с Телегиным, Ростецким. Опыт перенять. Иной раз и утомительно принимать по несколько делегаций в день, но гости — святое дело. На сей раз прибыл директор совхоза «Бородулинский» Петр Григорьевич Зуев. Евгений Константинович следит за этим директором: вплотную подбираются бородулинцы к двухсотпудовым урожаям... Сеют быстро, даже ночью. Петр Григорьевич выпытывает, как смотрит на это Ростецкий. А тот неважно смотрит:

— Не надо при фонарях сеять. Плохо...

— А если выигрыш в скорости, — повторяет осторожно Зуев.

— Не надо выигрыша в скорости, — спокойно пока отвечает Ростецкий.

— А что же надо, Евгений Константинович?

Это уже оборот «завода». Ростецкий стоит у стены. На нем дорогое пальто, впрочем испачканное торфом — с утра был на полях. Караку-

левая шапка. За зиму он поправился, округлился лицом. Яснее выступили веснушки...

И он начинает говорить громче, с нарастающим...

— Надо выигрыш в хлебе! Агроному нужна мечта! Моя — сорок центнеров зерна с гектара. Но без ранней выровненной зяби не будет и половины. Это — азбука! Если вы оставите такие глыбы (шапка летит на стул!) — будет плешина, на ней ничего не вырастет, а должен быть сноп! Пусть весной разобьется глыба бороной, толку мало, в ней не шли никакие процессы, она бесполезна на поле, как этот стул (отъезжает под толчком стул!). Далее. Удобрения — десять тонн органики на гектар. Ми-ни-мум! Иначе урожая не жди. Приезжайте осенью — я покажу наших мастеров. Красота! Поля — колос в колос... А вы ночью сеете. Зачем?! У нас по восемьдесят сеялок днем выходит. Быстро управляемся... (Шапка возвращается на голову, стул — на место). Доставайте записные книжки, дам вам нормы высева...

Зуев сначала пишет, потом карандаш останавливается. Речь Ростецкого завораживает. Не всякий может так вдохновенно выдать про свое, сокровенное дело...

Когда бородулинцы уехали, я спросил:

— Всегда шапку об пол?

— Зув того стоит,— коротко ответил Ростецкий...

И в последние дни прошлогодней жатвы, когда Свердловская область собрала высший за все годы урожай, Ростецкий, похудевший, в пыльной рубашке с рукавами, застегнутыми у запястья, сокрушался:

— Хоть под землю со стыда! Обошли нас бородулинцы. А проняло их тогда!.. От ночного сева отказались!

У самого — в глазах радость. Не зря шапкой об пол бил! Двадцать хозяйств в области получили двухсотпудовые урожаи. Это ли не торжество его агрономической школы.

Звание Героя Социалистического Труда Петру Григорьевичу и Евгению Константиновичу присвоено в конце 1976 года одним и тем же указом. Там слова: «За выдающиеся достижения во Всесоюзном социалистическом соревновании...»

Любить эту землю

...И как настойчива в памяти уральских хлеборобов весна 1976 года. Поля неожиданно наполнил осот — злой, живучий сорняк. Видно, в засушливую осень, когда плуги едва рвали закаменевшую землю, осот притаился. В начале мая крапнули дожди, и свирепая зелень, выстрелив из глубины, облила посевы...

Ростецкий срочно направил на поля культиваторы, сняв с сеялок молодых трактористов. У Николая Лунина это было первым серьезным заданием от «самого». Ростецкий видит: не получается у парня.

— Переделай,— коротко говорит Николаю. Через час еще: «Переделай»...

— Я больше не знаю, как переделывать,— тихо говорит парень...

— Присядь,— почти приказывает Евгений Константинович,— видишь, корень осота глубоко. Веди культиватор ровнее.

Глаза Николая наполнены влагой. Смотрит мимо, не слушая...

— Обидел парня,— сердито хлопает дверкой машины Евгений Константинович.— Но ведь вон тоже молодой работает!

Смотрю, куда показывает: за рекой, в соседнем колхозе, чернеет отлично разделанное поле.

И мы едем в колхоз «Россия»; молодой агроном Люба Жаркова узнает знаменитого гостя, радостно вспыхивает: как-то оценит поля. А Ростецкий, широко шагая по пашне, молчит.

— Хорошая работа! — хвалит Ростецкий тракториста. И ждет его слов.

— Надоело нищенские урожаи получать,— говорит тракторист.

— Вот! Точно! — засекает ответ Евгений Константинович.— Заметьте, Любовь Васильевна: научатся все так же соединять сев и жатву в одно — хлеб, который надо вырастить, тогда и будут урожаи. А поля у вас — добрые...

И снова спешит машина главного агронома. Встал он сегодня в три часа утра. Когда отдыхает — никто не знает. У трактора Николая Лунина тормозит.

— Должен и мой парень соединить,— говорит Ростецкий. И вышагивает к трактору по пашне, на ходу отыскивая единственное слово...

Соединит Николай Лунин сев и жатву! У него умный учитель, который самозабвенно любит эту землю, столбы телеграфные обочь полей, блеск прильнувшей к дороге реки, темную башенку пожарки, от которой — серая тень по зеленой траве, крашенные ставни деревни, запруженные сиреню палисадники, тугое, разверстое ветром колосистое поле... И научит любить Николая. Евгений Константинович может рассказать ему все и о каждом поле; и о каждой высеянной культуре; и о каждом механизаторе; он может исчерпывающе обосновать целесообразность каждого своего агрономического приема.

— Есть ли такой секрет у земли, который даже вы объяснить не сможете? — как-то спросил я у Ростецкого.

Он ответил:

— Никогда не объяснишь, за что любишь ее...

*с. Костино
Алапаевского района,
Свердловская область.*

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА...

**Валерий
БЕРЕЗИН**

...Кочуя по свету, песня остано-
вилась на берегу древнего Средизем-
ного моря. Первыми подхватили ее
портовые грузчики Картахены. Всю
ночь море слушало эту песню.
А утром грузчики ушли в бой за Мад-
рид. Французам, немцам, болгарам,
чехам и словакам — всем интер-
бригадовцам далекая гостя пода-
рила свою душу — веру в победу.

*Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города.*

...Третью ночь горстка красных
партизан пробирается сквозь уссу-
рийскую тайгу. Ветер гонит колючую
снежную поземку. Далеко позади
осталось место последнего боя. Раз-
ведчики приносят малоутешительные
вести: вокруг японцы. Забинтованы
удила лошадей, не слышно громкого
смеха, нельзя курить, шагать надо
строго след в след.

Под горой зачернела деревушка.
Вытянувшиеся вдоль речки избы мед-
ленно выступали из тумана. Пар-
тизаны незамеченными миновали де-
ревню, занятую врагом. И снова —
тайга, и дороге, кажется, нет конца...

Скоро Уссурийск. Впереди — бой,
последний бой за Владивосток.
Командованию срочно нужны ценные
сведения партизан-разведчиков и
карта обороны города, которую раз-
добыли подпольщики. Карту вместе
со стихами «Партизанского гимна»
хранит на груди сам командир раз-
ведчиков — Петр Парфенов.

Петр Парфенов родился в бед-
ной крестьянской семье в Уфимской
губернии, в 1894 году. Батрачил,
учился в церковноприходской школе.
Неурожай, голод заставили его
уехать с родины в поисках лучшей
доли. Алтай, Сибирь, Владивосток...
Перебиваясь случайными заработка-
ми, Парфенов учился, и ему удалось
сдать экстерном экзамены за пол-
ный курс гимназии. Он стал сельским
учителем.

В октябрьские дни 1917 года
Петр Семенович Парфенов вступил
в ряды РСДРП.

Писать он начал с 19 лет, но в
печати до революции появилось
лишь одно стихотворение Парфено-
ва — «Старый год», за которое вла-
дивостокская газета «Рабочий путь»
была оштрафована. За другое — «Не
все золото, что блестит», посланное
в «Русское слово», автор просидел
неделю на полковой гауптвахте —
тогда Парфенов служил в царской
армии.

«Партизанский гимн» был перво-
начальным вариантом песни «По до-
линам и по взгорьям». В нем Парфе-
нов рассказал о победе над контрре-
волюцией в Николаевске-на-Амуре
зимой 1919 года. Навсегда запомнил-
ся тот день и митинг победы — тыся-
чи людей с вниманием слушали го-
рячую речь Сергея Лазо. Вот тогда
и пришла мысль написать свою
песню.

У таежных костров создавался
«Партизанский гимн». В. В. Сакович,
который командовал тогда Народной
Армией, говорил:

«Не забудь отметить только,
товарищ поэт, как мы семь дней и
шесть ночей дрались с белобандами
под Спасском, как шли на штурм».

Еще раньше, в начале повстанче-
ского движения, Парфенов написал
песню «Наше знамя», посвятив ее
земляку и другу Ефиму Мамонтову.
Показал тогда стихи А. С. Новикову-
Прибою, который их одобрил:

*Мы, землеробы, будем вольно
В родной Сибири нашей жить,
И не дадим свое приволье
Ни отменить, ни изменить...*

Музыка подобралась сразу — ме-
лодия песни «На Сучане». В мужес-
твенной и печальной мелодии узна-
ется широкая русская душа, улавли-
вается гул тайги и свист ветра на
амурских просторах...

Алтайским партизанам тогда нуж-
на была своя песня. За несколько
дней на полковом шапирографе быв-
ший учитель Савинов отпечатал весь
тираж — пятьсот листов со стихами
«Наше знамя». Железнодорожники
станции Барнаул распространили их
среди мобилизованных Колчаком

солдат. Песня «Наше знамя» вскоре стала массовой. Пели ее и на Алтае, и на Енисее — по всей Сибири. Вот так и получилось, что песня дальневосточных партизан родилась на Алтае. Здесь в 1918 году Парфенов работал корреспондентом газеты «Новая жизнь». Как представитель губисполкома на Алтае, он, кстати, был избран делегатом исторического II Всероссийского съезда Советов.

Когда судьба занесла Парфенова на Дальний Восток, он решил написать новую песню на прежнюю мелодию. Гимн полюбили все. Но пели его по-разному. Мужчины, тесно сгрудившись у костра, вели мелодию протяжно, нараспев. На марше — в походном темпе, с приветом и боевыми интонациями. Женщины пели грустно и задумчиво. Каждый запевала влетал в песню свой узор.

...На следующий день разведчики Парфенова прибыли в Уссурийск.

...Утром был бой за Владивосток. Сбросив интервентов в море, народоармейцы водрузили на вокзале победное знамя. В этот же день стало известно о гибели Сергея Лазо. Потрясенный его смертью, Петр Парфенов написал новые стихи «Партизанского гимна». Вот что писал он в журнале «Музыкальная самодеятельность» № 10 за 1935 год:

«Первым, кому я прочитал свое новое произведение, был Эраст Ильинский, судейский работник, у которого я снимал комнату. Но он из всех русских поэтов признавал одного Надсона и любил в стихах интимную лирику. Мой «Партизанский гимн» ему определенно не понравился. На другой день я познакомил с песней начальника строевого отдела армии Гнилорыбова, который посмотрел на нее как человек военный и никаких изъянов не нашел. Но командующий армией забраковал наместо: «Партизанскую песню я рекомендую армии не могу. Ей нужен гимн организующий, красноармейский». Мне тогда же удалось внести изменения в наиболее неряшливые куплеты».

На листке с окончательным вариантом песни Парфенов сделал надпись: «Светлой памяти Сергея Лазо, сожженного японо-белогвардейцами в паровозной топке».

Произведение, созданное Петром Парфеновым, стало подлинно народным. Этот гимн победы был популярным в годы первых пятилеток.

В 1929 году ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А. В. Александрова подхватил мелодию. В Дарнице, под Киевом, композитор А. В. Александров записал с голоса «По долинам и по взгорьям», уже как фольклорный образец, от командира роты 136-го стрелкового полка А. Агурова. В том же году ансамбль гастролировал на Дальнем Востоке, где выступил с монтажом «Особая Дальневосточ-

ная». В монтаж, составленный поэтом С. Алымовым, была включена песня «По долинам и по взгорьям». С тех пор авторство стали приписывать Алымову.

Осенью 1934 года группа писателей и бывших красных партизан, среди которых были В. Яковенко, Н. Матвеев-Бодрый, Е. Пермитин, А. Новиков-Прибой, опубликовали в «Известиях» письмо и назвали настоящего автора песни. И только через тридцать лет, в 1963 году, после первого профессионального исполнения было установлено, что автор текста широко популярной песни «По долинам и по взгорьям» — П. С. Парфенов.

А чья музыка? Народ пел песню по-разному. Насчитывалось около десяти вариантов мелодии. Первая же публикация «По долинам и по взгорьям» состоялась на страницах владивостокской газеты «Красное знамя» в канун 15-й годовщины Великого Октября. Журнал «Красноармеец и краснофлотец» перепечатал песню. В обсуждении стихов и мелодии участвовали видные политические и военные работники.

— Песня нам нужна, — говорил маршал В. К. Блюхер. — Такая нужна, чтобы к победам звала, чтобы с ней наши бойцы могли идти в бой, как со знаменем.

Мария Александровна Иванова, бывшая заведующая кафедрой политэкономии медицинского института в Москве, в 1929 году работала в Хабаровском крайкоме КПСС. Она знала В. К. Блюхера. «Он, — пишет М. А. Иванова, — очень любил эту песню, сам пел ее. А когда товарищи пели по-другому, то поправлял и говорил, что у Петра Парфенова она написана не так... Он говорил, что хорошую песню оставил Парфенов. Она хранит жар ружейных стволов».

На граните монумента Партизанской славы, что стоит недалеко от берега Амура в Хабаровске, выбито четыре щемящих сердце строчки из песни Парфенова:

*И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.*

Здесь, на улице Ленинской, где стоит памятник, Парфенов писал стихи, чтобы навечно врезать их в гранит и в сердца.

*Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города.*

Рядом находится и старая гостиница «Золотой Рог», где в 1914 году будущий красный комиссар и поэт Петр Парфенов работал помощником швейцара...

Настоящая песня живет века. Мелодию услышал живописец. Перед его глазами возникли просторы При-

морья. На холсте изогнулась речка, тревожно нахмурилось небо. По-над берегом — колонна партизан. Впереди — всадник в матросской бескозырке, в его руках — трехрядка. Он играет, партизаны поют. Свою картину художник В. Шаталин так и назвал — «По долинам и по взгорьям».

В Испании русскую песню «По долинам и по взгорьям» пели на всех языках. Дальневосточный «Партизанский гимн» сражался с фашистами.

Эрнст Буш включил этот гимн в антологию международных протестарских песен. Немецкий журналист Эгон Эрвин Киш писал о нем: «Мелодия партизанской песни сначала робко, потом все уверенней неслась над толпой притихших бойцов. Вот с одного конца доносятся сербские слова этой песни, вот ее подхватили по-французски, вот ее запели по-чешски, по-немецки, по-болгарски... И русская партизанская песня гремит над рекой разноязыким, но могучим и стройным хором. Песня объединила этих людей, подняла их дух, их силы».

Эту песню пели юные герои Краснодона. Вырывалась она к весеннему небу из-за решеток гестаповской тюрьмы в Панкратце.

«Мы пели, — писал в своем бесстрашном «Репортаже с петлей на шее» Юлиус Фучик. — Мы вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, кто ведет бой как и мы...»

1 мая 1943 года, когда погиб Петр Парфенов, узники камеры № 267 в Праге пели «Партизанскую» — интернациональный пароль антифашистов. На десятки языков переведена партизанская песня Петра Парфенова «По долинам и по взгорьям».

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**Тамара
ЕФИМОВА**

Рисунки
А. Кирпикова

ПРАВительСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА — было отпечатано красным по белому на бланке, который директор протянул Химичу.

Георгий Лукич, еще не прочитав сообщения, только по нарочитой торжественности жеста, по выражению лица директора завода понял, что предстоит узнать нечто любопытное. И так...

«ПРАВительСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА. КОМАНДИРУЙТЕ МОСКВУ ХИМИЧА НИСКОВСКИХ КОЛОМЕЙЦЕВА ПРИБЫТИЕМ «ЛИЦЕНЗИНТОРГ» 16 ФЕВРАЛЯ ВЫЕЗД ЯПОНИЮ 18 ФЕВРАЛЯ...»

И в последней строчке этой, весьма приятной для Георгия Лукича, телеграммы упоминалось еще о том, что командированным необходимо прихватить справки о размере заработной платы за три предыдущих месяца. Эта последняя строчка о земном и насущном сразу как бы сделала реальным и все содержание телеграммы. «Хорошие новости» — взглянули друг на друга директор и главный конструктор. События разворачивались... Директору и главному конструктору Уралмаша хотелось теперь одного — чтобы они разворачивались по возможности быстрее.

...В Японии, за десятки тысяч километров от Урала и Уралмаша, на заводе крупнейшей японской машиностроительной фирмы «Кобе Стил» монтировалась установка непрерывной разливки стали — УНРС. Авторами ее были конструкторы Уралмашзавода. Год назад «Кобе Стил» приобрела у Советского Союза за золото лицензию на право производства таких установок. По чертежам Уралмаша построила первую УНРС и назначила день испытаний.

Телеграмма как раз и извещала о том, что к испытаниям все подготовлено. Фирма через «Лицензинторг» приглашала Химича — главного конструктора установки, Нисковских, Коломейцева — ведущих конструкторов на первый пуск, испытания, смотрины, переговоры о путях возможного дальнейшего сотрудничества. Уралмашевцы не без волнения стали собираться в дорогу.

Многое должны были решить успех или неудача испытаний УНРС в Японии. Установка была необычной по конструкции, содержала в себе множество новейших инженерных решений, которые проверялись до этого только на экспериментальных машинах. Если успех — будущее установки обеспечено, предсказания недоброжелателей (и соперников) окажутся несостоятельными. А если неудача? В общем причины поволноваться были.

...Пройдет более десяти лет, и наступит год 1977-й. Сегодня Уралмаш монтирует машины непрерывной разливки стали своей конструкции на крупнейших металлургических предприятиях нашей страны и за рубежом: в Финляндии, Югославии, Чехословакии. Уралмашевский портфель заказов на УНРС зрелит заявками на много лет вперед. Есть в нем заявки и из Японии — со специалистами этой страны деловые отношения сложились прочно. Кажется, нет оснований беспокоиться за судьбу оригинальной установки... Но за десять последних лет машине и ее

Литье в колодце

авторам пришлось многое перенести. Они были то жестоко изруганы, то расхвалены, почти побеждены соперниками и снова выступали победителями. Удачные испытания машины на заводе «Кобе Стил» сыграли во всей этой истории весьма положительную роль... Потому уралмашевцы вспоминают и сегодня о своей поездке 1973 года в Японию с искренним удовольствием, хотя, конечно, эти воспоминания уже лишены и первоначальной приподнятости, и остроты, и большинства нюансов.

Вспоминают: о подчеркнутом гостеприимстве фирмы, о продуманной программе развлечений, о красоте японских островов, о тесноте японских городов... Во всех подробностях остался в памяти только день испытаний, неожиданный вопрос господина Енеды, специалиста «Кобе Стил»:

— Господин Химич, отчего вы так волнуетесь? Японцы не умеют изобретать, но доводить машины они умеют...

Как тут не волноваться? Не выходит, ведь через минуту начнется важный для уралмашевцев экзамен.

На площадке испытаний появляется священнослужитель... Окропляя святой водой, медленно обходит установку. Японцы подносят к лицу ладони, молятся.

— Господин Енеда, что священник просит у бога? — спрашивает Георгий Лукич.

— Избавления от аварий и несчастных случаев.

— Об этом следовало бы просить конструктора.

Главный конструктор с Уралмаша Георгий Лукич Химич не склонен перекладывать свою ответственность или делить ее, в данном случае, даже и с «самисама». Но из уважения к хозяевам и он складывает ладони и подносит их к лицу.

Евгений Мар, известный писатель, так представил себе первого металлурга и начало литейного дела:

«Самый старший, сидевший у оступающего костра, по-видимому, вожак, разгреб угольки и вытащил ноздреватую лепешку серого цвета. Он ударил по этой диковинной лепешке камнем... И очень удивился, когда она послушно согнулась»... Вожак был огромный и плечистый, совершенно босой, но одет в звериную шкуру. Металлическую лепешку он, естественно, использовал для изготовления топора и тут же взял этот топор с собой на охоту...

Стоит ли, однако, беспокоить «тени забытых предков» в этом очерке, назначение которого рассказать прежде всего об истории создания уралмашевцами уникальной УНРС, о новейших достижениях металлургического производства? Наверное, не стоит. Но о книжке Мара упомянул в разговоре кто-то из конструкторов.

— Мы шли ощупью... (Вот тут кто-то и вспомнил «вожака» из книги Мара).

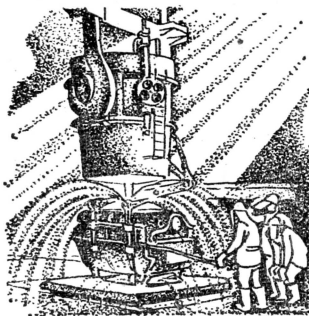
— Установка переживает период своего детства. (И это сказано было уже после того, как в Японии, на заводе «Кобе Стил» успешно прошла испытания первая промышленная УНРС).

— Мы будем недоумевать, может быть, со временем даже издеваться над собой, как можно было так примитивно конструировать?

Сегодня авторы УНРС уверены в будущем своих машин. Они склонны даже критически оглядываться на пройденный путь. А несколько лет назад они любили свою машину категорически.

Не то ли самое происходит с мировой металлургией? Как только ей удалось, наконец, сделать огромный шаг вперед в области разливки стали, стало очевидным, что в истории металлургии много нелепого, детского, почти смешного. Ни одна область промышленного производства так не отстала, как технология разливки стали. Мир переживал скачки, взрывы технического прогресса, но сотни лет металлургии не могли изменить непроизводительные процессы.

И — все изменилось. Были поставлены первые эксперименты. Наконец появились первые УНРС — установки непрерывной разливки стали. Непрерывной... Вот когда стало особенно ясно, как долго длился застой.

Евгений Мар написал свою книгу двадцать лет назад до появления УНРС. Он начал свой очерк с упомянутой «сцены у костра» и довел его до рассказа о разливке стали на металлургических предприятиях, таких, как Нижнетагильский металлургический комбинат.

«...Все приходит в движение. С помощью мощных кранов к печи подали вместительные ковши. Сталь

устремилась по желобу прямо в ковш, и весь цех словно осветился заревом. Стоят наготове металлические формы-изложницы. Сюда сейчас пойдет из ковша жидкий металл.

Наступает горячая пора для рабочих, занятых разливкой стали. Медленно движется ковш над изложницами, наполняя их жидким металлом. Ковш ушел, а над каждой изложницей еще долго, словно факел, горит пламя.

Уже не один мощный, подобный зареву, отсвет, а десятки веселых огней освещают теперь цех. Пока сталь, разлитая по изложницам, еще не успела затвердеть, рабочий быстро вставляет ушки. На них обозначен номер плавки и марка стали.

Когда сталь остынет, ушки с номером плавки накрепко приварятся к каждому слитку. Кран вытащит слитки за эти же самые ушки из изложниц и аккуратно уложит на платформу... Из стальных слитков изготовят листы кровельного железа, строительные балки, железнодорожные рельсы, проволоку и многие другие вещи...»

Сотни лет, это нужно себе только представить... сотни лет (!) технология разливки стали не менялась. Вот так же, в изложницы, лил сталь когда-то Демидов на Урале, еще при Петре Первом лили сталь в изложницы крепостные мужики. И все усовершенствования за сотни лет не сумели вытеснить чугунных изложниц. Их становилось даже больше и больше, потому что стали нужно было все больше, росли мощности металлургических печей, вместительность разливочных ковшей... Но неизменно сталь из ковшей лилась только в изложницы... И неизменно, когда металл в них остывал, тридцать процентов его оказывалось бракованным, превращалось в окалину... Тридцать процентов брака — вот она проблема!

Жизнь каждой изложницы, такой чудовищно толстой, тяжелой, всегда очень коротка. Поэтому на их изготовлении специализируются целые цехи: берут повышенные обязательства, выполняют и перевыполняют планы... сколько непроизводительных затрат!

Г. Химич — главный конструктор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии, член-корреспондент Академии наук СССР:

— Инженерные идеи тогда жизнеспособны, когда рождаются вовремя... они должны как бы назреть. Сегодня в мировой металлургии намечается огромный интерес к разливке стали непрерывным методом. А я заинтересовался этим еще до войны.

Мы тогда сообразили опытную машину для ВИЗа... такую... в общем, ни на что не похожую. И в сорок первом году пустили ее. Началась война, ушел на фронт... Машина с ходу не пошла и ее «срезали». Время было не то, чтобы дорабатывать, а идея машины, как я сейчас понимаю, оказалась слишком... приблизительной. Но было ощущение, что как-то надо по-новому лить сталь, без изложниц. А как?

Уже спустя много лет после войны, уже после того, как Георгий Лукич получил Государственную премию за производство могучих прокатных станков и вообще имя

главного конструктора стало известно специалистам как имя ведущего в стране конструктора-прокатчика, Химич как-то, будучи в Москве, зашел в научно-исследовательский институт металлургического машиностроения, во ВНИИМЕТМАШ, к академику Целикову. Было у главного конструктора с Уралмаша и известного академика много общих идей и замыслов. Георгия Лукича встретили очень радушно. Целиков потащил его в экспериментальную мастерскую показать какую-то новинку.

То, что Химич увидел, напомнило его конструкторскую молодость. Но не потому, что целиковская экспериментальная модель походила на его, Химича, собственную машину, установленную еще до войны на ВИЗе. Нет, ничего общего между ними не было. И все-таки Химич вспомнил свою машину, желание разделаться с изложницами. Увидел: Целиков хочет предпринять такую же попытку, спустя почти двадцать лет. И так, хотя изложницы все еще живут и стопорят возможности металлургов, но инженеры уже гораздо яснее понимают, что с ними надо разделаться. А как?

Георгию Лукичу не понравилось то, что предложил Целиков. Он не обнаружил нового в конструкции. Колесо-карусель, вроде знакомых «гигантских шагов» из городского парка... На месте скамеечек для публики — изложницы. Колесо вращалось, передвигались изложницы, равномерно заполняемые металлом. Правда, при этом оставался неподвижным разливочный ковш. Но какая, собственно, разница — ковш движется или изложницы? Главное, остались изложницы... Целиков объяснил: «Это всего лишь один из возможных вариантов...»

Спустя некоторое время уралмашевцы познакомились и с другим вариантом, который предложил Государственный институт проектирования металлургических заводов — ГИПРОМЕЗ. Установка непрерывной разливки стали вертикального типа. В чем ее суть?

Установка находилась в колодце, глубиной около полусотни метров. Все оборудование — в колодце! Вертикальная установка должна была принять в себя ручей металла, направить его вниз, по колодцу, и, наконец, остывающий, разрезать на слэбы. Механическое оборудование становилось той зоной, в которой формировался металл. Вот это что-то новое!

Неожиданно Георгий Лукич Химич получил возможность поразмыслить над схемой вертикальной установки. Его отделу прокатного оборудования было предложено выполнить рабочие чертежи, а Уралмаш должен был по этим чертежам в течение года изготовить установку в металле. Заказ правительства!

Интересно, любопытно... живой ручей металла непосредственно в механической части... До этого прокатчики имели дело только с раскаленным слитком, сформированным в изложнице. А что же теперь? Какие новые проблемы механики придется решать... Только ли проблемы механики?

Прокатчики — это прежде всего механики. А уралмашевские прокатчики — это механики отличные, не только знающие, но, главное, чуткие к новому... Однако разве могли и они предположить, что правительственный заказ вынудит ползть в книги по металлургии? И, наконец, Уралмаш начнет упорно добиваться возможности принять на работу в свое КБ специалистов-металлургов. В министерстве поначалу даже не поймут: зачем вам, механикам, лезть в вопросы металлургии? С вас спрос только как с механиков!

Спустя много лет на одной из уралмашевских машин непрерывной разливки при испытаниях случится пренеприятная авария. Поднимется невероятный шум, что вообще машина никуда не годится, ее надо размонтировать и — в переплавку... А потом выяснится, что механика и механики не виноваты, просчет окажется именно металлургический... Но уралмашевцы не воспользуются своим правом заявить: «Мы ведь механики, с нас и спрос как с механиков». Они найдут причины аварии, установят их. К этому времени многие из конструкторов станут прилично разбираться в вопросах металлургии. Ныне время

специалистов широкого профиля... Если появились биофизики, то почему в машиностроении не может быть, назовем так, механолитейщиков? Но это, однако, отступление. А события развивались так.

Проект ГИПРОМЕЗа недолго вызывал энтузиазм у прокатчиков Химича Георгия Лукича. Они его раскритиковали «в дым». То не нравится, это не нравится, особенно механическая часть... Ну а сами они предлагали что-нибудь взамен?

Пока нет — они критиковали: «Механическую часть можно как-то подтянуть. Но скажите, пожалуйста, может ли быть вообще надежной установка, расположенная под землей, в огромном колодце, в полусотметровой шахте? Там и ремонтнику не повернуться... Литье металла в колодец? В конце концов, это ведь то же самое, что лить металл в большую-большую изложницу?

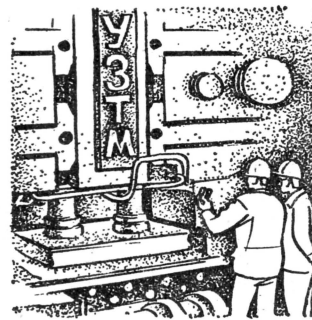
Вот оно — главное! Вот, что раздражало, поражало консерватизмом решения, оскорбляло, даже эстетически... Вместо множества маленьких, одна большая-пробольшая, напичканная хитроумной механикой, изложница!

Никуда невозможно деться от изложниц! Сотни лет они терроризировали металлургов и снова инерция конструкторского мышления возвращалась к ним. Целиковская карусель — «гигантские шаги»... гипромезовский «колодец»... В конце концов, почему надо зарываться в землю? А если над землей? Тогда установка вырастет с высотный дом, получится та же изложница, только высотой с дом...

Конечно, никто не мог запретить уралмашевцам критиковать и фантазировать, иронизировать над чужим проектом и выдвигать собственные идеи. Все это вполне можно было делать... в свободное от работы время. А в рабочее время, согласно трудовой дисциплине, они обязаны были заниматься вертикальной установкой по проекту ГИПРОМЕЗа. Потому как проект не только был утвержден, но на Липецком металлургическом заводе уже строился новый цех под новую установку...

Это было любопытное строительство. Пожалуй, нельзя сказать, что цех строился, как это принято, он рылся, уходил под землю. На самом дне огромного котлована рабочие, в болотных сапогах, мощными брандспойтами размывали грунт. Они стояли на островках, ускользящих из-под ног, а вокруг разливалась вязкая, густая «няша» и экскаватор ее вычерпывал, а она стекала обратно между зубьев... Готовилось будущее ложе для УНРС — непрерывной вертикальной установки разливки стали, в которой все производство: разливка, охлаждение, резка металла уходило под землю...

Прямее путь — по кривой...

В это самое время, возможно, даже чуть раньше, Ирвин Россе, по происхождению американец, крупнейшая фирма которого «Конкаст» располагалась, однако, в Швейцарии... Ирвин Россе — капиталист-космополит, уже лет тридцать скупающий все патенты, относящиеся к разливке стали непрерывным способом... («Конкаст» — «континуус кастинг», что означает «непрерывное литье»)... развернул рекламную кампанию в пользу вертикальных установок, изготовляемых на заводах своей фирмы. Он взялся завоевать мировой рынок, угадав очень удобное время. Все крупнейшие металлургические предприятия мира ощу-

шали необходимость в принципиальном обновлении производства.

Но не только Ирвин Россэ уловил ситуацию. В решающий момент в качестве опасных конкурентов выступили японцы. В обычной для себя роли — покупателей хороших идей. И на этот раз им тоже нужна была не просто готовая установка, но именно идея новейшей, перспективной установки! Купить идею и затем, многократно воплотив ее в готовые машины, выгодно продать их во все части света — эта практика пошла именно от японских предпринимателей.

Что предлагала фирма «Конкаст»? Вертикальную установку? Японцы присмотрелись к ней. Но вертикальная установка была и у Советского Союза, Гипромет менее красочно, но тоже рекламировал свою машину. Японцы приехали в Советский Союз. Им предстояло сделать выбор не между двумя различными идеями, но между конструкциями, по замыслу родственными. И они отдали предпочтение той, что увидели в советской стране. Так был обставлен капиталист Ирвин Россэ со всей его шумной рекламой. Японцы купили лицензию на производство установок по проекту советских металлургов.

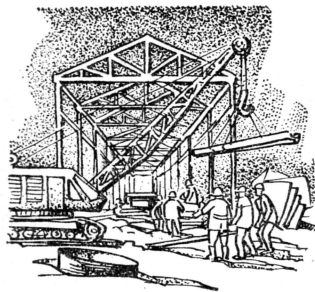
Спрос на УНРС вертикального типа во всем мире вырос необыкновенно. Разливка стали в вертикальные установки — все же, без сомнения, шаг вперед по сравнению со старым способом разливки в изложницы — выше производительность, лучше качество металла...

И все-таки, ведь недаром уралмашевцам возможности установки нового типа представлялись ограниченными? Длина колодца — она не может быть бесконечной... значит, к примеру, любое увеличение скорости разливки исключено. Значит, в недалеком будущем установки-колодцы, возможно, начнут снова, как когда-то изложницы, сдерживать растущие мощности домен, мартенов, конверторов... Эту ограниченность ощущали не только уралмашевцы, ее предсказывали инженеры иностранных фирм. Даже тех фирм, которые, ввиду отсутствия выбора, покупали вертикальные установки. И мысли о других возможностях не давали успокаиваться инженерам.

...На одном из заводов Ирвина Россэ произошла авария. Оператор не сумел направить ручей металла точно в вертикальную направляющую установки... Наверное, он охладил слиток только с одной стороны... А если охладить слиток с одной стороны, то он начнет загибаться... И вот он загнулся. И вместо того, чтобы попасть в вертикальный колодец, раскаленный слиток пошел на пол, побежал по кривой. И так остыл.

Один из инженеров фирмы «Конкаст», свидетель аварии, задумался, глядя на стальную кривую. Потом он распорядился разрезать застывший металл и отнести сляб в лабораторию, чтобы узнать, как случившееся сказалось на качестве стали?..

Соперники «дышат» в затылок

С легкой руки какого-то журналиста на Уралмаше пошла гулять легенда: Георгий Лукич Химич, будучи в Сочи и загорая у моря, случайно нарисовал на песке изогнутую линию. Нарисовал и воскликнул: «Эврика!»

Не было этого. Но однажды, действительно после летнего отдыха, Георгий Лукич, прибыв в конструкторский отдел, собрал вокруг себя ведущих инжене-

ров и, изобразив на бумаге изогнутую линию, сказал: «Давайте подумаем, почему бы, собственно, металл не разливать на радиальной установке? Что может этому помешать? Нужно только приспособить систему тянущих роликов...» И главный конструктор вдоль изогнутой линии набросал множество кружков, которые должны были изобразить тянущие ролики.

Среди конструкторов, склонившихся над простеньким эскизом Химича, был в то время и Виталий Максимович Нисковских, начальник одного из бюро прокатного отдела. Он считался очень сильным конструктором, но то, чем занимался в отделе, его как-то мало увлекало, не забирало полностью. Даже окружающим и главному конструктору в том числе было ясно, что можно и нужно найти для этого человека настоящее дело. Впоследствии, когда эскиз Химича стал проектом, потом установкой и первый ручей раскаленного металла устремился вниз из кристаллизатора, вдоль опытной установки по радиальной кривой... (Положительно ничего еще нельзя было сказать о будущей судьбе этой установки, но...) Виталий Максимович Нисковских сказал себе: «Я понял, какими машинами буду заниматься до конца дней своих!»

Но это потом, а пока был эскиз, и Химич Георгий Лукич предложил своим ведущим конструкторам, в их числе и Нисковских, «порисовать, пофантазировать, может, что и получится...»

Опять же, будучи в Москве, Георгий Лукич зашел к Целикову. Между прочими разговорами он, как бы невзначай, упомянул об идее разливки стали по радиусу и вытащил свой эскиз... «Смотри, вот так надо делать!»

А Целиков открыл в ответ верхний ящик своего небольшого стола и прямо сверху взял лист бумаги, будто он только минуту назад его туда положил... И что же увидел Химич? Точно такую же схему радиальной кривой... Если идея назрела, она рождается многократно. И в такой ситуации трудно сказать, кто первым произнес «а».

Химич: Что ж теперь делать?

Целиков: Мы двигаем вперед, у нас есть возможность, мы, конечно, вас обгоним!

Вот так вдруг стало ясно, что конструкторы Уралмаш-завода попали в самую точку. Дальше следовало бы рассказать, как они работали над своим проектом в обстановке, когда соперник, что называется, «дышал в затылок». Работали вечерами, азартно, без оплаты, потому что проект не входил еще ни в какие заводские планы. Но о том, как азартно работают увлеченные люди, написано множество страниц. Дело не в этом... Ситуация на Уралмаше сложилась чрезвычайно парадоксальная! Представьте, в одном и том же конструкторском отделе, в одно и то же время... Нет, немного не так... Один и тот же конструкторский отдел днем дисциплинированно трудился над официальным заказом, готовил рабочие чертежи по проекту ГИПРОМЕЗа, спускал их в цехи, где уже началось изготовление в металле вертикальной установки для Липецка... А вечером конструкторы этого же отдела накаляли в кульманы чертежи другой установки, которая принципиально отличалась от гипрометовского «литья в колодец». Ее можно было назвать установкой «совсем наоборот». Это была установка-конкурентка... Вот какая парадоксальная сложилась на Уралмаше ситуация в конструкторском отделе Георгия Лукича Химича!

Идея разливки металла по радиусу увлекла уралмашевцев своими фантастическими возможностями. Было совершенно очевидно, что если им удастся выдать слиток из криволинейного кристаллизатора на горизонталь и при этом увеличить длину жидкой фазы слитка, то со временем можно будет значительно увеличить скорость разливки и, следовательно, производительность. С выходом на горизонталь теоретически возникла неограниченная возможность выпускать ленту металла сколь угодно далеко. В вертикальной же машине, как было уже сказано, все это раз и навсегда ограничено высотой колодца...

Работа была закончена в течение года. Еще до того, как в новом цехе Липецкого металлургического завода

состоялся пуск УНРС вертикального типа, изготовленной Уралмашем. Уралмаш объявил, что в одном из его собственных цехов будут проведены испытания экспериментальной радиальной установки. 250 тонн оборудования изготовлено и смонтировано сверх всяких планов! Пожар, при нынешней уралмашевской загруженности и напряженности его производственных плановых заданий такое невозможно. Все-таки были же времена, когда заводу работалось полегче, чем сегодня?

Гостей на испытания прибыло множество. Приехал Целиков. Выяснилось, что его институтом смонтирована модель радиальной установки. Уралмашевцы отметили для себя: «Модель — это всего лишь модель». Их установка выдаст слиток, который можно использовать уже практически.

Впервые на Уралмашзавод приехали ученые с Украины. Оказалось, что и у них есть действующая модель с радиальным кристаллизатором. Правда, слиток по направлению рельсам выходит... в никуда.

Впервые уралмашевцы услышали и о работах Ирвина Россе и его фирмы «Конкаст». Кстати, после того, как Россе заинтересовался радиальным непрерывным литьем, он не смог все-таки запатентовать свою идею. Оказалось, что сама идея о возможности радиальной разливки была высказана еще в 1952 году немцем Шабером...

Получив всю эту информацию, уралмашевские конструкторы с сожалением перестали считать себя изобретателями литья металла по радиусу. Пока патентовать во всяком случае было нечего. Но все-таки дело приняло очень серьезный оборот. События сложились так, что Уралмаш становился конкурентом на мировом рынке. Действующая машина, а не модель была только у него и у «Конкаст». Причем, испытания уралмашевской установки завершились на редкость успешно. Равномерно прошла кристаллизация слитка, лаборатория подтвердила: «Качество отличное». В изумлении смотрели и гости, и сами авторы установки: весь процесс литья и разливки произошел на их глазах. Ни тебе изложниц, ни «колодцев»! Мысль инженеров, наконец, раскрепостилась, переворот в представлениях о способах разливки стали совершился. Следовательно, впереди новые открытия!

«Уралмашоид»

Тут, наверное, несколько поторопив события, можно вспомнить о заслугах перед своим КБ молодого уралмашевского специалиста Стаса Карлинского. На испытаниях первой экспериментальной установки он присутствовал скорее как зритель, а не как участник событий. Но обстановка в конструкторском бюро была творческой. Конструкторы с увлечением совершенствовали новую машину. Как

определил Георгий Лукич Химич: «Мы наигрались с ней досыта». Люди росли быстро, даже таким как Стас, вчерашним студентам, сразу давалась работа серьезнее, чем полагалось бы. Отношения были в отделе демократичными, сказывалась огромная увлеченность.

В пылу споров и экспериментов рождалась «уралмашоид» — уникальный изгиб всей линии установки. Конструкторы стремились придать своей машине возможно большую горизонталь, и искали способов деликатного раз-

гиба расплавленного слитка при выходе его на эту горизонталь. Их увлекала перспектива повышенных скоростей разливки. И вот идея этим путем уралмашевцы в самом деле стали изобретателями. Стасу Карлинскому лично этот факт принес очень много хлопот.

С. Карлинский:

— Наши уралмашевские патенты были одними из первых в Союзе, которые вышли на мировую арену. Система патентования еще только-только складывалась... и было мало опыта. У нас, в частности.

Идея высказана, а тебе говорят: «Ты неправ». И вот ты доказываешь, что, наоборот, неправ эксперт. Возникает длинная переписка, иногда с десятком стран. В каждой стране свой патентный закон, свои условия по написанию формулы и предмета изобретения... много тонкостей. Понабивали мы шишек! Получишь текст на немецком, английском, французском... А в тексте ссылка на какой-нибудь патент, скажем, 1898 года. Где его раздобыть? В Советском Союзе еще только составлялся патентный фонд.

Но труднее всего последний этап экспертизы, когда в спор вступают оппоненты фирм, заинтересованных в том, чтобы твой патент не был зарегистрирован. Подписываются представители «Конкаст», «Демаг», «Манесман», доктор философии такой-то, доктор юриспруденции такой-то... Ну и приходилось рядовому инженеру-конструктору Уралмаша входить в дебри патентования. Берут порой на испуг: а вдруг отступишься? Мы все выдержали!

Было весело смотреть, как растет гора патентов. Они были такие красивые, на иностранных языках. Стасу, как патентоведу отдела, общественнику, пришлось вплотную заняться своим английским языком, а затем — немецким. Ведь профессиональные переводчики не инженеры, не всегда улавливают тонкости самой технологии разливки, а важны были именно тонкости... Каких-то материальных благ изобретатели, правда, пока не имели. Для этого нужно бы было, чтобы кто-то заинтересовался их патентами... Но и за этим дело не стало.

В начале шестидесятых годов японские фирмы металлургического машиностроения были «выбиты из игры». Как отметил господин Енеда, «японцы не умеют изобретать», Япония — покупает. В шестидесятых годах произошло два события. Появились установки разливки стали вертикального типа и радиальные. Японская фирма «Кобе Стил» быстро сориентировалась в отношении вертикальных установок, но в то время, как она готовилась наводнить рынок этими установками, инициативу перехватила фирма «Конкаст» Ирвина Россе, немецкая фирма «Демаг» и итальянская «Манесман». Они вышли с более прогрессивными радиальными установками. Японцы вынуждены были свернуть производство.

Но, между тем, они отправили своих специалистов по всему свету. С какой целью? Если металлургическое машиностроение стало прогрессировать так быстро, значит нужно было искать совсем свежие идеи, конструкции, которые настолько перспективны, что могут морально совершенствоваться по крайней мере ближайший десяток лет. Японцев не интересовали обыкновенные радиальные машины. Почему? Они искали возможности потеснить на мировом рынке фирмы «Конкаст», «Демаг» и «Манесман». И для этого им нужны были конструкции более уникальные, чем просто радиальные установки.

И фирма «Кобе Стил» остановила свой выбор на уралмашевской установке криволинейной разливки стали. Разливке стали по «уралмашоиду».

Вот когда Уралмаш ощутил результаты своих усилий по патентованию и Стас Карлинский, конструктор и одновременно уполномоченный патентовед, понял, что не зря сражался с «акулами капитализма», отстаивая приоритет своего завода. На механизмы установки, созданной Уралмашем, было получено 40 авторских свидетельств и 136

патентов зарегистрировано в ФРГ, США, Японии, Англии, Франции, Канаде, Швеции, Австрии... И, следовательно, лицензия на УНРС могла быть продана «Кобе Стил» на очень выгодных для советского государства условиях.

Выбор

...ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА ИНСТИТУТА УРАЛМАШЗАВОДА:

...ПУНКТ 2. ПРЕДУПРЕДИТЬ КОММУНИСТОВ — ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА ХИМИЧА Г. Л. И НАЧАЛЬНИКА БЮРО НИСКОВСКИХ В. М., ЧТО ОНИ НЕ СУТ ПЕРСОНАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАБОТСПОСОБНОСТЬ УНРС КОНСТРУКЦИИ УЗТМ...

Документы рассказывают о том, что после семидесятого года для уралмашевских конструкторов наступили времена довольно напряженные. В стране разворачивалось грандиозное строительство новых металлургических цехов: еще один цех на Липецком заводе, затем «Азовсталь», позднее «Череповец»... Уралмашевцы настаивали, чтобы на всех этих крупнейших комбинатах были установлены машины их конструкции. Но к этому времени уже прошла испытания радиальная УНРС Целикова, кроме того, Министерство черной металлургии вышло с предложением приобрести за границей машины фирмы «Демаг».

Более двадцати раз коренным образом менялось задание на проектирование УНРС для Липецкого завода...

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ТОВАРИЩУ КОСЫГИНУ А. Н.

...УРАЛМАШЗАВОДОМ СОЗДАНА СОВРЕМЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ УНРС, КОТОРАЯ МОЖЕТ КОНКУРИРОВАТЬ С ЛУЧШИМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ОБРАЗЦАМИ...

ОДНАКО МИНИСТЕРСТВО ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ СССР С САМОГО НАЧАЛА СОЗДАНИЯ КРИВОЛИНЕЙНЫХ УНРС НЕ СМОГЛО ДАТЬ ПРАВИЛЬНУЮ ОЦЕНКУ НОВОЙ КОНСТРУКЦИИ И ЗАНЯЛО ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ К НЕЙ ПОЗИЦИЮ, КОТОРАЯ СОХРАНЯЕТСЯ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ...

Если подробнее остановиться на всех событиях последних лет, то это будет рассказ о весьма острой борьбе мнений. В споре принимали участие академик и доктора наук, вопрос слушался в министерствах и обсуждался во Всесоюзном комитете по науке и технике. Противники уралмашевского варианта установки подписывались высокими учеными званиями, из уралмашевцев только Химич рядом со своей фамилией ставил: доктор наук, член-корреспондент... Но за ним ставили свои подписи: лауреат Государственной премии Голубков, заслуженный изобретатель РСФСР Нисковских, заслуженный изобретатель РСФСР Корякин, заслуженный изобретатель РСФСР Соловейчик...

Это была борьба и людей, и мнений, и званий — борьба за судьбу важнейшей области металлургии — разливки стали. За выбор пути развития на ближайшие десятки лет.

Но почему же все-таки так велико было сопротивление, оказанное установке, предложенной Уралмашем. Со стороны кажется, что только имя фирмы — «Уралмаш» и то уже должно внушать доверие, ведь это такая мощная, уважаемая и надежная в нашей стране фирма? Ответить на этот вопрос очень не просто.

Нисковских Виталий Максимович:

— Мы предложили принципиально новое направление, а не просто еще одну конструкцию, не только тип установки. Мы открыли следующий класс машин, который приходит на смену классу вертикальных и радиальных установок. Говорят, что последние надежнее, чем наша уралмашевская конструкция... Но над отработкой их трудилась машиностроители всего мира. А мы выпускаем в свет первые машины...

Нужно смотреть на это дело шире, с перспективой, не полагаясь в данном случае только на мнение эксплуатационников.

Вспомним о том парадоксальном факте, что в период научно-технической революции мы все еще получаем сталь с помощью домен, мартенов, конверторов! Однако на смену этому идет плазменная металлургия. Ученые предугадывают ее рождение уже в конце XX века...

Наша установка, преодолев естественный процесс становления, должна обеспечить возможность таких скоростей разливки стали, которые, может быть, окажутся сродни скоростному производству стали в эпоху плазменной металлургии! Может быть... Хотя не исключено, что другая идея, еще более смелая и перспективная, откроет новые возможности, о которых мы сегодня не имеем даже отдаленного представления. Толчок дан, все пришло в движение, конструкторская мысль раскована...

Спор о том, установки какой конструкции поставить в новом цехе Липецкого металлургического завода, два года назад был решен в пользу Уралмаша... Спор о том, чьи машины будут работать в «Азовстали», год назад решен в пользу Уралмаша...

Нисковских вызвали в Москву, предложили место главного конструктора. Он был не готов к этой роли, он сомневался, тянул с ответом. И вдруг подумал: а что если УНРС перейдет к человеку равнодушному, который все эти годы не работал бок о бок с нами, не боролся? И тот погубит идею... отступится...

Это ведь самое важное, чтобы дело оказывалось в руках людей стойких, готовых отстаивать свое особое мнение.

«Вся власть Советам»

«Сибирские партизаны»

Гравюры Петра Староносова

Раиса
АНДАЕВА

Более пятисот произведений, посвященных образу Владимира Ильича Ленина, насчитывает графическая коллекция Пермской государственной художественной галереи.

Особое место в собрании занимает графическая Лениниана Петра Староносова.

Художник начал работать над образом В. И. Ленина в начале тридцатых годов, когда получил от Партиздета заказ иллюстрировать книгу П. Керженцева «Жизнь Владимира Ильича Ленина». Художественная критика тех лет высоко оценила работу художника: «Задача создания образа Ленина огромна, и Староносову удалось разрешить ее с такой степенью приближения, с какой это не удавалось сделать ни одному советскому художнику в сюжетных листах».

Графическая сюита Староносова о Ленине стала известна и за рубежом. Гравюры Староносова, хранящиеся в Перми, были подарены галерее автором в 1936 году. Тогда художник работал на предприятиях «Уралзолото», где он собирал материал для своих будущих произведений «Ток идет через тайгу», «В золоторудной шахте», «Дорога на золото», «Выгрузка промьютного песка». Эти произведения Староносова экспонировались на выставке «Индустрия социализма».

Земля одарит красотой

Заповедные места Среднего Урала

**Нина
АРХИПОВА**

кандидат
географических наук

На земле все меньше остается мест с ненарушенным растительным покровом и животным миром. Почти полностью исчезли целинные степи, так красочно описанные Гоголем, Чеховым и Аксаковым. Сильно изменились среднерусские дубравы, преобразуется уральская и сибирская тайга. Изменения затрагивают тундру, пустыню и высокогорья, где прежде очень редко ступала нога человека.

Поэтому так необходима охрана типичных, «эталонных» уголков природы нашей страны.

Заповедные участки природы — «природные резерваты» — необходимы для научных исследований, имеют большое культурно-просветительное и эстетическое значение, а некоторые из них используются для туризма.

Много ли на земле заповедных мест? По данным МСОП (Международного союза охраны природы и природных ресурсов) в 1975 году в 100 странах мира (от которых получены сведения) число заповедников и национальных парков достигло 1200, а площадь их равна 2,3 млн. км², что составляет 1,6 процента территории суши планеты. В действительности площадь резерватов значительно больше — не учтены более мелкие заказники, памятники природы, а также морские и биосферные заповедники, которые только начали создаваться.

В нашей стране наиболее известны такие типы природных резерватов, как заповедники (7 млн. га, или 0,3 процента территории страны), заказники, национальные парки и памятники природы. Но, кроме того, в Законе «Об охране природы в РСФСР» (1960 г.) упомянуты также охраняемые урочища, курортные местности, лесопарковые и зеленые зоны вокруг городов, защитные лесные полосы вдоль рек, озер, прудов и водохранилищ, горные леса на склонах и защитные лесные полосы вдоль автомобильных и шоссейных дорог.

Заповедники в Законе «Об охране природы в РСФСР» квалифицируются как земли, «навечно изъятые из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях». Заповедники создаются для изучения процессов, протекающих в природе, для

охраны и восстановления природных ресурсов. Каждый заповедник — это «эталон» ландшафтов; он не рассчитан на туризм.

В стране — 115 заповедников, из них четыре на Урале: Печоро-Ильчский (Коми АССР), Висимский (Свердловская область), Ильменский (Челябинская область) и Башкирский. Для Урала, протянувшегося от Крайнего Севера до Мугоджар более чем на 2500 км. существующих заповедников совершенно недостаточно.

Заказники создаются на 10—20 лет, в них охраняются редкие виды растений или животных, озера, источники, участки леса. Здесь допускается хозяйственное использование лишь части природных ресурсов.

По характеру охраняемого объекта заказники могут быть ботаническими, геологическими, геоморфологическими, гидрологическими, зоологическими (охотничьими) и ландшафтными.

Национальные парки — новая форма охраны природы в нашей стране. По определению Вашингтонской конвенции (1942 г.), национальные парки — это «территории, выделяемые для защиты и сохранения пейзажей исключительной красоты, флоры и фауны национального значения, от которых, если они будут поставлены под контроль государства, могут получать пользу и удовлетворение широкие круги населения». Как и заповедники, национальные парки могут занимать значительные территории с еще хорошо сохранившейся природой. На некоторых участках таких парков устанавливается режим полной охраны. Природные парки в первую очередь — это места массового отдыха.

На Урале организуется «Народный парк Коми АССР» (площадью около 1,5 млн. га, в горной части Приполярного и Северного Урала) и Башкирский — в долине реки Белой.

Памятники природы — это наиболее распространенная форма природных резерватов. Декрет за подписью В. И. Ленина от 16 сентября 1921 года «Об охране памятников природы, садов и парков» закрепил этот термин. Такой тип природного резервата широко известен и за рубежом, особенно в Западной Европе (только в ФРГ, например, учтено 3500 памят-

ников природы). Памятники природы — участки территории или отдельные произведения природы, заслуживающие научного изучения, интересные для экскурсий. На территориях памятников природы не разрешается любая хозяйственная деятельность.

Основные типы природных резерватов Свердловской области показаны на карте-схеме. Как видно, в Свердловской области пока один заповедник — **Висимский**, созданный в 1971 году с целью охраны и изучения горных ландшафтов Среднего Урала. Заповедник (13 тыс. га) расположен по р. Сулем (приток Чусовой), недалеко от Нижнего Тагила. Вокруг заповедника еще выделена и особая охранный зона — с режимом заказника. Здесь, в районе гор Большой и Малый Сутук и Липовый Сутук, на тысяче гектаров еще сохранилась первобытная тайга — леса из ели и пихты, иногда с редкими экземплярами старых крупных лип. Животный мир — типично таежный, здесь обитают лоси и зайцы, бурые медведи и рыжие лисицы, косули, лесная куница. Токовища глухарей и стойбища лосей взяты под особую охрану. Сотрудники Средне-Уральского биологического стационара проводят на территории заповедника исследовательскую работу.

Заказников в области — 21. Все они — охотничьи. В них устраиваются «привады» и солонцы для подкормки зверей, для боровой дичи создаются специальные порхалища и галечники.

Среди заказников преобладают специализированные — по отдельным видам животных.

Бобровые заказники, в том числе Шалинский (№ 14), способствовали расселению и восстановлению европейского речного бобра, который в 30-е годы на Урале был на грани исчезновения. Лявдинский соборно-бобровый заказник (№ 2) — самый большой по площади, успешно занимается охраной и восстановлением соболя. С 1969 г. отстрел соболя в стране был разрешен по лицензиям.

Новый зверек на Урале — американская норка. Ее разводят в норичьих (№№ 3, 4, 6, 7, 8) заказниках, особенно в Тыпыльском (№ 4).

Сибирская косуля некогда заселяла область от южных до северных границ, но потом была почти истреблена. Заказники по охране косули (№№ 17—20) должны способствовать восстановлению численности этого зверя.

Интересен единственный в области (да и на Урале) заказник по охране **боровой дичи** — Ирбитский (№ 15). До создания его в 1975 году охрана и воспроизводство глухарей и тетеревов проводилась в комплексных заказниках, особенно в Тугулымском (№ 21).

Однако охрана редких животных — млекопитающих, птиц, рыб должна вестись не только в заповедниках и заказниках, но и по всей территории страны. Редкие и исчезающие виды млекопитающих и птиц занесены уже в «Красную книгу» СССР. В эту книгу вошли и некоторые представители фауны Свердловской области: летучие мыши — ночница и ушан, а из птиц — скопа, сокол-сапсан, орлан-белохвост, орел-беркут и орел-могильник.

По решению Свердловского облисполкома «О мерах по обеспечению сохранности памятников природы» в области выделено **275 памятников природы**. Из них четыре всесоюзного значения (№№ 1—4), пять — республиканского (№№ 5—9), а свыше 150 памятников (на карте показаны 70 из них) — областного.

Памятники природы наиболее доступны для обозрения. Это и удивительные обнажения горных пород — «каменные палатки» — «Чертово Городище» (№ 59) и «Петра Гронского» (№ 58), а также Шарташские Каменные Палатки в Свердловске (№ 62), гранитные обнажения «Семь Братьев» (№ 57). Это и уникальные **пещеры**. Они интересуют не только туристов, но и ученых. Здесь обнаружены скелеты вымерших животных, следы стоянок доисторического человека (всему миру известны рисунки палеолитического человека в гротах Каповой пещеры в Башкирии). Здесь живут летучие мыши и другие зверьки.

В Свердловской области пещер немного, почти все они объявлены памятниками природы (№№ 34—37). Среди них самые большие и наиболее известные — «Дружба» (№ 36, длина ходов 580 м) и «Смолинская» (№ 37, длина ходов 500 м).

Знаменитые «**камни**», «**столбы**» на Чусовой, Уфе, Исети, Реже и по некоторым северным рекам области (Вижаю, Ивдель и др.) представляют не только эстетический, но и научный интерес. Известняки, слагающие эти скалы (в местах, где горная река «пропиливает» пласты древних осадочных пород), служат местом обитания редких видов травянистых растений. Изучение таких растений проливает свет на историю формирования и развития растительности Урала. Только на реке Чусовой из 200 «камней», находящихся в пределах Свердловской области, 32 (№№ 38—40) объявлены памятниками природы — геоморфологическими, ботаническими, историческими.

К памятникам природы отнесены и некоторые источники, пруды и водохранилища, озера. Это и природные гидрологические объекты, а иногда и памятные места исторических событий (№ 63).

Свердловская область покрыта лесами, кое-где сохранились и участки горных степей. Поэтому основу

памятников природы в области составляют **ботанические** — их около 100. К ним относятся сосновые боры (№№ 10—17), припоселковые кедровники (№№ 18—24), горные ковыльные степи (№№ 29—31).

К особым ботаническим памятникам природы относятся **отдельные виды наиболее редких растений**, как травянистых, так кустарниковых и древесных. Очень у нас редки дуб, клен, вяз, бересклет, лещина. За Урал «переходит» только липа и кое-где вяз (вязовые лески объявлены памятниками природы: №№ 7—9, 26—28).

Наиболее строгой охране должны подлежать те виды травянистых растений, которые занесены в «Красную книгу» СССР, а их по Свердловской области 15. Три вида венерины башмачка из семейства орхидных, горцист ветсеный, пион Марьин корень, саранка, гвоздика иглолистная (белая) и некоторые другие. Заслуживают также охраны и другие редкие растения: ветреница пермская, качим уральский, кипрей уральский, лен северный — «аборигены» Урала, а также некоторые орхидные (калипсо северная, любка двулистная, ятрышник шлемоносный), степные виды — ковыли, овсец пустынный и другие.

В пределах Свердловской области организация народных (национальных) парков лишь обсуждается. Их предполагается два: **Среднеуральский** — в юго-западной части области и **Конжаковский Камень** — в северной.

Работа по выявлению и изучению природных резерватов продолжается. Вспоминаются слова ботаника и любителя природы П. В. Сюзева, писавшего еще в 1911 году: «...необходимо, не теряя времени, выяснить, где и какие памятники природы на Урале наиболее нуждаются в охране, нанося их точно на карту... отметить их особенности, возбудить в местном населении активную любовь к живой природе, привлечь местных любителей-фотографов к воспроизведению интересных и памятных мест, что весьма важно, так как многие памятники природы быстро меняют свой облик и быстро исчезают».

Карту на вкладке выполнил С. Малышев

ЗЕЛЕНАЯ КАРТА

*Обрывая лепестки цветка,
ты не приобретаешь его красоты.
Р. Тагор.*

Природные резерваты

I. ВИСИМСКИЙ ЗАПОВЕДНИК И ЕГО ОХРАННАЯ ЗОНА

II. ОХОТНИЧЬИ ЗАКАЗНИКИ

1 — Ивдельский бобровый, 2 — Лявдинский соболино-бобровый, 3 — Шегульганский норичий, 4 — Тыпыльский норичий, 5 — Серовский комплексный, 6 — Гаринский норичий, 7 — Ошмарьинский норичий, 8 — Пельмский боброво-норичий, 9 — Чернореченский бобровый, 10 — Таборинский бобровый, 11 — Карабашевский бобровый, 12 — Багышевский бобровый, 13 — Янсаевский комплексный, 14 — Шалинский бобровый, 15 — Ирбитский — по охране боровой дичи, 16 — Слободо-Туринский комплексный, 17 — Знаменский (косули), 18 — Богдановичский (косули), 19 — Камышловский (косули), 20 — Пышминский (косули), 21 — Тугулымский комплексный.

III. СРЕДНЕУРАЛЬСКИЙ ПРИРОДНЫЙ ПАРК

IV. ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ВСЕСОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. Историко-ландшафтный — географическая граница «Европа — Азия» и леса Первоуральского лесничества (Первоуральский р-н);
2. Сабарский заповедный участок хвойно-широколиственных лесов (Артинский р-н);
3. Гора Кашкабаш (гора Ромашова) и окрестные леса — опорный стратиграфический разрез Артинского яруса Пермской системы (Артинский р-н);
4. Нижнеиргинская дубрава на восточном предельном ареале дуба обыкновенного (Красноуфимский р-н).

V. РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

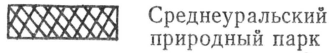
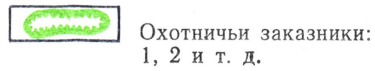
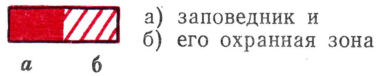
5. Нижнесергинская (Тюльгашская) дубрава (Нижнесергинский р-н);
6. Березовская и Поташкинская дубравы (Артинский р-н);
- 7, 8, 9. Вязовые леса в поймах рек Туры и Ницы — восточные границы распространения вяза гладкого в Европе (Верхотурский и Ирбитский р-ны).

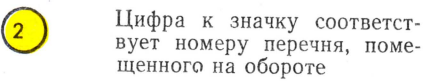
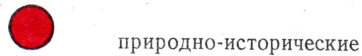
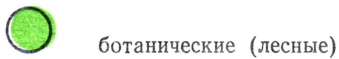
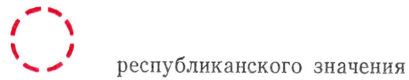
Фото
А. Рыжкова (г. Курган),
А. Сабодаша (г. Минск),
Ю. Теуша и В. Швеммера
(г. Челябинск)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ПРИРОДНЫЕ РЕЗЕРВАТЫ:

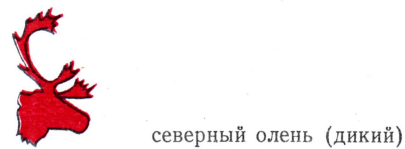

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ:

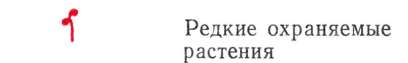
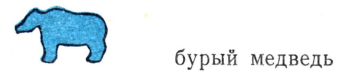

ОХРАНЯЕМЫЕ ЖИВОТНЫЕ:

А — полный запрет охоты:

Б — охота по лицензиям:

Границы:

Свердловской области

южной зоны тайги

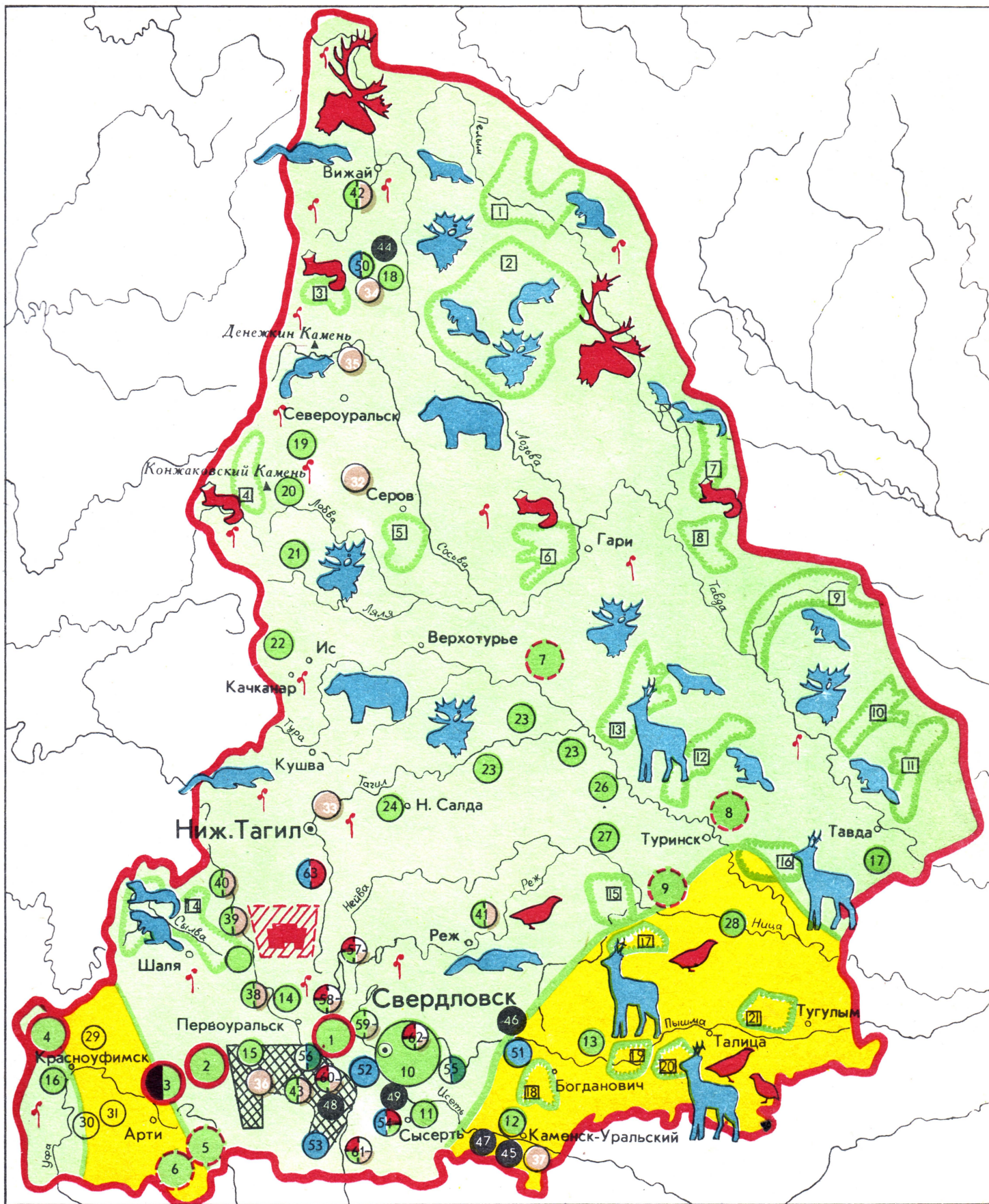
Территории:

с преобладанием лесов, преиму-
щественно хвойных

с преобладанием сельскохо-
зяйственных угодий

Памятники природы

VI. ОБЛАСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

А — БОТАНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Сосновые боры: 10 — лесопарки города Свердловска, 11 — Сысертский, 12 — Каменск-Уральский, 13 — Камышловский, 14 — роща «Могилица» в Билимбае, 15 — Атигский, 16 — Красноуфимская сосновая роща; припоселковые и горные кедровники, 17 — Среднинский бор (Тавдинский р-н); 18 — Ивдельский, 19 — Старо- и Ново-Княспинские, 20 — Серебрянский (Карпинский р-н), 21 — Павдинский, 22 — Верхне-Исовской, 23 — кедровники Алапаевского р-на, 24 — Нижне-Салдинская кедровая роща; хвойно-широколиственные леса: 25 — гора Сабик (Шалинский р-н), 26—28 — вязовники в поймах рек Ницы и Туры (Ирбитский р-н). Участки горных ковыльных степей: 29 — Александровские и 30 — Бугалышские (Красноуфимский р-н), 31 — Бардымские (Артинский р-н).

Б — ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Обнажения горных пород причудливых очертаний: 32 — авгитовые скалы Большой и Малый Петропавловский Камешки (г. Краснотурьинск), 33 — сиенитовые скалы горы Медведь-Камень на р. Тагил и др. Пещеры карстовые: 34 — Светлая (Североуральский р-н), 35 — Петропавловская (там же), 36 — Катниковская, Ледник, Дружба (Нижнесергинский р-н), 37 — Смолинская (Каменский р-н).

В — ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Известняковые скалы с комплексом редкой флоры:

по реке Чусовой:

38 — «Камни» Первоуральского р-на (Собацьи Ребра, Часовой, Шайтан, Сокол, Гребешки), 39 — «Камни» Шалинского р-на (Винокуранный, Богатырь, Бражкин, Дыроватый, Висячий, Балабан, Шило, Мосин, Гардым, Шайтан, Могильный, Малый и Большой Владычный, Переволочный, Гребни, Волеговский, Высокий) и 40 — «Камни» Пригородного района (Тюрик, Пленичный, Афоины брови, Омутной, Дыроватый, Олений, Собацкий, Собацьи камни, Синий, Писаный, Столбы);

по реке Реж:

41 — Белый, Большой, Глинский в Режевском р-не, Мантуров — в Артемовском;

по реке Вижай:

42 — скалистые берега реки от устья до пос. Яхтель, Ивдельский р-н; 43 — Шунут-камень и горные леса массива Шунут (Ревдинский и Нижнесергинский р-ны).

Г — ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Геологические разрезы и обнажения вдоль рек: 44 — «Лозьвинская пристань» (Ивдельский р-н), 45 — «Каменные ворота» на р. Исети, 46 — «Чертов стул» на р. Пышме (Суходолжский р-н), 47 — обнажения известняков с остатками флоры и фауны на р. Исети у с. Бекленищево (Каменский р-н) и др. Отработанные рудники: 48 — Зюзелка, Гумешки (Полевской р-н), 49 — родонитовый (Сысертский р-н) и др.

Д — ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Все водоемы, которые используются для питьевых нужд.

Водоемы — зоны отдыха: 50 — озеро Светлое (Североуральский р-н), 51 — оз. Куртугуз (г. Богданович), 52 — оз. Глухое (Первоуральский р-н), 53 — Глубочинский пруд (Полевской р-н), 54 — оз. Тальков Камень (Сысертский р-н), 55 — Белоярское водохранилище, 56 — Волчихинское водохранилище (Первоуральский р-н) и др.

Е — ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

57 — Семь Братьев (г. Невьянск), 58 — скалы Петра Гронского (г. В. Пышма), 59 — Чертово Городище (Первоуральский р-н), 60 — Азов-гора (Полевской р-н), 61 — Марков Камень (Сысертский р-н), 62 — Шарташские «каменные палатки» в Свердловске, 63 — Черноисточинский пруд и Ушковская канава (Пригородный р-н).

Робинзоны студёного острова

История одной экспедиции

**Николай
ВУРДОВ**

*Рисунки
Л. Смирновой*

ОТ АВТОРА.

В тяжелый военный 1942 год из Архангельска на Новую Землю отправилась необычная экспедиция — ее участниками были 14—17-летние школьники. Архангельск в то время испытывал серьезные продовольственные трудности; сбор яиц на птичьих базарах и заготовка тушек кайры в какой-то мере помогли их преодолеть. Опасным был путь до Новой Земли: в море пиратствовали фашистские подводные лодки, кружили вражеские стервятники. Трудной оказалась и походная жизнь в Заполярье, но юные архангельские «робинзоны» понимали, что город ждет от них помощи... Мне довелось быть участником этой экспедиции, и я решил теперь, через 35 лет, рассказать нынешним школьникам о том, как в суровом военном году жили и трудились на далеком полярном острове их сверстники. Много воды утекло с тех пор, и я, к сожалению, успел забыть имена иных участников экспедиции, поэтому некоторым из них я дал вымышленные имена и фамилии. Все же остальное, о чем я пишу здесь, достоверно.

Через день после того, как мы сдали последний экзамен за седьмой класс, одноклассник Боря Меньшиков прибежал ко мне домой и незаметно от мамы быстро шепнул:

— Выйдем на улицу!

Небольшие серые глаза его так и блестели, а на носу, покрытом россыпью веснушек, выступили капельки пота.

— Слышал про экспедицию на полярные острова?— спросил Боря, как только мы вышли на крыльцо.

— Какую еще такую экспедицию?— удивился я.

— «Какую-какую»...— передразнил Боря.— На Новую Землю, птичьи яйца собирать. Школьников записывают...

Вот это да! Меня даже в жар бросило.

— Где записывают?

— В «рыбкиной конторе».

Мы ринулись к знакомому деревянному зданию треста «Севрыба».

В отделе кадров пожилой лысый мужчина, раздумчиво покачивая головой, дотошно расспрашивал нас об учебе, о школе, о родителях.

Мы старались отвечать толково и бойко.

— Маловаты вы, конечно, ребята,— попыток разговора кадровик,— да что поделаешь, такое уж теперь время. Война. Сами видите: продовольствия в городе даже по карточкам не хватает. От вас, школьников, многое будет зависеть... Значит, так: напишите заявление, принесете свидетельство о рождении, справку о состоянии здоровья и письменное разрешение родителей на поездку. Оформляться будете в конторе тралового флота. — Он опять уткнулся в бумаги.

— Ура!— крикнул я, как только мы выскочили из кабинета, и на радостях крепко стукнул Борю по плечу.

Теперь оставалось самое трудное: уговорить мам. Моя мама работала надомницей — шила белье для госпиталя. С утра до позднего вечера стучала в нашей комнате швейная машинка.

Вечером за ужином, который состоял из жиденького, как водичка, супа и тоненького ломтика хлеба, я, глядя в тарелку, начал трудный разговор.

— Мам, я хочу поступить на работу...

Мама не удивилась. Давно уже было решено, что во время летних каникул я устраюсь работать; стыдно болтаться без дела в такое трудное время, да и рабочая продуктовая карточка не то, что иждивенческая¹.

— И куда же?

Я бухнул:

— В экспедицию, на Новую Землю.

— Что-о?— мама даже с места привскочила от удивления.— Ты что, всерьез? Да какой из

тебя полярник? Посмотри на себя: разве такие там нужны?

Как я ни убеждал, как ни уговаривал мать, она была непреклонна.

— Никуда не поедешь! Никакого разрешения не получишь.

— Все равно уеду! Не надо мне никакого разрешения!— я выскочил из-за стола и убежал к Боре Меньшикову.

Мать у Бори тоже была не в духе. Заплаканная, сердитая, она напустилась на меня, назвала смутьяном, сбивающим с толку ее сыночка.

Мы с Борисом всю ночь пробродили по Архангельску, обсуждая, как все-таки уговорить заупрямившихся мам. Солнце чуть опустилось за горизонт, оставив над собой широкую полосу заката. Было светло, как днем. С одного из парходов доносилась тихая музыка...

Раньше в пору белых ночей набережная кишела молодежью. Теперь всего несколько парочек гуляло вдоль крутого берегового откоса, да иногда проходили патрульные солдаты и краснофлотцы.

...Когда я подходил к дому, птицы со всех сторон, будто соревнуясь друг с другом, уже приветствовали восход солнца.

Мама еще не ложилась спать, все шила.

— Ты что так поздно?— спросила она.— А у меня уже все сердце изболелось. Спать не могу — все жду тебя.

Я пробормотал что-то нечленораздельно, все еще обижаясь на нее за то, что не разрешила поступить в экспедицию.

Мама бросила шитье, и я заметил, как слезы выступили у нее на глазах и потекли по лицу.

— Мама, не плачь! Мама!— гладил я ее по заметно поседевшим волосам и сам чуть не плакал от любви и жалости к ней. Ведь она извелась вся, похудела; ночей недосыпала — все шила. А я? Нагрубил ей — ушел, хлопнув дверью...

А мама все плакала и говорила сквозь слезы:

— Поезжай, Коля. Поезжай, если уж тебе так хочется. Только я за тебя боюсь. Там море, скалы — все может случиться.

Я чуть было не отказался от своего замысла из жалости к ней, но пересилил себя...

На другой день с утра мы пришли в домоуправление, чтобы заверить разрешение на поездку. Там уже был Боря со своей матерью...

И вот старый, дребезжащий, подпрыгивающий на стыках рельсов трамвай с кусками фанеры вместо разбитых стекол везет нас на факторию, в управление тралового флота, за восемь километров от города. Линия была одноколейная, и трамвай подолгу стоял на разъездах, ожидая встречного. В вагоне вместе с нами ехал восьмиклассник из нашей школы Толя Гулышев.

— Куда направились, братцы-кролики?— поинтересовался он.

— В траловый флот.

¹ По рабочей карточке выдавали тогда, в 1942 году, 800 граммов хлеба, а по иждивенческой — 400.

— Уж не в экспедицию ли поступать?

— А ты что, тоже туда?— обрадовались мы с Борисом.

— Я уже работаю там,— со скромным достоинством ответил Толя и, немного помолчав, добавил: — Третий день.

Мы с завистью смотрели на него.

Одет он был в старенький ватник, рабочие брюки и видавшие виды сапоги, но все это сидело на нем ладно, аккуратно.

Черноволосый, быстроглазый, всегда улыбающийся Толя был заядлым голубятником и лучшим футболистом нашей улицы. Все голубятники, от улицы Урицкого до Поморской, народ лихой, отчаянный, знали и уважали его. Толя играл в юношеской футбольной команде «Спартак». Играл здорово — просто залюбуешься. Но это в прошлом году. Теперь все было иначе: в футбол с полуголодного иждивенческого пайка не заиграешь!

Хорошо иметь такого товарища в экспедиции. Но еще неизвестно, примут ли нас... Сомнения исчезли только после того, как на обороте наших свидетельств о рождении в отделе кадров был поставлен штамп:

«Архангельский траловый флот.

Принят 15 июня 1942 г.»

Членами нашей — теперь уже «нашей»! — экспедиции были в основном школьники от четырнадцати до семнадцати лет, но немало ребят пришло и с производства. Они называли себя «трудягами».

Среди «трудяг» самой заметной фигурой был Саня Потапов, парень лет семнадцати, высокий, сутуловатый, с грубоватыми чертами лица и тяжелым немигающим взглядом. Говорил он резко, отрывисто, часто покрикивал на младших ребят. При нем, как верный адъютант, всегда был Петя Окулов, по прозвищу Булка. Его слегка вздернутый нос и живые глаза выдавали характер веселый и бойкий, но он, подражая Сане, напускал на себя хмурость.

Из «школяров» выделялись два друга, два десятиклассника: Геня Сабинин и Сергей Колтовой. Им тоже было по семнадцать лет, ребята они были заметные, рослые, но, в отличие от Сани Потапова и Булки, относились ко всем по-приятельски. В их присутствии Саня Потапов и его верный адъютант как-то сразу стушевывались.

Всех ребят разбили по бригадам. Мы с Толей Гулышевым, Геня Сабинин, Володя Попов, Сергей Колтовой, Саня Потапов и Булка попали в третью бригаду Петровича, пожилого, бородатого неразговорчивого рыбака в огромных бахилах. Боря Меньшиков попал во вторую, к молодому моряку, высокому, крепкому, с детским простодушным лицом. Ребята запросто называли его Яшей. Голова у Яши всегда была слегка склонена к левому плечу — следствие пулевого ранения в финскую войну.

Боря Меньшиков страшно расстроился и, как на уроке в школе, поднял руку.

— Ну, чем недоволен?— спросил его начальник экспедиции Алексей Андреевич Грозников, плотный коренастый мужчина с густыми, черными с проседью волосами и пышными усами.

— Я хочу в третью бригаду. Там мои друзья — Толя Гулышев и Коля Селиванов,— заявил ему Боря.

— Друзья — это хорошо, но ведь если каждый будет выбирать себе бригаду, что же тогда получится? Нам с вами предстоит опасный путь. В море — фашистские подводные лодки, над морем бомбардировщики. Всякое может случиться. Вот поэтому на судне должна быть железная, военная дисциплина. Каждый приказ должен выполняться беспрекословно. Трудно вам будет, ребята, очень трудно. Работать придется в зоне военных действий, на море, на скалах. Собирать птичьи яйца и промышлять птицу потяжелее, чем огороды копать. Не всегда согреться, не всегда и отдохнете по-настоящему. Кто боится — еще не поздно вернуться домой. Берег пока рядом. Отпустим, слова плохого не скажем. Ну-ка, есть такие?..

Таких не оказалось

...Ясным солнечным днем в начале июля от причала рыбокомбината отошел старый, видавший виды тральщик «Зубатка», за ним на ваере, тресе для буксировки трала, шли моторно-парусное судно «Авангард» и морская баржа «Азимут», бывший парусник.

Радостные, возбужденные, мы толпились на палубе, смеялись, кричали, прыгали от восторга.

Вот уже остались позади похожие на домики штабеля досок лесозавода № 3, густо дымящие трубы электростанции, внушительное здание Лесотехнического института...

К вечеру мы дошли до острова Мудьюг и остановились. Одним выходить в море не разрешали: надо было ждать, когда соберется караван, и только тогда, под охраной военных кораблей, мы могли отправиться дальше в путь.

Слева от нас стояли на якоре несколько больших английских транспортов, справа находился низкий остров Мудьюг с его белой и черной башнями.

Мы все слышали про Мудьюг, знали, что в годы гражданской войны интервенты и белогвардейцы устроили здесь каторгу для защитников Советской власти. Мудьюг тогда называли островом смерти.

— У меня батя здесь четыре месяца сидел,— сказал Толя Гулышев.— Рассказывал, когда их освободили, он домой по крыльцу на карачках поднялся, сил не было.

Я хорошо знал дядю Колю, Толиного отца. Мы часто просили его рассказать, как он воевал

в гражданскую войну, как попал в плен к белогвардейцам. Иногда дядя Коля доставал изо рта вставную пластинку с искусственными зубами и показывал пугающе пустые десны: «Во. Все это Мудьюг съел».

Море. Белое море...

Мы с удовольствием вдыхали морской воздух, подставляли грудь свежему прохладному ветру.

Вначале плавное и медленное покачивание судна доставляло всем удовольствие. Сидевшие на люке трюма Арся Баков и Геня Перфильев даже ахали от восторга: как на качелях!

Арся и Геня, четырнадцатилетние школьники из деревни Варавино, были самыми младшими в нашей экспедиции. Им и четырнадцати нельзя было дать. Арся — маленький, с круглым, как шар, румяным лицом (большая редкость в то голодное время!) сразу получил прозвище «кухтыль»¹. Он вызывающе смотрел на всех голубыми, чуть навывкате глазами, как будто хотел сказать: «Я хоть и маленький ростом, но не советую со мной связываться». Друг его, Геня Перфильев, такой же коротышка, как и Арся, имел степенный, независимый вид. Он все делал неторопливо, солидно.

Постепенно от качки многих стало мутить, к горлу подступала тошнота. Первым не выдержал Арся. Он проворно соскочил с люка и побежал к борту, зажимая ладонью рот. Немного погодя за ним последовал Геня Перфильев...

Возвращались побледневшие, с вымученными улыбками и спускались в трюм. Море уже не вызывало восторга. Я тоже, свесившись через борт, мучился от спазм, сжимающих пустой желудок. Ох, хоть бы стало потише на море! Но ветер усиливался. По палубе прокатывались потоки воды.

Наутро погода не изменилась. Качка как будто даже стала сильнее. В девять часов утра в люк трюма просунулась борода нашего бригадира Петровича.

— Бери ложку! Бери бак! К тете Нюше — шире шаг! — гаркнул он зычным басом.

Обычно, услышав этот призыв, мы, толкая друг друга, резко бежали к камбузу, где красная, распаренная повариха, украинка, тетя Нюша, накладывала порции горячей каши, каждый раз ласково приговаривая: «Натя!», а на просьбы о прибавке сердито кричала: «Хватя!» (мы так ее и звали между собой: «Натя-хватя»). Но на этот раз на призыв Петровича откликнулись немногие, и среди них — Борька Меньшиков, которого никакая качка не брала — он был весел, подвижен и посмеивался надо мной. «Хороши щи! Эх, и хороши!» — громко расхваливал

он потом свой завтрак, подмигивая мне. А меня мутило от одного запаха пищи.

Так прошли Белое море. В Баренцевом никаких особых перемен не произошло. Все так же поднимались и опускались громады валов, только вода посветлела, приобрела нежно-зеленоватый оттенок, а сверкание гребней волн было особенно ярким.

На мостике все так же стояли капитан Замятин, начальник экспедиции, и несколько человек из команды. С напряженными, сосредоточенными лицами оглядывали они море и небо.

Конечно, появившись немецкая подводная лодка, что могла бы сделать наша «Зубатка» со своим единственным пулеметом? Но все считали, что вовремя обнаружить перископ — очень важно: можно хоть отвернуть от торпеды.

...Однажды утром нас разбудил сильнейший удар в правый борт. Судно накренилось, что-то громко проскрежетало вдоль борта. Торпеда? Все, окаменев, ждали, когда последует взрыв. Кто-то, не выдержав, бросился к трапу, еще мгновение — и за ним бы кинулись другие, но в это время в люке трюма показалось улыбающееся лицо Толи Гулышева, раздался его спокойный, веселый голос:

— Тихо, детки, не поднимайте пену! Все спокойно, мы во льдах!

Ребята облегченно вздохнули, заговорили, подшучивая друг над другом.

— Эй, салаги, все наверх! — звонко выкрикнул Боря Меньшиков и полез по трапу. И сразу же у трапа началась давка.

Мы выскочили наверх и ахнули от удивления. Со всех сторон судно было окружено плавучими льдами. Оно шло самым малым ходом, осторожно лавируя между льдинами, выискивая разводья. От льдин тянуло холодом.

Капитан Замятин — опытный мореход, он решил не обходить льды, кромка которых уходила далеко на северо-запад: там чаще всего появлялись фашистские подводные лодки и самолеты. Начальник экспедиции, капитан Грозников, согласился с ним.

Льды все чаще и чаще ударялись в борт парохода и с невыносимым скрежетом уходили назад. Корпус судна гудел от ударов.

Передали приказ: «Иметь под руками спасательные пояса!»

Тревожно сжимались сердца от предчувствия близкой опасности.

Тяжелей всего доставалось «Азимуту». Бывший парусник, превращенный в баржу, он не имел своего хода — шел на буксире. От ударов в старый деревянный корпус скоро образовался пролом в носовой части правого борта.

Как только на «Зубатку» поступил сигнал, что «Азимут» имеет течь, капитан Замятин приказал прекратить движение. К «Азимуту» отошла шлюпка для осмотра повреждения. Скоро

¹ Кухтыль — круглый поплавок трала.

оттуда передали, что надо направить ребят откачивать воду.

— Желаящие — в шлюпку! — объявил в рупор капитан Замятин, и почти сразу же забеспокоился, закричал: — Хватит, хватит! Достаточно!

В шлюпку село столько ребят, что она едва не черпала бортами воду. Хорошо, что море между льдами было спокойно, как озеро. Я придулился на средней банке, сжатый со всех сторон ребятами.

Корпус «Азимута» заметно осел в воде. По спущенному шторм-трапу мы не очень-то ловко вскарабкались на палубу старого парусника.

Старшим был Саша Каменев, сын начальника управления Архангельского тралового флота. Живой, веселый шестнадцатилетний паренек, он быстро распределил ребят по ручным помпам. И пошла работа!

Вверх-вниз, вверх-вниз!.. Вода, журча, выливалась за борт. Время от времени из носового люка поднимались матросы, заделывавшие пробоины, мокрые до пояса, иззябшие. А нам было жарко!

За работой мы даже не заметили, что на «Зубатке» была объявлена тревога. Наблюдатели увидели два фашистских самолета. Быстро был расчехлен пулемет, но, на счастье, погода в этот день стояла пасмурная, самолеты, должно быть, не обнаружили суда, неподвижно стоявшие среди льдов. Повезло на этот раз!

...Судно стояло в бухте, со всех сторон окруженной крутыми сумрачными скалами, почти отвесно обрывающимися к морю. Кое-где на скалах полосами белел еще не растаявший снег. Нигде не видно ни дерева, ни островка зелени — все пусто, голо, однообразно. По небу медленно плыли тяжелые темные облака, едва не задевая за вершину высокой сопки. Море из-за низко нависшего неба казалось темноватым. Волны бились о борт тральщика. Было сыровато, холодно. Неприветливой, угрюмой показалась мне Новая Земля.

У подножия сопки на небольшом участке ровной местности стояло несколько домиков и высились мачты радиостанции.

— Где мы? — спросил я вахтенного матроса, покуривавшего у борта.

— В становище Малые Кармакулы, — ответил вахтенный.

— А где же оно, становище? — недоумевал я.

— Прямо перед тобой, — усмехнулся матрос.

Я был разочарован. Заветные Кармакулы представлялись мне если не городом, то большим поселком, а то, что было передо мной, — и деревушкой-то нельзя назвать...

Жили здесь промысловики. Они охотились за песцами, добывали морского зверя, собирали гагачий пух, ловили в речках красную рыбу — гольца... Имелись в становище метеорологиче-

ская станция и радиостанция. Отсюда каждый день передавали на материк наблюдения.

...Начальник экспедиции объявил аврал: надо перегрузить с «Зубатки» на «Авангард» все снаряжение. Старый тральщик должен был вернуться в Архангельск.

Мы в пути истомились от вынужденного безделья, и поэтому почти бегом переносили с судна на судно продукты, палатки, спецодежду, малокалиберные винтовки.

После перегрузки нас выстроили в две шеренги вдоль борта «Зубатки». Грозников стал перед строем и спросил:

— Больные имеются? Прошу выйти из строя.

Никто не шагнул вперед.

— Предупреждаю, ребята, — строго сказал Грозников, — это последняя возможность вернуться в Архангельск. Потом уже будет поздно.

После этого Алексей Андреевич по списку стал вызывать нас из строя. Названные делали шаг вперед. Грозников внимательно, изучающе всматривался в каждого и кивком головы разрешал перейти на «Авангард».

Погода к этому времени установилась тихая, море покрывал густой, низкий туман. Капитан Замятин решил, что погода для возвращения — самая благоприятная. Только несколько месяцев спустя, уже в Архангельске, мы узнали, что «Зубатка» прошла в полтора-двух километрах от фашистской подводной лодки и осталась незамеченной. Роковая встреча и на этот раз не состоялась. Но встречи с фашистским стервятником избежать не удалось. Три захода над «Зубаткой» сделал вражеский самолет, но был встречен огнем из пулемета, из которого стрелял штурман Антуфьев. Фашист убрался восвояси. Даже капитан Замятин удивлялся: как это «Зубатка» выдержала такие бешеные обороты машины и такие резкие развороты?

Выдержала!

С уходом «Зубатки» последняя связь с родным городом оборвалась.

А погода между тем ухудшалась. Подул порывистый ветер и нанес темные дождевые тучи. Заходили волны, заскрежетала в клюзе якорная цепь.

...И вот, наконец, «Авангард» подошел к небольшому скалистому острову Пуховому. Он был километра два в длину и около полутора в ширину. Берег почти сплошь состоял из высоких отвесных скал. Да и весь остров походил на большую скалу, появившуюся из глубины моря.

Имущество бригад перевозили на дорах, больших деревянных карбасах с мотором. Доры не стояли спокойно, они плясали на волнах, удалялись о борт «Авангарда».

Особенно тяжело было выгружать мешки с солью. Мы брались за них втроем, вчетвером,

при этом мешали друг другу, оступались. Боря Меньшиков чуть не упал в море вместе с мешком.

Дора не могла вплотную подойти к берегу. Петрович с Яшей и еще несколько членов экипажа с «Авангарда», обутые в высокие сапоги, брели до доры по воде, принимали на спины груз и несли на берег.

Начальник экспедиции участвовал в выгрузке вместе со всеми. Он взваливал себе на плечи такие мешки, которые мы и вчетвером-то еле могли поднять.

Но вот аврал кончился. На небольшом пляже, покрытом крупной галькой, в беспорядке лежало снаряжение бригад. Совсем рядом накатывали на берег волны моря...

Алексей Андреевич попрощался с нами, и «Авангард» ушел в сторону Малых Кармакул. А мы остались на Пуховом.

Первым делом установили большую брезентовую палатку — метрах в тридцати от берега. Посредине палатки соорудили длинный стол, поставили большие скамьи. Соорудили койки из досок. Принесли небольшой камелек, растопили его для пробы стружками — и сразу палатка приобрела обжитой вид.

Почти никто из нас не умел обращаться с плотничьим топором. Лишь Арся Баков и его друг Геня Перфильев уверенно работали вместе с Петровичем — рубили, тесали, сколачивали.

— Посмотреть, вроде детишки, а в работе — мощные мужики, — сказал о них Петрович.

С тех пор к Арсе и Гене прочно пристало это прозвище — «мощные мужики».

К ночи задул порывистый ветер. Пошел дождь. От ветра и дождя палатка шевелилась, как живая. Совсем рядом угрожающе шумели накатывающиеся на берег волны.

Зато утро — первое наше утро на Пуховом — было великолепное! (Погода на Новой Земле меняется поразительно быстро. Потом нам объяснили, что это от близкого соседства сравнительно теплого Баренцева и холодного Карского морей.) Небо стало безоблачным и таким же голубым, как в погожий летний день в Архангельске. Солнце светило и грело во всю. А море! Каким оно было красивым, смирным, ласковым!

Новая бригадная повариха Ильинична, пожилая, рыхлая, добродушно-шутливая женщина, щедро накладывала в миски вкусно пахнущую кашу, разливала сладкий чай.

— Ну, ребята, поздравляю вас с началом работы! — обратился Петрович после завтрака. — За этим мы сюда и приехали за два моря. Сейчас пойдем на птичий базар. Запомните: яйца добывать — не грибы собирать. Чуть зазевался, разинул рот — загремишь со скалы без парашюта. Главное здесь — осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Всегда спокойный, Петрович был в празднично-торжественном настроении и, чувствовалось,

что он сильно волнуется. Его настроение передавалось и нам. Не терпелось скорее приняться за дело.

Веселой гомонящей толпой поднялись на верх острова, он был почти плоский, а по краям обрывался крутыми высокими скалами. Мох, лишайники покрывали остров, местами прерываясь пятнами обнаженного каменистого грунта. Кое-где проклевывались желтенькие цветочки, стлались по земле карликовые березки — вот и вся растительность.

Птичий базар удивил, оглушил, ошеломил! Там стоял не умолкающий ни на минуту птичий гам, он заглушал даже шум прибоя. Тысячи птиц рядами сидели на узких карнизах скал, гнездились даже на самых ничтожных выступах камней. Одни сидели, другие летели к морю, третьи с моря. Казалось, птиц здесь, что комаров на болоте.

Основные обитатели птичьего базара — кайры и чайки разных видов — гнездились колониями: отдельно кайры, отдельно чайки.

Кайра — птица чем-то похожая на маленького пингвина. У нее черная спина и белая манишка на грудке. Туловище у кайры вальковатое, ноги отодвинуты далеко назад, а пальцы соединены плавательными перепонками. По земле кайра передвигается медленно и неуклюже, взлететь может только со скалы и с воды. Она отлично плавает, а нырять может на глубину до десяти метров, под водой передвигается с помощью крыльев. Весит кайра до двух килограммов, мясо ее съедобно. Единственное яйцо кайры кладет прямо на скалы, оно имеет такую форму, что не скатывается с камней. По весу оно равно двум куриным.

Из чаек больше всего на птичьем базаре было чаек-моевок. Легкие, подвижные, они хватили рыбу прямо с поверхности воды, занимались и разбоем: налетали на возвращающихся с моря кайр и отбирали у них добычу. Иногда крупные чайки пытались разбойничать и в гнездовых кайр. Тогда вся колония кайр приходила в беспорядок, гам усиливался и, казалось, доходил до предела, разбойника с позором изгоняли. Во время этой суматохи сотни яиц летели в море.

Можно было без конца смотреть на кипучую жизнь базара, но Петрович не любил безделья. Он посадил всех нас на землю недалеко от края скалы и, расхаживая, как заправский лектор, долго рассказывал о правилах, которые надо соблюдать при сборе яиц, о страховке, о внимательности и осторожности.

После «лекции» Петрович перепоясался веревкой и, сунув один конец нам, кряхтя полез было вниз — показать как надо ходить по скалам, но тут ребята подняли такой шум, что даже кайр перекричали:

— Что мы, маленькие, что ли? Не в детском садике, чтобы нас за ручку водили!

Пришлось бригадиру отказаться от своей затеи.

Он разбил всех на группы по три человека и каждой отвел свой участок. Я попал в одну группу с Темой Кривополеновым и Володей Ермолиным.

С величайшим старанием перепоясали веревкой Тему. Он подошел к краю скалы, глянул вниз и, отшатнувшись, дурашливо взвизгнул:

— Ой, мамоньки! Ой, боюсь!

И хотя Тема дурачился, по слегка побледневшему лицу было заметно, что ему и в самом деле не по себе. Сорокаметровая, почти отвесно падающая скала, у подножия которой билось о камни море, внушала страх. Край скалы как бы притягивал к себе, от взгляда вниз кружилась голова.

— Не строй клоуна, тут не цирк,— серьезно заметил ему Петрович.

Тема подтянул брюки, лихо подмигнул нам и стал спускаться вниз на скалы. В руках у него была плетеная корзинка для яиц.

Мы с Володей крепко держали веревку и по сигналу Темы потравливали ее. Было страшно-важно за товарища, который висел где-то там, над гомонящей бездной.

Петрович беспокойно ходил от группы к группе, ворчал, поучал, покрикивал.

Мы уже успели поднять корзину с собранными Темой яйцами, как вдруг веревка, к которой он был привязан, ослабла и свободно повисла. Мы с Володей тупо уставились друг на друга. Страшно было представить, что произошло...

— Уп-пал... Р-разбился!..— с трудом выговорил Володя.

Бухая огромными рыбацкими сапожищами, потный, встревоженный, подбежал к нам Петрович:

— Что случилось?

Мы кое-как объяснили.

— Те-о-ма!— закричали мы все трое.

— Чего голосите, черти!— неожиданно раздался голос совсем рядом из-за выступа скалы.— Выбрали веревку, обормоты, верблюды необученные. Хоть на пузе поднимайся наверх.

Мы с радостью слушали сердитую ругань Темы. А вот показался и он сам с корзиной яиц, живой и невредимый.

Петрович облегченно вытер выступивший на лице пот.

Тема был здорово разозлен и, видимо, хотел по-своейски поговорить с нами, но, увидев ярые глаза Петровича, мигом остыл.

— Почему без веревки гулял, милый мальчик?— зловеще-тихо спросил его бригадир.

— Мешает она там. За скалы цепляется. Камни сверху сыплются,— неуверенно оправдывался Тема.

— Мешает?!— взорвался Петрович.— А ну

марш в палатку, помогай картошку чистить. Там тебе никто не будет мешать.

— Ну, что ты, Петрович!— пустил в ход подхалимскую улыбку Тема.— С кем и чего не бывает в первый раз! Я больше не буду отвязываться.

Но всегда покладистый и добродушный Петрович так посмотрел на него, так затряс бородой, что было видно: на этот раз спорить бесполезно. Тема покорно поплелся к палатке.

Следующим на скалы пошел я.

Вначале высота пугала, сковывала движения, но к высоте, оказалось, можно быстро привыкнуть. Скоро я убедился, что на скалах есть удобные карнизы и площадки, по которым передвигаться без помощи веревки гораздо удобнее. Она временами действительно мешала, цепляясь за выступы, обрушивала сверху камни, которые со свистом проносились мимо головы.

Я медленно передвигался по карнизам и складывал в корзину яйца. Кайры грозно кричали при моем приближении. Я бесцеремонно сталкивал их с места.

Оказалось, что собирать яйца— дело азартное. Я увлекся и стал терять осторожность. Добравшись до подходящей площадки, освободился от веревки. Яйца клал в карманы, в шапку, под рубашку, а потом возвращался и перекладывал свою добычу в корзину. И вот раз при переходе с площадки на площадку я почувствовал, как плоские плитчатые камни под ногами зашевелились и пошли вниз. Я повис на руках на сорокаметровой высоте. Словно током ударило по телу: «Все! Конец!»

И сразу как будто стих гомон птичьего базара, зато явственно стал доноситься шум волн внизу подо мной. Пальцы крепко, до боли, вцепились в скалу, ноги судорожно искали твердую опору... Показалось, что и камни под руками начинают шевелиться. Я боялся сделать резкое движение, боялся глубоко вздохнуть.

Но вот одна, а затем и другая нога почувствовали твердую опору. Медленно-медленно перебирая руками и ногами, я добрался до площадки, где оставил корзину и страховочный конец.

Сердце стучало часто и гулко. Да, прав был Петрович: яйца добывать— не грибы собирать. «Ну, теперь без страховочного конца— ни шагу!»— решил я.

Надо сказать, что впоследствии многие оказывались в подобных переплетах и давали себе подобное обещание, но проходил день-другой, пережитое забывалось, и мы опять ходили по скалам без страховочного конца. В отсутствие Петровича, конечно.

В первый день все так увлеклись работой, что не обращали внимания на посыльных Ильичны: она несколько раз звала обедать.

Наконец, она сама, запыхавшись от трудного

подъема, пожаловала на базар и стала отчитывать Петровича:

— Ребята — ребята и есть, но ты-то, старый, почему их на обед не гонишь?

Потом раскрасневшаяся, довольная, она с шутками-прибаутками щедро разливала густой вкусный суп с тушкой кайры на каждого едока. Затем были омлет, яйца вкрутую, сладкий чай. И все это без нормы, как в довоенное время: ешь, сколько влезет! Ильинична смотрела, как мы с аппетитом уплетаем приготовленные ею деликатесы и радовалась:

— Ешьте, ешьте, ребята. Я сегодня прямо душу отвела — накормила людей как следует, а то надоело уж варить суп из семи круп. Кушайте, кушайте на здоровье, вы теперь — работники.

— Эх, если бы дома могли так поесть! — сказал кто-то.

После обеда никто не стал засиживаться в палатке. Хотелось как можно больше собрать яиц, пока позволяла погода.

Петрович смилостивился над Темой, и мы с ним страховали Володю Ермолина.

Четверо ребят то и дело относили корзины с яйцами к палаткам. Там их укладывали в длинные деревянные ящики, вперемежку со стружками, «мощные мужики» — Арся Баков и Геня Перфильев.

Работали мы долго и только тогда кончили, когда довольный Петрович громогласно объявил:

— Шабаш на сегодня! Пойдемте отдыхать. Молодцы, хорошо поработали, чижики-зяблики! Возвращаясь к палатке, ребята делились впечатлениями.

— Я подхожу, а она растопорщилась, крыльями машет, кричит. Ну, думаю, сейчас глаз выклюнет...

— Хуже всего плитчатые, слоистые участки, там ненадежный камень...

— За веревочкой смотреть и смотреть надо, когда передвигаешься, а то такой камушек сверху может прилететь — не обрадуешься...

За день все устали, ползая по скалам, но что там усталость, если так удачно прошел первый рабочий день!

После сытного ужина вся бригада укладывала и перекладывала яйца.

И только управились с этим делом — кто-то предложил:

— Пошли в гости во вторую бригаду!

Палатка второй бригады была метрах в ста от нас. Они еще занимались укладкой яиц. Мы ревниво присматривались, больше или меньше собрали соседи? Похоже, не меньше, но, кажется, и не больше.

— Что, дорогие соседки, с ревизией пришли? А может, яичек мало собрали? Может, подбросить сотенки две на бедность? — шутил румяный, улыбающийся бригадир Яков.

И тут пришла очередь пошутить Теме Криволенову.

— Послушай, Яков, в каком месте вы собирали яйца? — спросил Тема, незаметно подмигивая нам.

— А что, разве не видел, не знаешь?

— Видеть-то я видел, но там, говорят, нельзя собирать.

— Это еще почему? — удивился Яков.

— Запаренные там яйца. С цыпляточками.

— Брось травить! — забеспокоился бригадир. — Мы проверяли.

— Значит, плохо проверяли.

Тут Тема подошел к ящику, взял яйцо, разбил его и бросил в море. Яйцо было запаренное. Вслед за ним он разбил и выбросил второе яйцо, третье, четвертое...

Румянец как-то сразу сошел с лица Яши-бригадира. Он бросился к ящику, поспешно, одно за другим разбил три яйца. Они были свежие. А мы, довольные розыгрышем, хохотали: мы-то знали, что Тема принес с собой в рукаве четыре запаренных яйца.

Яша, поняв в чем дело, расхохотался громче всех.

Я разыскал Борю Меньшикова. Он полоскал белье в небольшом заливчике.

— Ты отчего такой хмурый, Борька?

Он отжал белье и рассказал о своей беде. Он лазал по скалам, и, так как постоянно носить с собой корзину неудобно, то клал яйца в рубашку под ремень, в карманы, в шапку, а потом укладывал в общую кучу. И вот при переходе по узкому карнизу волей-неволей пришлось крепко прижаться к скале. Яйца разбились, потекли, залили рубашку и брюки...

Назавтра был такой же ясный солнечный день. Петрович выдал всем спецодежду — брезентовые куртки и брюки. Новая одежда топорщилась, шуршала при ходьбе, рукава и брюки пришлось подвернуть, но все были довольнехоньки: теперь мы ходили на настоящих поморов. В этой одежде даже жарко становилось, когда мы ползали по скалам.

В этот день произошел случай, который взволновал всех.

Валя Копытов собирал яйца на скалах, а наверху его страховали Ваня Чесноков и Боря Зайцев. Валя долго не подавал сигналов, и его хранители, пригретые солнцем, спокойно уснули.

А Валя в это время находился в довольно опасном месте: без веревки оттуда выбраться почти невозможно. Он дернул два раза, дал сигнал поднимать, но веревка мягко скользнула сверху и упала на каменную площадку к его ногам.

Валя кричал до хрипоты, взывая к товарищам, а те в это время продолжали спокойно

спать. Их разбудил вездесущий Петрович. Гневу его не было предела. Он сам опоясался веревкой и полез вниз с запасным страховочным концом. Валя благополучно выбрался. Вечером было назначено собрание бригады. Петрович сидел молча, тербил бороду, давал возможность высказаться самим ребятам.

— Это же все равно, что солдату заснуть на посту! — возмущался Геня Сабинин. — Это же измена товариществу, предательство! Чеснокову и Зайцеву доверили жизнь человека, а им наплевать на него. Да кто же после этого будет работать с такими напарниками?

Все возмущались. Арся Баков даже внес предложение поколотить провинившихся.

На Чеснокова и Зайцева жалко было смотреть. Они сидели с покрасневшими лицами, не смели поднять глаза.

Пошли дни за днями, заполненные нелегкой опасной работой на скалах. Бывало, что и душа уходила в пятки, но все работали с жадностью.

Каждый вечер представляли бригады навещивались в палатку соседей, а те в свою очередь приходили к нам. Так возникло неофициальное соревнование: кто больше соберет.

Петрович любил повторять:

— Наша бригада третья по счету, но должна быть первой по работе.

Свободное время, которого у нас оставалось не так уж много, каждый проводил по-своему.

Сережа Колтовой, мастер на все руки, вырезал из дерева шахматные фигурки. Он расчертил фанерную доску и стал записывать участников шахматного турнира.

У кого-то нашлось домино. По вечерам стол трещал от стука костяшек — благо, был добротный скочлен.

Мы любили читать книги, но их у нас было мало.

Вечерами перед сном, лежа в постелях, мы долго разговаривали, вспоминали довоенное время, рассказывали друг другу о себе.

Володя Ермолин, оказывается, три года жил в Лондоне: его отец работал там торговым представителем. Володя умел свободно читать и говорить по-английски.

Сергей Колтовой родился в поморском селе Патракеевка, почти все мужчины в котором — моряки. Сам Сергей уже несколько раз ходил с отцом в море на рыболовном сейнере.

У Темы Кривополенова отец погиб во время войны с белофиннами, а недавно на фронте погиб старший брат. Почти у всех ребят были на фронте отцы и братья.

Был разгар полярного лета. Солнце не сходило с неба, и мы, наверное, путали бы день с ночью, если бы не огромные, с несколькими крышками, карманные часы бригадира.

Недели через две сбор яиц пришлось прекратить, часто стали попадаться запаренные. Петрович стал комплектовать группы для промысла кайры. В одну группу он включил тех, кто хорошо умел стрелять, в другую — умеющих грести и плавать. Самые молодые, четырнадцатилетние, должны были «шкерить» кайру и засаливать ее в специальных чанах из брезента.

Тема Кривополенов, Володя Ермолин и я попали в одну шлюпочную команду. В нашей же группе оказались Толя Гулышев и Петя Окулов. Они должны были стрелять по кайрам со скал. Наше дело было собирать ее в шлюпку.

Нам выдали огромные рыбацкие сапоги, которые хлябали на ногах. Мы страшно гордились ими. По общему мнению, они придавали нам вид заправских поморов.

Толя и Петя повесили на плечи малокалиберные винтовки, засунули в карманы пачки патронов и направились в западную сторону острова.

Им что: поднялись наверх, прошли с полкилометра — и на месте, а нам надо было обогнуть половину острова, а это не так-то просто при свежем ветре и волне.

Тема сидел на корме и правил, а мы с Володей гребли. Нам, конечно, много раз приходилось грести в шлюпке на Двине, но здесь это оказалось куда сложнее. Море почти никогда не бывает спокойным, всегда оно дышит, волнуется. Иной раз волна опустится, и ты, захватив веслами воздух, летишь с банки.

Все же постепенно приноровились и друг к другу, и к волне, стали грести дружно, хотя и порядком вымотались, пока добрались до стрелков. Те уже дожидались, удобно устроившись на площадках скал.

Как негромкие хлопки, звучали выстрелы. Спинки кайр зачернели в волнах то тут, то там. Мы подгребали к ним, подбирали.

— Правая табань... гребь прямо... левая табань... оба назад... — командовал на корме Тема.

Когда лодка наполнилась тушками, мы заметили, что много их еще остается у берега, почти на границе прибоя. Стали осторожно подгребать, и тут шлюпку мягко подхватила волна и посадила на большой плоский камень. Шлюпка накренилась, волны стали бить ее о камень, грозили перевернуть. Хочешь не хочешь, пришлось прыгать в воду, стаскивать шлюпку. Холодная вода обжигала. Ноги скользили по камню, покрытому какими-то водорослями.

Мы падали, поднимались, снова падали, а волны, перекатываясь через наши головы, били шлюпку днищем о камень. Сверху что-то кричали Толя и Петя. Но чем они могли помочь?

С великим трудом все-таки удалось стащить шлюпку с камня. Отгребли в безопасное место и первым делом стали выливать воду из сапог (ох, уж эти рыбацкие сапоги, они чуть не утопили нас!).

Обратно гребли изо всех сил — согревались. Груженная шлюпка шла тяжело, и мы совсем выдохлись, когда добрались до палатки. Там ребята принялись выбрасывать на берег добытую птицу, а Петрович сразу же заставил нас переодеться в сухое белье, дал выпить обжигающе горячего крепкого чаю.

Ильинична хлопотала около нас, наливала суп, накладывала пшеничную кашу, а нам было не до обеда. Мы сразу полезли в постели, но и там не сразу удалось согреться.

По счастью, шлюпка не получила никаких повреждений, и сразу же после нас на промысел вышла вторая смена.

...Мы с моря видели, как наши стрелки шли поверху, а затем стали спускаться к скалам; Петя Окулов впереди, Толя Гулышев сзади. Вдруг из-под Петиных ног стал оползать каменистый грунт. Петя быстро лег и, широко раскинув руки и ноги, стал карабкаться вверх, но — бесполезно. Он медленно сползал все ниже и ниже — к сорокаметровому обрыву, на дне которого виднелись зубцы камней.

Мы в шлюпке похолодели от ужаса, Володя Ермолин даже закрыл глаза...

Не растерялся один Толя Гулышев. Он тоже лег плашмя и протянул Пете винтовку, прикладом вперед.

«Что он делает? Ведь сейчас полетят вниз оба!» — подумалось мне.

Какими долгими показались эти секунды. И все-таки Толя вытянул наверх Петьку Окулова!

Мы сидели, уронив весла: не было сил грести после такого потрясения. Лишь оказавшись в полосе прибоя, принялись дружно отгребать от опасного места. Петька, все еще бледный, пожал руку Толе:

— Я твой должник, Толян. Теперь ты мне — друг навечно.

— О, как торжественно, — фыркнул Толя. — Да если бы со мной случилось такое, разве ты не помог бы?

— Не знаю, — немного подумав, честно ответил Петька. — Может, и струсил бы, кто его знает...

Большой радостью, настоящим праздником для всех нас был приход «Авангарда». Судно встало на якорь метрах в пятидесяти от берега. В отвалившей от него шлюпке сидело несколько матросов, начальник экспедиции Грозников и незнакомая нам девушка.

Первым на берег ступил Грозников.

— Здорово, робинзоны! — зычно поздоровался он.

Мы дружно ответили ему.

— Почему же мы робинзоны? — полюбопытствовал кто-то.

— А как же! Ведь живете-то на необитаемом острове. Вот и выходит — самые настоящие Robinsonы.

Вот это здорово! Мы как-то и не подумали, что наш остров — необитаемый.

Девушка оказалась медицинской сестрой.

— Доктор Валя, — представил ее Грозников.

Начальник экспедиции всматривался в наши лица, отвечал на сыпавшиеся вопросы. Всех интересовали последние известия с фронтов.

Матросы с «Авангарда» выгрузили из шлюпки мешки с продуктами. Больше всего нас обрадовал свежий, вкусно пахнущий хлеб, испеченный в Малых Кармакулах.

«Доктор Валя» тоже не сидела без дела. Она дотошно осматривала все, вплоть до супового бачка.

— Больные имеются? Есть жалобы на здоровье?

Первым со страдальческим видом подошел к ней Тема Кривополенов.

— На что жалуетесь? — строго спросила Валя.

— На аппетит, — захныкал Тема. — Совсем не стало аппетита: меньше двух буханок хлеба за один присест организм не принимает.

Валя покраснела, не зная сердиться или смеяться, а ребята улыбались, довольные розыгрышем.

Характер у нашего «доктора» оказался твердым. В разгар промысла она настояла на том, чтобы обе бригады отправились в баню в Малые Кармакулы. Там нам впервые и пришлось увидеть немецкий самолет.

Бригада блаженствовала в баньке. Поддавали пару. Хлестались вениками из морской капусты, до красноты терли друг другу спины.

В предбаннике возмущалась вторая бригада, которая должна была мыться после нас. Дюжина кулаков стучала в дверь, десяток голосов зывал к нашей совести. И вдруг за окном, на улице кто-то закричал:

— Самолет! Самолет летит!

Конечно, самолет — в диковинку, здесь, на Новой Земле. Нас неудержимо потянуло на улицу. «Мощный мужик» Геня Перфильев отговаривал нас:

— Не открывайте дверь. Это провокация. Знаем мы вторую бригаду. Только откроете — ворвутся, выкинут нас из бани.

И все же мы не утерпели, открыли и голые высыпали на улицу. Из-за высокой сопки планировал с выключенными моторами самолет. Спереди у него забился огонек, слух резанула заметная очередь. От деревянного створного знака, стоявшего рядом с банькой, полетела щепка. Оглушив включенными моторами, самолет пронесся над нами. На крыльях у него чернели кресты. Мы бросились было врассыпную, но резкий холодный ветер заставил вернуться в

баню. Там преспокойно мылся Геня Перфильев.

Одеваясь в предбаннике, ребята посмеивались, подшучивали друг над другом:

— Арся-то, Арся — вот хитрован! Присел за бочку с водой, зажмурился и сидит, как в бомбоубежище.

— А Славка Барабанов, ведь такой тюлень неповоротливый, а как побежал — обогнал всех!

— Самый храбрый у нас Володя Ермолин. Он один с собой штаны прихватил. Подбежит, подбежит да и остановится — порточки натягивает.

— А Петрович-то, сразу видно — охотник! По самолету, как по утке, влет стрелял.

Петрович, с невесть откуда взявшимся «винчестером» в руках, смущенно хмыкал, с беспокойством оглядывал нас.

— Слава богу, хоть все целы, никого не задело. Это, видно, разведчик пролетел.

Так, наверно, и было. Через несколько дней мы узнали, что становище Малые Кармакулы обстреляла и сожгла немецкая подводная лодка. Ребята из первой бригады — они промышляли на птичьем базаре напротив Малых Кармакул — видели, как это случилось.

Было около полуночи, но светило солнце. Море было тихое, спокойное, как будто отдыхало. На фоне бледно-голубого ясного неба четко выделялись вершины высоких сопки и скалы, окружавших бухту. В становище спали.

Подводная лодка зашла в бухту на плаву. Там находились два гидроплана полярной авиации. Первыми выстрелами фашисты подожгли самолеты. Те запылали как факелы. Летчики выскочили из избушек, хотели на шлюпке подойти к самолетам, но увидев, что это бесполезно, укрывшись за камни и стали стрелять по лодке, хотя и знали, что пули не достигнут цели.

Немцы стреляли зажигательными снарядами, и вскоре несколько жилых домов и склады были охвачены огнем.

Фашисты чувствовали себя уверенно, курили, громко разговаривали, хохотали после каждого удачного выстрела. Чего им было бояться? Они же знали, что обстреливают мирное становище. По счастью, уцелела радиостанция: она стояла за скалой, и фашисты не заметили ее.

Вскоре мы узнали, что наши «охотники» неподалеку потопили подводную лодку. Нам хотелось верить, что это была именно та подводная лодка, которая потопила «Крестьянина» и сожгла Малые Кармакулы.

Не всегда на острове нам благоприятствовала погода. Случались затяжные яростные шторма. Море, ласковое и спокойное в тихую погоду, становилось во время шторма страшным в своей неукротимой силе. С вершины острова было видно, как до самого горизонта поднимаются огром-

ные водяные холмы. Громадные волны яростно, без устали накатывались на береговые скалы, с оглушительным, пушечным гулом ударялись об их каменную грудь. Брызги долетали почти до вершины острова. Все море у скал было покрыто белой пеной.

В такую погоду нечего было и думать о выходе в море. И тогда на нашем маленьком острове сразу возникла проблема воды и дров. На Пуховом не было ни пресного источника, ни плавника. Воду и плавник мы привозили на шлюпках с Новой Земли.

В хорошую погоду это было даже приятным делом: кто откажется пройтись под парусом в погожий летний день? Но теперь к морю нельзя было и близко подойти. Оно угрожающе шумело почти у самой палатки. Хорошо, что далеко выходящая каменистая отмель укрощала волну.

Без дров мы еще кое-как обходились: сжигали пустые ящики, «лишние» доски от коек. А вот с водой было хуже, ее выдавали по скудной норме. Рядом с палаткой пенилась и бушевала безбрежная масса воды, но ее вид только усиливал жажду. Сереже Колтовому посчастливилось найти в расселинах между скалами остатки прошлогоднего, спрессовавшегося как лед снега. Лазить по скалам при штормовом ветре было опасно. Петрович категорически запретил это делать, но ребята украдкой приносили Иль-

иничне ведра прошлогоднего снега. Она ворчала, грозила пожаловаться бригадиру, но от снега не отказывалась: надо же было готовить обед.

Четыре дня бушевал шторм, а на пятый неожиданно стих. Засинело небо, ласково заплескали волны.

— Берите парус! Готовьте шлюпку! Грузите бочки! — командовал Петрович, помогая нам в сборах.

И вот надулся парус, шлюпка чуть накренилась набок, весело зажурчала вода. Лодка, мягко покачиваясь, прошла мимо хорошо знакомого теперь птичьего базара с его неумолкающим гомоном.

Мы взяли курс на другой птичий базар, что напротив нашего острова. Там, в ложбине, протекал ручей с удивительно чистой, холодной водой, а на берегу лежали груды сухого, как порох, плавника.

Выйдя на берег, мы в первую очередь припали к ручью и досыта попили холодной, удивительно вкусной воды. На вершине скалы одиноко маячил деревянный крест. Кто и когда похоронен под ним? Мы поднялись на скалу. Надпись на кресте разобрать было невозможно.

Не такое уж веселое дело наполнять бочки с водой. Шлюпку нельзя поставить близко к берегу: сядет на мель при отливе. Надо несчетное количество раз зачерпнуть в ручье ведром и за-

тем брести к шлюпке по обжигающе холодной воде (в сапогах в море мы теперь не выходили: случись что, они могут, как гири, утянуть на дно).

Морская вода разъедает ссадины, от холода ноги деревенеют, теряют чувствительность. Согреться, отдохнуть нет времени: уж очень быстро покрывается серыми тучами небо.

Заглянув в бочку с водой, я увидел свое отражение и глазам не поверил: неужели этот мордастый парень — я? Да, здорово мы здесь поправились на ненормированном питании.

По всему берегу гusernameами лежал плавник: бревна, доски, обломки ящиков — чего только нет! Все это приносит теплое течение, ответвление Гольфстрима. Говорят, что даже ветви пальм иногда приносит сюда течением. Разбирая и складывая в шлюпку плавник, мы нашли деревянный буй. Когда потом мы раскололи его, то внутри обнаружили записку. Оказалось, что буй был брошен экспедицией с «Малыгина» в начале тридцатых годов. Тех, кто найдет буй, просили уточнить координаты места находки и сообщить в институт океанографии. Не знаю, сообщил ли кто о нашей находке...

Мы поспешили заполнить шлюпку дровами и отошли, парус ставить не решились: ветер настолько окреп, что мог перевернуть нашу посудину или отнести ее в сторону от Пухового.

— Придется поработать, ребята, — нахмурились сказал Тема.

Мы это и без него понимали. Гребли изо всех сил. Тяжело груженная шлюпка глубоко зарывалась носом в разыгравшиеся волны, обдавая нас холодным ливнем брызг. Мы скоро промокли насквозь, но было жарко. Волны проходили почти вровень с бортами, угрожая залить шлюпку. Вода из бочек выплескивалась и скоро захлюпала под ногами. Тема одной рукой держал рулевое весло, а другой пытался вычерпывать воду, но это плохо удавалось.

А ветер становился все злее, волны — выше. Мы понимали, что теперь все зависит только от нас: стоит зазеваться, поставить шлюпку бортом к волне и — верный конец, в ледяной воде, да еще при такой свистопляске волн, долго не продержишься.

И вдруг рулевое весло сухо треснуло. В руках у Темы остался короткий обломок. Потерявшая управление шлюпка стала разворачиваться бортом. Накатилась волна, и вода в шлюпке сразу поднялась до наших щиколоток, а спереди уже накатывалась другая волна...

— Весла! Гребни правой, табань левой! — команда Темы быстро вывела нас из оцепенения. Он выхватил из груды плавника доску и стал орудовать ею, как рулевым веслом. Шлюпка поднялась на гребень волны. Кажется, пронесло!

Остров Пуховый, такой желанный, теперь

становился все ближе и ближе. Но удастся ли нам зацепиться за него?

— А ну, старики! — закричал Тема. — Выдайте все, что можете! Вперед до полного! Жми!

«Старики» жали так, что пот застилал глаза. Темка вдруг запел во все горло:

Эх, полным полна моя коробочка,

Есть в ней ситец и парча...

Нам удалось зацепиться за южную оконечность острова! Зашли в небольшую бухту, где волны были смирные, безобидные. Шлюпка уже ткнулась в береговую гальку, а мы все сидели на своих местах, не веря спасению.

Подбежали ребята, за ними — запыхавшийся Петрович. Он что-то кричал, ругался, а у самого руки тряслись от волнения, в глазах светилась радость. Он помог нам выйти из шлюпки, крепко хлопнул каждого по плечу и поощрительно поддал коленом под зад.

Наступил сентябрь, холодный, штормовой, с дождями и туманами. Низко нависали тучи, шумели ветра. Море потемнело.

Все чаще и чаще приходилось отсиживаться в палатках — нельзя было выйти в море из-за непогоды. Все чаще в разговорах мы вспоминали о доме, о родных.

...И вот к Пуховому подошел долгожданный «Авангард».

— Аврал! — объявил Петрович.

И закипела работа.

С мальчишеской гордостью оглядывали мы штабеля ящиков с яйцами, бочки с засоленными тушками кайры. Даже не верилось, что все это добыли мы сами! От берега к судну и обратно сновала дора. Перевозили имущество и на шлюпке. Для этого с «Авангарда» на берег был протянут толстый канат. Четверо ребят, перехватывая канат руками, гоняли шлюпку взад и вперед.

В беспокойном море держаться за канат было трудно. Погрузка уже подходила к концу, когда большая волна подхватила шлюпку и понесла ее в сторону. Руки ребят оторвались от веревки. Не отцепился только Геня Сабинин, он повис на канате, по груди погрузившись в воду. Волны то поднимали, то опускали его, мотали из стороны в сторону.

— Держись, Генка! Крепче держись! — кричали с берега ребята. К счастью, дора была недалеко. Она и подобрала до нитки промокнувшего и дрожащего Геню, а потом привела и беспомощно болтавшуюся на волнах шлюпку.

До свидания, Пуховый! До свидания, высокие скалы! До свидания, шумный птичий базар!

В конце сентября нас всех принял на борт военный тральщик, и в составе большого каравана мы отправились в обратный путь.

Редкая фотография

Ст. 2-ю стр. обложки

Всеволод СЛУКИН

И только очутившись там, за окном, среди милой ему природы, Чехов преобразился.

Только здесь, в этом березовом парке, и могло проявляться доброе взаимопонимание двух людей: Морозова-садовода и Чехова-садовода. Чехов признавался, что «если бы не литература, мог бы быть садовником». Тысячи вишен, кленов, елей, берез, вязов, сосен, лиственниц, черешен, кипарисов посадил Чехов на пустошах в Мелихове и вокруг своего дома в Ялте. Посадил он, по свидетельству одного из современников, в Ялте и березку, в память о березовой роще в Мелихове.

Но не из-за парка, не из-за берез же приехал Чехов сюда, на Всеволодо-Вильвенский завод, находившийся по тогдашним представлениям чуть ли не в самой невороятной российской глуши.

Даже близким не всегда было понятно постоянное стремление Чехова к дальней дороге. Его поездку на Сахалин называли не иначе, как безумным поступком. А в Чехове жил не только писатель, не только врач, не только садовник. В нем жил и путешественник. Недаром сам Чехов писал: «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно». За свою короткую жизнь Чехов объехал полмира. Проехал всю Россию до Сахалина, на обратном пути был в Гонконге, Сингапуре, Индии, Греции, Турции, на Цейлоне; и побывал почти во всех странах Европы. А дальние дороги звали и звали. Вот его мысли:

«Поехал бы и на Принцезы острова, и в Константинополь, и опять в Индию и на Сахалин...»

«Я бы с удовольствием двинул теперь к Северному полюсу, куда-нибудь на Новую Землю, на Шпицберген...»

«...Все жду Ковалевского, поедем вместе в Африку».

Вот это чувство «таинственной дали», возможно, и толкнуло Чехова на поездку с Саввой Морозовой в Всеволодо-Вильву, хотя тогда он был уже безнадежно болен.

Тихонов, наблюдая за Чеховым, отмечает: «Чехов, изнывая от зноя, бесцельно слонялся по парку, черным среди его белых колонн, давил тростью червяков, читал в садовой беседке приложения к «Ниве» и каждый час справлялся у горничной, нет ли

телеграммы из Москвы, где он оставил больную жену. Его томило безлюдье, безделье и кашель».

Савва Морозов разводит руками и говорил Тихонову: «И зачем я его сюда затащил?» Да и Тихонов недоумевал впоследствии: «Чего ради они вместе приезжали на Урал, это мне и до сих пор не понятно?»

Морозов, привезя гостя, тут же занялся своими хозяйскими делами и оставил Чехова на попечение А. Н. Тихонова. Свое знакомство они начали со споров. «Задыхаясь от междометий и восклицательных знаков», Тихонов говорил Чехову о своем понимании литературы, о любимых писателях, о начинавших входить в моду декадентах, заволаживающих поначалу студенчество своим оригинальничанием. Чехов спокойно, репликами, иногда с легким поддразниванием ставил все на свои места.

Как-то, вроде бы совсем по другому поводу, Чехов сказал задумчиво: «Прежде всего, друзья мои, не надо лжи. Искусство тем особенно и хорошо, что в нем нельзя лгать...»

Споры, безвыигрышные для Тихонова, все-таки сблизили их. Сблизило их еще и увлечение рыбной ловлей.

Впрочем, это обстоятельство не помешало Сереброву заметить в воспоминаниях: «Когда через несколько месяцев, в Москве, Чехова спросили обо мне, он сказал с улыбкой:

— Как же, помню!.. Такой горячий белокурый студент. — И после паузы прибавил: — Студенты часто бывают белокурами».

И вот — эта фотография из архива А. Тихонова.

Антон Павлович снят сидящим на садовой скамейке на фоне двух березок. Черный пиджак, полосатый галстук-бабочка, небольшая кепочка. Тонкие овальные ободки пенсне, внимательный взгляд. Матовая и уже подернутая «старинной» фотография наклеена на толстый картон. На картоне — тисненные гербы и вензели, медали выставок, вычурная графика: «К. А. Фишер, фотограф императорских театров, университета, музеев и прочая, и прочая...»

На фотографии нет автографа. Может быть, слишком кратким было знакомство, чтобы написать: «Дорогому... Милому...», «На память...» Может быть, дар этой фотографии

был по-чеховски прост, без праздности и лишних слов. А может быть, и это не исключено, фотография попала к А. Сереброву не от Чехова: ведь они больше не виделись.

Александр Николаевич Тихонов нигде не обмолвился об этом снимке. Никогда не говорил о тех многих десятках фотографий, оставшихся как память от деловых отношений, встреч и дружбы со знаменитыми его современниками. Все это он завещал литературным музеям. Чеховскую фотографию оставил, Чехов был ему дорог бесконечно.

Пишущего эти строки не покидала мысль выяснить обстоятельства, при которых фотография могла попасть к А. Тихонову. Прежде всего, предстояло узнать, так ли в действительности редок этот снимок, как кажется при первом взгляде на него. Был послан запрос в Москву. Из Государственного Литературного музея за подписью главного хранителя пришел ответ: «На Ваш запрос сообщаем, что в фондах Государственного Литературного музея интересующей Вас фотографии А. Чехова не имеется».

Но возможно снимок есть в других местах, может быть, в других частных архивах?

Нам пришлось воспроизвести историю знакомства А. Тихонова с его великим современником, чтобы читатель составил представление об обладателе редкой фотографии. Но, к сожалению, эпизод встречи на Урале не дает ответа на вопрос, как снимок попал к Тихонову и где он был сделан. Вряд ли снимок мог быть сделан в самом имении Морозова — в своих обстоятельных мемуарах А. Тихонов не обошел бы этот факт, да и откуда было взяться столичному фотографу в захолустном имении в короткие дни пребывания там Чехова. Не умолчал бы автор, если бы Чехов эту фотографию ему подарил, да и на снимке нет надписи, как уже говорилось.

Березы, по которым так тосковал Чехов и которые так выразительны на фотографии, были не только в имении Морозова, они были в Мелихове, наверняка и на даче Станиславского (Алексеева) — в Любимовке, куда вскоре после поездки на Урал, приехал на все лето Чехов. К слову, здесь и настроение, и самочувствие писателя было совсем другим, более располагавшим и к самому процессу фотографирования («В Любимовке мне очень нравится... привалило, точно в награду за прошлое, так много покоя, здоровья, тепла, удовольствия, что я только руками развожу. И погода хороша, и река хороша...»).

Предлагая вниманию читателя эти заметки, автор надеется, что дальнейший поиск поможет разгадать историю фотографии до конца.

● Фери-баче — Ференц Патаки

● Космос... в комнате

● «Казак- разбойники»

● Расскажем о земляках

● «Дежурство памяти»

Однажды полицейские нагрянули в местечко, куда пришли по заданию подпольщики, и стали проверять документы — у всех, дом за домом. У подпольщиков были надежные удостоверения, но беда в том, что с полицейскими ходил местный староста, которому присутствие неизвестных могло бы показаться странным. И тогда в «опасном» доме разыграли... сватовство. На столе появились бутылки вина, голосила мать, плакала дочь, не желавшая выходить замуж за пожилого жениха из Ужгорода... Все было так натурально, что у полицейских не возникло никакого подозрения.

Не один раз опытный конспиратор Ференц Патаки находил выход в самых, казалось бы, неблагоприятных ситуациях. Ференц Патаки... Фери-баче — дядюшка Федор по венгерски... Человек удивительной судьбы. В первую мировую войну он, офицер австрийской армии, оказался в плену, в Сибири. С первых дней революции примкнул к большевикам, был председателем ревкома в Черемхове, был первым начальником управления погранохраны, потом начальником отдела по борьбе с бандитизмом Московского ЧК. А в Отечественную войну опытный чекист стал разведчиком.

Могилу расстрелянного фашистами Ференца Патаки и его боевых товарищей находится в венгерском городе Шопроне. А в московских школах № 730 и

№ 579 есть музеи, экспонаты которых рассказывают о героях закарпатского подполья и о разведчике Ференце Патаки, который свыше двадцати лет был жителем Москвы.

Всего одну комнату занимает музей космонавтики в 44-й щигровской железнодорожной школе (Курская область). Однако посетили его уже несколько тысяч человек. Здесь есть что посмотреть.

Аппараты и приборы с космического корабля, снимки Земли, Марса, снаряжение космических пилотов, шар, в котором хранится суточный запас воды, металлический баллон с запасом кислорода для двух человек на трое суток, лунная географическая карта, полная программа, выполненная при совместном полете экипажами кораблей «Союз» и «Аполлон»...

Организатор музея — учитель физики Дмитрий Михайлович Циммерман. Это ему, человеку, связанному дружбой с космонавтами и учеными, частому гостю Звездного городка, Щигры обязаны своим удивительным музеем.

«Я видел здесь экспонаты, которых нет даже в павильоне «Космос» на ВДНХ», — так написал один из посетителей музея.

Кто не знает детской игры в «казаки-разбойники»? А вот было в войну...

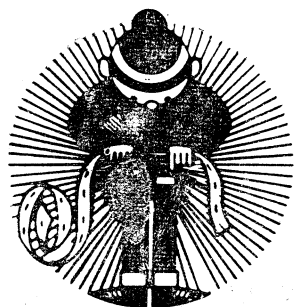
Оставили немцы в деревне Стеблево автоприцеп с винтовками и боеприпасами. Мигом растащили оружие мальчишки. Было им от тринадцати до семнадцати лет. А вскоре один из них, Витька Захаров, встретился на реке с четырьмя немцами, которые спросили: «Есть ли в деревне партизаны?» — и Витька, сам не знает почему, ответил: «Есть. Человек двести...».

Толя Володин сказал: — Может, отобьемся, пацаны? Винтовки есть, чего еще надо?

Стрелять учились на задворках. Оглохли с невычки, но ружья заряжать научились. Вскоре пожаловал немецкий мотоциклист — катил по дороге прямо в деревню. Трахнула винтовка. Фашист повернул обратно. А к обеду мальчишки заметили десятка два немецких солдат, пробиравшихся вдоль берега. Пацаны открыли стрельбу. Самые маленькие даже не целились, только старались почаще нажимать на курок...

Два дня держали оборону стеблевские мальчишки. Были среди них и местные, и воспитанники Волоколамского детдома — «беспризорники».

Двадцать пять подошедших советских автоматчиков сменили валившихся от усталости хлопцев. На следующий день подошла еще группа наших солдат. «Ну, казаки, спасибо!» — сказал командир.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Об этой необычайной военной «игре» собрали материал ребята из исторического кружка Дедгородковской средней школы. Нашли они и «казаков-разбойников», теперь уже взрослых людей.

Прошлое села... Оно все воплотилось в биографии живших и живущих в нем. История, времена, судьбы, имена и эпизоды — из них и сложилось прошлое.

Из окопов гражданской войны принесли в Новопокровку идеи Ленина солдаты Павел Машков, Афанасий Ермаков, Максим Яковлев. О последнем писал Новиков-Прибой в «Цусиме». Эти имена можно прочитать в экспозиции школьного музея, посвященной революционному периоду. А разве не интересна судьба уроженца села Ефрема Косьяновича Денисова — участника русско-турецкой войны, ставшего полным Георгиевским кавалером? Всю жизнь прожил в Новопокровке бывший матрос броненосца «Цесаревич» Василий Егорович Свиридов; благодаря школьным следопытам знают теперь потомки еще об одной интересной странице его биографии — в 1908 году он принимал участие в ликвидации последний землетрясения в городе Мессина, был награжден итальянским правительством медалью...

Школьный музей в Новопокровке Кувандыкского района Оренбургской области рассказывает о многих интересных людях, чья судьба связана со старинным русским селом.

Раздел «Дежурство памяти» ведет газета «Московский комсомолец». О чем он? Просто о жизни. Ведь у каждого много повидавшего и повидавшего человека найдется вспомнить что-то интересное, запомнившееся на всю жизнь. Это может быть и крупное событие или какое-нибудь маленькое, но дорогое воспоминание...

Вот какую безыскусную историю поведал «Дежурству памяти» москвич Н. Г. Спиридонов. Их семья жила в Москве, была бедна. Мать работала прислугой. Когда отец умер, она с тремя малыми ребятами уехала в глухую деревню. Нелегко пришлось городской женщине, выделявшейся среди деревенских и выговором, и манерами. Никто в деревне не звал ее по-местному — Спиридониха, а звали их так: «Прелестных», или «Колька Прелестный». Так и закрепилось за семьей прозвище, и была в нем обида, насмешка... А пошло-то все откуда? Сидели как-то молодухи на завалинке, а мать и сказала: «Какой вечер прелестный, даже не хочется уходить...» И все расхохотались — неслыханное слово!

Так на всю жизнь, еще из дореволюционного времени, «прилепилась» к семье кличка. Как память о бедности, которую не раз обманывали красивыми словами, так что и на красоту, и на культурность впору было озлобиться.

● «Октябрьские встречи» — так называли ленинградские следопыты свой поиск революционных материалов, объявленный в честь 60-летия Великой Октябрьской революции. Один из первых сборов был посвящен рабочему-

революционеру И. В. Бабушкину. Следопыты школы № 342 Невского района, в течение десяти лет собиравшие материалы о Бабушкине, доложили о своих находках.

Еще одна весть из города Ленина. К юбилею Советской власти пионерские отряды готовят коллективную рукопись под названием «Есть у революции начало, нет у революции конца». Отряды красных следопытов получили маршрутные путевки с интересными заданиями: отыскать людей, служивших на «Авроре», составить список Гаврошей революции, написать летопись «Пионерстроя» и другие.

● При Центральном музее Революции есть клуб юных историков. «Возраст» клуба — больше десяти лет. На одном из последних его заседаний выступили следопыты московской школы № 167. Заседание было посвящено Дню памяти 28 героев-панфиловцев. Сто походов совершили ребята этой школы по местам знаменитой дивизии.

● В 76-й рижской школе открылся музей боевой славы 212-й Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, освобождавшей Ригу от немецко-фашистских захватчиков.

● «Любови к Грузии учит великий Шота. К сердцу Украины ведет шлях, так трудно и так героически проложенный Тарасом Шевченко...» — эти строки из письма украинского поэта Микола Бажана, написанного школьникам 66-й тбилисской средней школы. В школе есть музей Т. Г. Шевченко. Экспонаты музея хранят многие интересные документы, в том числе свидетельства о встречах с кобзарем Ильи

Чавчавадзе, Акакия Церетели, художника Г. Майсурадзе — однокашника Тараса Шевченко по Петербургской Академии художеств.

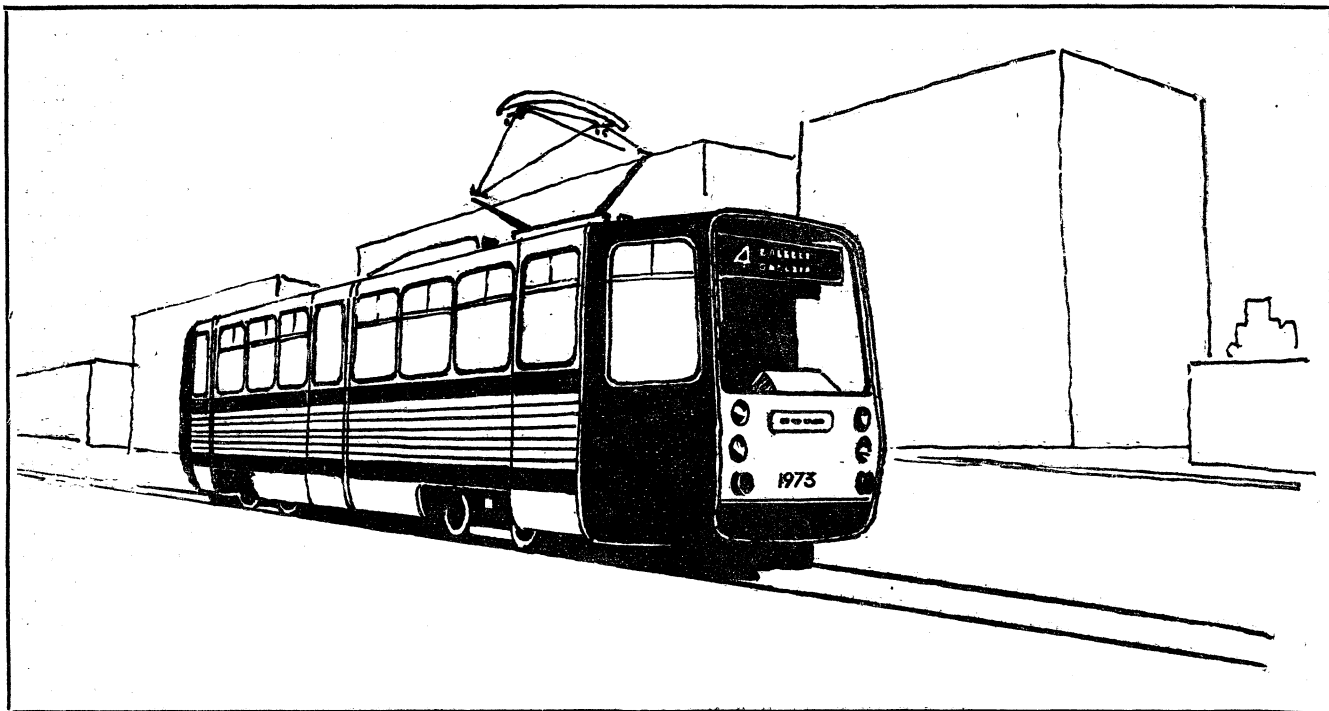
● Юные следопыты Долматовского Дома пионеров Курганской области получили от своих друзей, моряков теплохода «Долматово», подарок — венецианскую гондолу. Вместе с ней пришел диплом, в котором следопытскому клубу присвоено имя «Азовский». Коллектив теплохода взял над детским клубом шефство.

● Подлинный флаг с корабля «Челюскин» хранится в музее города Могилева. Музей носит имя популярного исследователя Отто Юльевича Шмидта.

● Мемориально-педагогический музей В. А. Сухомлинского создан в Павлышской средней школе [Кировоградская область] — в краю, где много лет жил и работал выдающийся педагог. Сохраняется тысячадетная библиотека Сухомлинского. Каждый класс ежемесячно в порядке поощрения дает право двум-трем ученикам пользоваться ценнейшим книжным сокровищем.

● Дворец пионеров в Октябрьском районе Омска — «новорожденный». И клуб туристов-краеведов — организация в нем тоже новая, хотя и имеет уже на своем счету несколько сложных походов. Один из них был совершен по заданию Географического общества на реку Оша. Во время экспедиции собраны данные о загрязнении и обмелении реки.

ДИЗАЙНЕР

**Алексей
ВОРОБЬЕВ
Сергей
АНИСИМОВ**

*Рисунки
В. Бердюгина*

«Дорогая редакция! Я интересуюсь архитектурой, строительством современных городов. Читая об этом, часто встречаю упоминание о дизайнерах. Знаю только, что профессия эта появилась недавно. Интересно, чем занимаются дизайнеры? Расскажите, пожалуйста, о ком-нибудь из них».

Валерий БОНДАРЕНКО,
ученик 7 класса (город Красновишерск Пермской области).

Отец Валерия Бердюгина — Трофим Семенович — из тех, кого по-доброму называют чудаками. Чем только не занимался в жизни — сапожничал, был монтером, увлекался живописью, гипнозом, писал стихи. Дом на Заречье теснился от диковинных рукоделок: эпидиаскопов, фильмоскопов, фотоувеличителей... На одном из снимков семья Бердюгиных запечатлена в момент испытания телескопа. Первую же свою поделку — фотоаппарат из фанеры — Валерий смастерил в пятом классе.

...И всегда рисовал. Начальные уроки живописи получил в изостудии Дворца пионеров Челябинска. Этюды писал в Ильменском заповеднике, на озерах Чебаркуль, Сункуль.

Так что после средней школы традиционного вопроса — куда пойти учиться — не вставало. Конечно, будет художником! Но тянуло и к технике: сказалось, видимо, семейное увлечение поделками.

Валерий поступает в Уральский политехнический институт. Считает: архитектура как раз и соединяет художника с техникой.

В то время уже входили в обиход архитекторов слова: «дизайнер», «техническая эстетика», «художественное конструирование». Время требовало, чтобы техническое окружение на заводе — станки, оборудование, инструмент — все больше приспособлялось к человеку, а не он к ним.

Один из энтузиастов-архитекторов Ролан Андрианович Шейн организовал на кафедре Уральского политехниче-

ского института, где учился Валерий Бердюгин, экспериментальную лабораторию по художественному конструированию. Начали с небольших заказов для Уралмашзавода, а уже через два года Свердловск принял Всесоюзную выставку по художественному конструированию. Скромная лаборатория превратилась в филиал Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. Главным художником-конструктором отдела машиностроения работает Валерий Трофимович Бердюгин.

Так чем же занимается дизайнер?

Человека, особенно городского, все больше окружает рукотворный мир. Окиньте взглядом комнату, класс, цех. Вы насчитаете сотни вещей, созданных не природой, но внешний вид которых так или иначе влияет на наше представление о прекрасном. Формирует его. Важно, чтобы вещи вызвали добрые чувства. Гуманизация окружающей среды — вот одна из главных задач, решаемых дизайнерами. Их поиски проникли, казалось бы, в самые различные области техники. Здесь и тяжелые машины: экскаваторы, турбины. Здесь и предметы быта; даже красивый, четко оформленный бланк делового письма с красивым шрифтом — дело рук дизайнера.

Инженер-конструктор мыслит техническими категориями. Но сделать вещь внешне подлинно красивой он не пытается. Художник-оформитель, решая интерьер, вносит определенные моменты украшения. Но сами предметы не делает более удобными, красивыми. В дизайн, таким образом, может прийти инженер-конструктор, поднявшийся до художественного осмысления, или художник, освоивший хотя бы основы технических знаний. А может быть, дизайнером можно и родиться, как Валерий Бердюгин.

...Его работы по художественному конструированию (многие — в соавторстве с коллегами из ВНИИТЭ) отличаются высоким чувством гармонии. Это — трамвайный вагон «Урал», отмеченный бронзовой медалью ВДНХ в 1972 году, настольные часы «Луч», демонстрировавшиеся на Лейпцигской ярмарке, туристский вагон для железнодорожной ветки Боржоми — Бакуриани, легкий, изящный.

«Основные черты метода Бердюгина: комплексный подход к решению темы, чувство стиля. Разработки просты и ясны по форме, легко читаются, в них нет ничего лишнего. Главное в его методе — не стремление блеснуть подачей материала, а стремление раскрыть его содержание».

Эта профессиональная характеристика дана Валерию Бердюгину на семинаре «Интердизайн» в Минске, на который прибыли видные специалисты — Вим Грюнебом из Голландии, Мечислав Гуровский из Польши, Гельмут Онмахт из Австрии.

В 1975 году в Москве проходил еще один международный конгресс «Дизайн для общества и человека». Пригластвовал на конгрессе и Валерий. После он скажет: «Я убедился, что мы делаем то, что нужно, как нужно, и не хуже, чем за рубежом».

Участие в международных встречах дизайнеров позволило шире взглянуть на свою профессию. Валерий Бердюгин — главный художник выставок, связанных с пропагандой опытов свердловчан по внедрению научной организации труда в производстве и управлении, проведению реконструкции. Три из них демонстрировались на ВДНХ, последняя — минувшей осенью.

О ней много писали, говорили. Опыт свердловчан по реконструкции одобрен постановлением ЦК КПСС и рекомендован для широкого распространения. Как с помощью реконструкции на предприятиях Среднего Урала народному хозяйству страны сэкономлено 600 миллионов рублей — вот что должна была рассказать выставка. Долго отбирал Валерий фотографии. Многие снимки переделывались по несколько раз. Потом — кропотливая работа над планшетами, монтажом.

Москвичи и гости столицы были покорены выставкой уральцев. Ее размахом и исполнительским мастерством. Обилием, новизной технических и изобразительных решений. Публицистичностью, взволнованностью, убедительностью представленных материалов. Дизайнер — в им был

Валерий — выступал здесь страстным агитатором и пропагандистом родившегося в его родном крае почина.

Награда за поиск и труд — две золотые медали ВДНХ.

Человек постигает ремесло; оно в свою очередь формирует личность, характер. Валерий любит путешествовать. Для плавания по рекам изобрел даже плот из надувных гондол. Прошлой осенью со своими друзьями сплавлился на плоту по одной из северных рек. Места там глухие. Однажды на стоянке они повстречали пожилого лесника. А когда простились, заметили, что собака лесника бежит по берегу за плотом. Много часов сибирская лайка сопровождала их. Случался бурелом, лесные завалы, но собака переплывала на другой берег и снова бежала.

На привале ее покормили. Несколько дней лайка восседала на плоту. Настало время возвращаться. Кто-то предложил взять красивую собаку с собой в город. Валерию собака тоже нравилась, но он убежден, что сибирской лайке лучше жить в лесу, чем в городе. Лайке лучше...

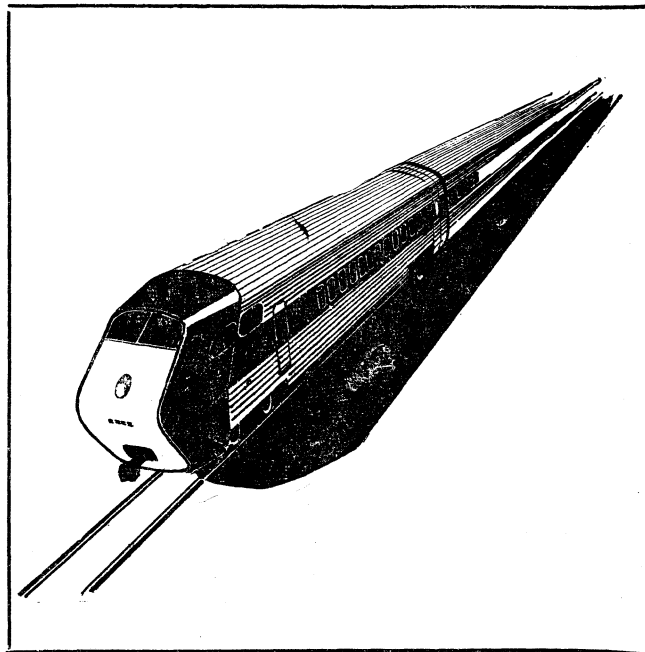
На встретившейся моторной лодке, в которой везли продукты для лесника, собаку отправили обратно. Вспомним один из главных принципов дизайна — гуманизация окружающей среды...

А недавно во ВНИИТЭ обратились специалисты Нижнетагильского завода медицинских инструментов. Их прибор для измерения силы покупают около ста стран мира. Но вот внешний вид не совсем удовлетворяет. Динамометр по совету дизайнеров выполнили в виде отточенного волной гладкого камушка, который хочется взять в руку...

Прибору присвоен государственный Знак качества. Кто знает, может, идея динамометра-камушка мелькнула там, на перекатах сибирской реки?

...Однажды сыновья (их двое у Валерия) попросили подклеить учебник. Скоро книга была разложена по страницам. Валерий склеивал каждую пачку в отдельности, а потом уже все вместе. На это ушло, наверное, полдня. Он сказал, как бы извиняясь:

— Я по-другому не умею...

СКУЧНЫЕ ДНИ НА ИОНИВЭЭМ

Рассказ

**Юрий
СКОРОБОГАТОВ**

Рисунки
Н. Мооса

Пурга играла с нами в прятки. Ночью убежала за сопку Вайваперен, светили звезды, каждая по полтиннику, сияла неоновая луна. А нудным декабрьским рассветом поземка вырывалась на простор долины, растекалась вширь и ввысь, закрывала небо. Набирала силы и начинала петь трубно и зловеще.

Радист Вася Номкай равнодушно сообщал на центральную усадьбу совхоза, что опять пуржит, вертолет посылать не к чему. После этого мы спокойно принимались за строганину из мороженой сельдятки. Мясо на промбазе кончилось, а рыбы в реке Ионивээм — не ленись ловить. Пили чай, благо захватили из Лаврентия целый ящик, читали две книги на всех, играли в покер с новшествами, изобретенными ребятами-оленеводами.

На второй вьюжный день приехал из поселка каюр Тнеуги. Явился, как дух-келе из снежной мути, тихо и неожиданно. Никто не услышал ни лая упряжных собак, ни окриков каюра. Он привез почту и немного нерпичьего мяса и жира.

Прежде всего накинулись на газеты и журналы. А вечером, когда насытились строганиной

из рыбы с мороженым нерпичьим жиром и ублажили себя крепким чаем, я вышел посмотреть на погоду.

Желтый кружок фонарика выхватил из мерзлой тьмы коридора крупного мохнатого зверя. Серый ком загородил весь проход. Его можно было только перешагнуть. Это показалось неудобным. Я стоял и ждал.

Зверь поднял голову. На меня уставилась умная собачья морда. Крупная, лобастая. Пес долго изучал меня, потом нехотя встал, уступил дорогу.

Он был весь серый, лишь по спине тянулась темная полоса. Ростом, могучей грудью и крепкими передними лапами пес вполне мог быть сродни волку. Но это была обычная чукотская ездовая лайка.

Находиться холодной ночью в коридоре, а не на улице — привилегия вожakov, если не считать собак с маленькими щенками.

— Етти! Здравствуй! — сказал я.

Острое ухо дернулось туда-сюда и снова замерло. Никаких эмоций. Серьезный пес.

Северная ночь утихомирила пургу, устроила звездную иллюминацию. Вдали бледными тенями мерцало северное сияние. Вернувшись, я спросил каюра:

— Там в коридоре твой вожак?

Каюр согласен кивнул:

— Ии!... Вытэль!..

Я не понял. Вытэль — значит «серый». Может, волк?

— У него что, родственники по волчьей линии?

— Не знаю, — ответил каюр.

А Вася Номкай добавил:

— У некоторых наших собак отцы или дедушки были волки. Из таких хорошая упряжка получается. Вытэль — отличный вожак.

— Старый только, — сказал Тнеуги. И пошутил: — Дорогу лучше меня знает. Я тоже старик, совсем-совсем старик.

И добрые, живые глаза его спрятались в густой сеточке морщин у припухших век. Тнеуги полулежа пристроился подремать...

Потом снова был выход на связь. В этот раз передали, что вертолета больше ждать не нужно. На днях из Лаврентия на вездеходах выедут к нам директор совхоза и остальные пастухи. С ними мы и отправимся на отбивку товарного стада оленей.

Вася Номкай переговорил с бригадирами, узнал новости. Везде говорили, ждут, мол, поняли, к отбивке готовы. Только из третьей, самой дальней, бригады сообщили, что у них уже несколько дней нет чая, курева, кончается сахар.

Подвел вертолет. Вернее, погода подвела.

Вездеходы когда еще подспеют. Нельзя третью бригаду оставлять без продуктов.

— Тнеуги, ты слышал?

— Ии.

— Поедешь?

— Ии. Утром.

А утром все началось сначала. Загудело еще до рассвета. По коридору в потемках я шел с опаской, как бы не наступить на Вытэля. Но его посреди прохода не было. Мелькнули два зеленых огонька сбоку. Поднял фонарик. Вот ты где!..

Вожак спал на полке, устроенной вдоль всего коридора. Верно рассудил Вытэль. И людям не мешает, и с пола не так дует. Стара шуба-то, видно, не очень уж греет.

Следом вышел Тнеуги запрягать собак. Они прятались в пустом гараже без окон и дверей. В предвкушении дороги собаки встряхивались, потягивались, затевали возню. Тнеуги брал их по одной, надевал постромки, прицеплял к длинному крепкому ремню-потягу. Некоторые сами становились на привычное место. В упряжке было десять собак.

Вытэль подошел степенно, сел в сторонке. Две собаки подбежали к нему засвидетельствовать почтение. Понохали вокруг снег, помахали энергично хвостами — пока Вытэль слегка не шевельнул хвостом в ответ. Наверно, это значило: «Ну, будет. Поздоровались, и хватит...»

Тнеуги запряг всех, кроме вожака. На него надевать упряжь не торопился. Проверил, хорошо ли загнан в снег остол, пошел укладывать груз. Вытэль теперь уселся перед упряжкой, мордой к ней.

Тнеуги пил чай. Вожак сидел спокойно. Поzemка раскачивалась, ветер завывал все сильнее. Собаки свернулись клубочками, прикрыли носы пушистыми хвостами. Вытэль не обращал внимания на ветер и снег.

Но вот каюр вышел, одетый совсем по-дорожному. Вытэль привстал, снова сел, опять встал, пошел навстречу хозяину. Тнеуги не обратил на него внимания. Еще раз проверил, хорошо ли увязан груз — ящик с продуктами и мешок с кормом для собак. Только потом присел на нарту, прижал к себе вожака. Он ласкал его, заглядывал в глаза, что-то говорил.

Вытэль вырвался и снова сел впереди упряжки, где много лет было его законное место, завоеванное в борьбе, утвержденное работой и стычками с подрастающими соперниками. Каюр хлопнул руками по камлейке, покачал головой, пошел к собаке, присел перед ней, снова трепал по загривку, тихо и укоризненно выговаривая что-то. Затем резко скомандовал, показывая рукой на дом. Вожак нервно дергал ушами, отводил глаза в сторону, но с места не двигался.

Тогда Тнеуги поднялся на крыльцо и властно позвал к себе Вытэля. Тот нехотя послушался.

¹ — Да. (Чук.)

Остальные псы внимательно поглядели вслед своему вожаку. На крыльцо втаскивать Вытэля пришлось силой. В его взгляде были мольба и страдание. Сил у старика не хватало справиться с собакой. Он сердился, кое-как затащил Вытэля в коридор, затолкал под полку, приказал:

— Нутку! Здесь!

Повернулся, чтобы уйти. Пес привстал, насторожился.

— Кырым!¹ — воскликнул Тнеуги и быстро ушел. Упал на нарты, выдернул остол, гаркнул «тагам!»², и упряжка вмиг исчезла в снежных вихрях.

Вытэль забился в угол, положил на лапы лобастую голову и словно закаменел. Впервые хозяин не взял его с собой в дорогу, упряжку повел другой вожак.

На нашей промежуточной базе, приткнувшейся на невысоком берегу Ионивээм в самой сердцевине Чукотского полуострова, наступили скучные дни. Совхоз построил здесь двухквартирный домик с гаражом, баней и складом продовольствия, снаряжения и горючего, чтобы облегчить связь с кочующими бригадами оленеводов, иметь в глубине тундры постоянный запас самого необходимого.

У Васи Номкая главное занятие — регулярно выходить на связь с бригадами и центральной усадьбой. У жены его хлопот хоть и меньше, но ей достаточно. А вот четверым оленеводам и мне — дел никаких. Сходить и проверить сетки, чтобы пополнить запас сельдятки, принести из проруби воды — вот и все наши дела. Теперь к нам присоединился и Вытэль.

— Почему все-таки Тнеуги не взял его? — спросил я радиста.

— Говорит, дорога длинная, тяжелая. Бойся, что старый пес не выдержит. Они ведь только из поселка приехали, большой путь отмахали, не отдохнули как следует. Вытэль умный, всегда выручит Тнеуги. Поэтому Тнеуги бережет его.

Будь Вытэль человеком, он много мог бы интересного рассказать о своих приключениях. Еще молодого приучил его Тнеуги к упряжке. Вытэль быстро рос и много работал. Сильные собаки стали уважать его, другие просто боялись. Вытэль был понятливым псом и хорошо помнил дорогу. Так он стал вожаком.

Уже тогда Тнеуги часто доверял Вытэлю самому вести упряжку домой или в бригаду. Каюр дремал, а вожак бежал впереди. Не было случая, чтобы он сбился. Каюр и собака научились понимать друг друга без слов.

Но собачья жизнь короче человеческой. И вот старый каюр снова в пути, а Вытэль лежит, тоскует. С пола он окончательно перебрался на

полку. Только раз, в самую злую пургу, лег возле дверей. Еду из рук Номкая брал нехотя, но благосклонно. Когда светало, выходил на улицу, садился на сугроб и подолгу смотрел сквозь снежное кружево в ту сторону, куда уехал хозяин.

Нас Вытэль не замечал. Чукотские собаки вообще сдержанны и живут своей независимой жизнью. Отношения с людьми строятся просто. Люди дают им корм, иногда убежище от непогоды, защиту от более сильного зверя. Взамен требуется одно — работать в упряжке. Приученные со щенков, ездовые собаки уже не могут без работы.

Дважды в эти дни из пурги выныривали упряжки. Гостей выходили встречать все. Приезжали пастухи из ближних бригад. Если до промбазы всего полдня пути, почему не приехать и не повидаться? Радовались и мы. Подолгу пили чай, разговаривали.

Вытэль тоже выбегал встречать. Еще издали узнавал, что это не его упряжка и садился поодаль. Но смотрел с интересом. У него, видимо, были свои знакомые. И другие собаки узнавали Вытэля. С жокаками он обнюхивался и мирно расходил. Им нечего было делить.

Только однажды при кормежке какой-то здоровый молодой и нахальный пес попытался перехватить на лету брошенный Вытэлю большой кусок мороженого мяса. Вытэль драться не стал. Просто поднял шерсть на загривке, показал еще острые зубы, опустил морду и басовито рыкнул. Молодой наглец понял, что у старого пса достаточно сил и умения доказать свое превосходство. И право на лучший кусок мяса.

Самое тревожное для Вытэля время наступало, когда каюры готовились к отъезду. Он маялся, уходил за дальние строения, возвращался. Садился возле нарты, поближе к вожаку, смотрел на запряжку, увязку поклажи. У него даже шкура начинала чесаться там, где привык он ощущать ременные построжки. Мускулы напрягались, преодолевая воображаемое сопротивление груза.

Вытэль переминался с ноги на ногу, ложился, вскакивал. Упряжка лихо скатывалась на лед, затянутый плотным снегом, делала короткую остановку и потом уже, взяв привычный темп, скрывалась в поэмке. На Вытэля лучше было не смотреть. Он сидел потерянный и жалкий. Только чувство собственного достоинства мешало задрать голову и завывать о безысходной тоске.

После каждых проводов он становился еще сумрачнее. Ложился под снежным надувом у северо-западной стены дома, часами слушал, не принесет ли ветер далекий лай, окрик каюра или скрип полозьев. Один раз я застал его здесь ночью. И утром он опять сидел на сугробе. Весь подался вперед, словно сидел там такое, что непостижимо человеку.

¹ Категорическое «нет». (Чук.)

² «Вперед!» (Чук.)

На пятый день после отъезда Тнеуги Вытэль исчез. В это утро пурга обманула нас — вынырнула совсем с другой стороны. Принесла с Берингова моря густой рыхлый снег. Закрыла все вокруг струящимися завесами. Мир сжался до размеров домика промбазы. Не будь радио, можно было подумать, что на всей планете мы остались одни.

Исчезновение Вытэля встревожило нас не на шутку. Если побежал искать хозяина, как он его найдет? Где сейчас Тнеуги? По радию передали — выехал обратно. Какой дорогой? Может, свернул в охотничью избушку пурговать, может, заехал на Колючинскую губу поискать выкинутого морем еще осенью моржа — на корм собакам, может, спрятался от «южака» в распадке.

Алеша Чейвун, внук сказочника Тнано, сославшись на деда, рассказал, что случилось, собаки от тоски умирали. Упряжные собаки, которых не берут уже в поездку. Убегают в тундру и умирают.

— Да, — подтвердил Номкай, — упряжная не может без работы. Вожак рвнует, когда на его место другого ставят.

Нам стало жалко славного и умного Вытэля. Досадовали на Тнеуги, лучше бы взял вожака с собой. Представили, как будет горевать старик.

— Нет, наверное, он домой убежал. В поселок. Не дождался хозяина, решил, что тот домой поехал...

Это предположение несколько утешило. Но день все равно тянулся медленнее и тоскливее других. Сети из-за пурги проверять не пошли, все газеты и журналы, привезенные каюром, прочитаны по десятку раз. Покер надоел.

Вечером пришло сообщение, что вездеходы, наконец, вышли. Значит, через день-два будут здесь. Это дало толчок для занятий. Проверяли меховую одежду и обувь, сушили и сматывали чааты. Делали все обстоятельно, тянули неподатливое время. Однако день, похожий на вечер, и вечер — на день, выбивали из ритма. Спали вечером, спали днем. А ночью просыпались, варили чай. Не будь часов, ничего бы не понять.

Как раз пили полночный чай, когда в коридоре послышалась возня, топот, хлопанье выбивалки. Поздний гость. Кто бы? Распахнулась дверь — у порога стоял Тнеуги, залепленный снегом.

— Ети, Тнеуги!¹

— Ии.

¹ Приветствие. Букв.— «Ты пришел, Тнеуги!»

Как сказать ему о Вытэле, кто на смеется огорчить старика тяжелой вестью? Пока каюр тщательно выбивал в коридоре снег из меховой одежды, кряхтел и натужно кашлял там, мы тревожно переглядывались.

— Номкай, ты старше, ты скажешь. А?

— Ладно.

Потом Тнеуги пил чай, устало привалился к стене. Потом курил. За это время радист успел рассказать, что вездеходы уже в пути, директор совхоза просил каюра задержаться.

— Будешь проводником, поедешь на вездеходе. Твои собаки очень устали, наверно? Тяжелая дорога?

— Ии. Этки.

— И без Вытэля плохо, наверно? Он тебя ждал-ждал и убежал.

— Ии,— согласился Тнеуги.

— Домой, в поселок, наверно...

Старик отрицательно покачал головой. И улыбнулся.

— Вытэль здесь.

— Здесь?! Ка-ко-мэ-эй?¹

Старик принялся неторопливо рассказывать. Говорил он по-чукотски. Я старался понять, наблюдая за его лицом и жестами.

Вот он показывает, как сменился ветер, пошел густой снег, Тнеуги бежит рядом с упряжкой, чтобы помочь собакам. Тяжело бежать старику. Он отдыхает, снова бежит, просто идет. Он совсем устал. Собаки тоже устали. Снег мягкий, мокрый. Спрятаться от ветра негде. Избушку охотников мимо проехали, скалы далеко. Он немного заплутал, хотел быстрее добраться до Ионивээм.

Старик задумался, закурил папироску. Когда начал говорить, слова произносил еще медленнее, с паузами. Я попросил Номкай перевозить.

— Совсем плохо стало. Собрался пурговать прямо в тундре. Нашел кустики, снег обтоптал, нарту на бок поставил. Собак за ветер спрятал, сам шкуру подстелил оленью, среди них лег. Стало снегом заметать. Одежда немного промокла от снега да и сам пропотел, когда рядом с нартой шел. Плохо тепло держит мокрая одежда. Кушать тоже нечего, собачкам корма нет. Еще вчера перед дорогой последнее скормил.

Собачки жалуются, у них лед между пальцами намерз. Он убирал лед.

Наверно, долго лежал. Спать совсем нельзя — это закон. Нехорошие мысли пришли в голову. Он такой уже старый, бежать не может, нарту тащить не может, у собачек сил нет. Хорошо дома сейчас. Там тепло, еда есть. Зачем в тунд-

ру ездить? Пенсию платят, отдыхать надо. А без тундры как? Здесь жизнь прошла, здесь она должна закончиться.

В дороге к нему, наверно, болезнь пришла — в груди горячо, в глазах горячо. Совсем плохо.

Тут вдруг — Вытэль. Ка-ко-о!..²

Старик говорил и показывал, как вожак снег разгреб, лицо облизывал, весь снег слизал. Радовался, ехать звал. За кухлянку тянул, на собак рычал, кусал их. Всех поднял. Показывал — давай вперед! Старик подумал, наверно, беду чует Вытэль. Поехал.

Против ветра собачки шагом шли. Вытэль работал за половину упряжки. Наверное, один тянул, другие просто шли. Вытэль сердился на них, шерсть на спине поднимал, зубы показывал, кусал так, что ленивые визжали. А у них снег в шерсть набился, комками висит, белые стали.

Тнеуги не мог идти, чтобы нарта легче стала. Сидел на нартах, от ветра отвернулся. Вытэль сам дорогу искал. На остановках, когда старик ноги собачкам смотрел, лед убирал, Вытэль ему лицо лизал, за рукав тянул, не давал долго стоять, вперед звал. Тнеуги слушал его.

Вот, приехали...

Тнеуги смеется. Он гордится своей упряжкой, умным вожакон.

— Как же он тебя нашел?

— Коо...³ Наверно, снег нюхал, ветер нюхал. Сперва по ветру бежал, след нашел. Потом ветер напротив, легче искать.

Мы вышли посмотреть на Вытэля. Он лежал в коридоре и приветливо помахал хвостом. Глаза его улыбались. Мол, видите, нашел хозяина, помог ему.

Номкай погладил его по загривку. Вытэль принял ласку.

— Хороший пес, умный, молодец... Чего на полу лежишь, давай сюда.

Вытэль тяжело встал, с трудом запрыгнул на полку — устал, бедняга.

Остаток ночи прошел легко. Все успокоились. Заснули быстро.

Рано утром Васе удалось поговорить по радиации с соседней промбазой. Оттуда сказали, что их вездеходы давно уже прошли, скоро будут на Ионивээме. В домике оживились. Таня подбросила в печку угля — сварить остатки нерпичьего мяса и вскипятить побольше чаю. Остальные, покончив с завтраком, принялись укладывать мешки. В толкотне и неразберихе не сразу слышали тихий голос Алеши Чейвуна.

— Тнеуги, там Вытэль... Что-то плохо...

Старик проворно вышел в коридор. Алеша остался растерянный, забыв закрыть дверь. Через нее были слышны вздохи и восклицания каюра.

Вышли в коридор. На полке неподвижным клубком лежал вожак. Возле него на корточках

¹ Возглас удивления.

² Сокр. от «какомэй». Еще большее удивление.

³ Не знаю. (Чук.)

раскачивался старик, закрыв глаза и что-то приговаривая.

— Вытэль камака. Умер Вытэль,— прошептал рядом Алеша.

Остекляневшие глаза собаки смотрели сквозь людей с тупым безразличием.

— Надорвался, наверно,— сказал Номкай.

— Ты старый, я тоже старый,— шептал Тнеуги.— Ты хорошо работал. До конца работал... Ты уже ушел...

Две слезинки выкатились из зажмуренных глаз и потерялись в бороздках морщин. Притихшие, мы отошли.

Тут послышался рокот. Он рос и ширился. Из поэмки друг за другом появились три грохочущих привидения. Вездеходы были сплошь укутаны снегом. «Дворники» едва успевали очищать его со стекол. Казалось, машины беспрерывно открывали и закрывали глаза.

— Амнетти! Привет! С прибытием!

Сутолока, рукопожатия. Все столпились около приехавших. Они выглядели победителями.

И никто не заметил, как Тнеуги натужно подхватил на руки мерзлую тяжесть Вытэля, с трудом переставляя ноги, горбясь и пряча от чужих глаз горестную ношу, свернул за дом. Спустился с обрыва, ушел за поворот реки.

Молодой чернородый директор уже энергично распоряжался:

— Пьем чай, курим и едем в пятую бригаду. Вася, попробуй выйти с ними на связь. Пускай подгоняют стадо к ярангам. Завтра начнем прямо с утра. Ты, Сергей, займись сортировкой грузов. Что брать, что оставить. Остальные помогут ему и водителям дозаправить машины. Тнеуги! Где Тнеуги?..

Скучные дни на Ионивээм кончились.

Караваны на Ае

Через весь Златоуст бежит небольшая, но быстрая река Ай. Начало свое она берет на восточном склоне горы Елауды (хребет Уреньга) на высоте 760 метров над уровнем моря. При длине в 542 километра падение реки составляет 595 метров — свыше метра на один километр! Старейшее водохранилище на реке — городской пруд — ровесник города, был и остается важнейшим источником водоснабжения Златоуста.

В XVIII—XIX веках река Ай была важным транспортным путем для сплава железа с Златоустовского, Кусинского и Саткинского заводов. Весной спускались пруды, и по большой воде барки с железом отправлялись в нелегкий и долгий путь по Ае, Уфе, Белой, Каме, Волге.

Когда в 1892 году была построена железная дорога, Ай потерял свое значение, как транспортная артерия.

Существующие и поныне названия многих селений вниз по реке напоминают о ее сплавной жизни: Барочная часть города в Кусе, деревня Старая Пристань возле Сатки. Есть большой поселок Новая Пристань недалеко от села Ваняшкино.

В дореволюционном «Словаре географическом» отмечалось: «Златоустовский завод имеет пристань к отпуску железа ниже завода в 100 сажнях, следственно перевозки ему никуда не бывает, а отправляется с самого завода, где и строение коломенок производится».

Коломенка, или барка, — самоходное деревянное плоскодонное судно с отвесными бортами и тупыми оконечностями, строились из отборного сухого леса обычно на одну навигацию. Средние размеры коломенки таковы: длина 28 метров, ширина 12 метров. Грузили на нее до 100 тонн.

Лес, необходимый для строительства барок, заготавливали в ближайших лесах, и не удивительно, что со временем эти леса редели. Ведь на каждую барку шло около трехсот бревен.

Но вот барки построены, спущены на воду, загружены металлом, укомплектованы сплавщиками. Наступает торжественная минута отправки каравана в далекий путь.

Певец Урала писатель Мамин-Сибиряк в очерке «Бойцы» нарисовал яркую картину весеннего каравана на реке Чусовой. Читая этот очерк, ясно представляешь и караваны, шедшие по реке Ай.

А. ЛИБЕРМАН

СКОЛЬКО

Рисунки
Е. Симкина

Алла
ТЕР-АКОПЯН

Ночной полет

Кто смотрит в окно все грустней:
звезда иль небесный прохожий?..
Внизу, на земле чернокожей,
колье из далеких огней.

А нам лимонад подают
и крылышко курицы бледной.
И создан над черною бездной
непрочный домашний уют.

Увы, не прочней на земле.
Но мы к ней спешим без оглядки.
И четверть часа до посадки.
И дом наш несется во мгле.

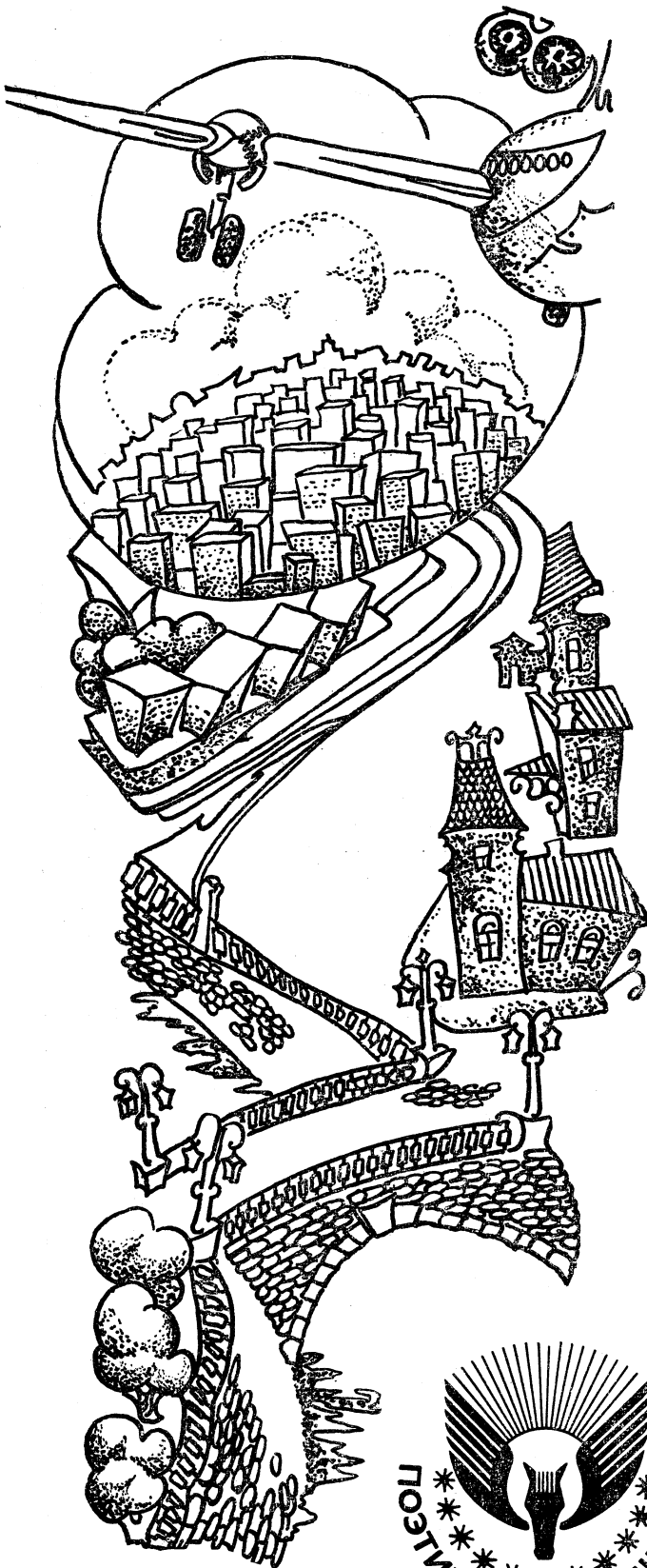
И в душу свистят небеса.
Мы сами, друзья, мимолетны.
А вечностью спаяны плотно
столетья и четверть часа.

Посадка

А есть ли вообще Земля?
Светло
от облака внизу, тепло от гула.
Но сизое недвижимое крыло
решительно под облако нырнуло.
Земля!

Летим, крыла не опаля.
Вон город, как неправильная клумба.
Но мы с тобой культурнее Колумба
и не орем пронзительно: «Земля!»
Летим-гудим. Еси на небеси!
Но птица в завершение полета
вдруг из нутра как выстрельнет шасси!
И — с нами бог. (В обличии пилота.)

В ПОЛЕ ЦВЕТОВ...

А самолет снижается, и вот,
презрев свои внушительные тонны,
такой солидный в целом самолет
уже вприпрыжку скачет по бетону.
О, небо! До свидания! Дыши!
Мне хочется скорей к земле прижаться
и на земле подольше задержаться,
паря над нею на крылах души.

**Владимир
СУРОВ**

Пережат

Струю спорой, но не торопливой,
Река течет сначала не спеша,
Лениво растекается в заливах,
Но с каждым поворотом шире шаг.
Вокруг пейзаж —
Художник не напишет,
Любуемся,
Гоняем комара,
А впереди,
Как к водопою хищник,
Ползет к реке лохматая гора.
Встают с боков отвесные обрывы —
Гранитное зверье в сосновых гривах,
Как след крушения,
На галечной гряде:
Обломки солнца, искры на воде.
Там в белой пене —
Сбитой в крем сметане —
Сверкают блики чешуей сазаньей,
И наш понтон струей несет туда,
Где камнем воду кипятит гряда,
Где волны мечутся в ажиотаже,
Но только нам теперь не до пейзажей,
Не до красот и бликов на воде,
Понтон уже колотит по гряде,
А волны взбунтовавшейся реки
Ломают весла, топят рюкзаки,
Среди воды, встающей на дыбы,

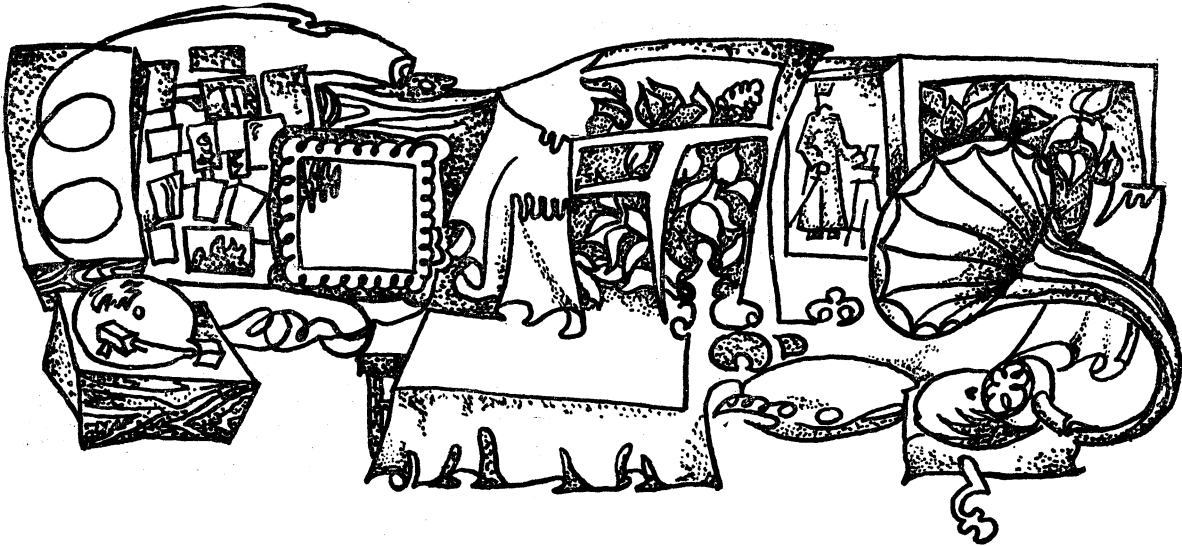
Грозят разбоем каменные лбы,
И в такт волне, как кони на бегах,
Нам встречу галопом скачут берега.
Мир, вставший на ребро,
Миг, краткий словно «Ах»,
Шальная мысль:
Потонем, не потонем,
Понтон зажат в безжалостных тисках,
И снова: ах,
И мы уже в затоне,
Спокойное круженье пены белой,
Река устала, словно постарела.
Солидностью матроны седоватой
Сменилась молодухи суета,
Ну, братцы, мы прошли по пережату,
Хотя и ободрались, как кета!
Прошли, и радуга алмазной пылью
Осела на штормовках у ребят,
Мы, в общем, никого не победили,
Себя проверили —
Поверили в себя!

Грузовик

На асфальтовой поляне —
В уголке двора-колодца,
Дождь наводит серый глянец,
Грузовик в углу пасется,
Или дремлет, монотонным
Убаюканный дождем,
Или, может быть, влюбленный,
Ждет, как мы подружек ждем.
На него глаза таращат
Равнодушные дома:
Нет ни внешности кричащей,
Ни достатка, ни ума,
Так себе фургон-трудяга,
ординарный до и от,
Ждет кого-то бедолага,
Несмотря на дождик, ждет.
Ах, в ненастье и при солнце
Жизнь влюбленных нелегка,
А в другом дворе-колодце
Где-то ждут грузовика!

**Леонид
КУЗНЕЦОВ**

Разные песни

В комнатушке одной,
Где несладен уют,
По соседству со мной
Мать и дочка живут.
Голос матери тих,
А у дочки — криклив,
Да и песни у них
На различный мотив.
Мать поет о местах,
Где грустят ковыли,
У другой на устах —
Песни первой любви.
У вдовы над тахтой —
Муж, погибший давно,
А над койкой другой —
Всё артисты кино.

На бранном поле

Сколько в поле цветов расцвело —
Голубых, фиолетовых, синих!
Их ветрами сюда занесло
Чтоб почтить все печали России.

**Валентин
ЛИТВИНОВ**

Свадьбы

Снова Девятое Мая,
Грезим
 в сиянии бронзы.
Плещет дорога прямая,
Дарит и дарит розы.
Молча стоим, не старея,
Лихо пилотки надеты.
Знамя, в безветрии рея,
День возвещает Победы.
Смотрим, как строятся села,
Смотрим, как свадьбы справляют:
Нынче народ веселый,
Нынче богато гуляют!
Близятся к нашей вершине,
Трубы колышутся медно,
В лентах, на первой машине
Пупс восседает победно.
Вспомнили нас, не промчали,
Память не стерта годами,—
В облачке светлой печали
Тихо подходят с цветами.
Им доверяемся юно,
Рады...
Вот только узнать бы:
А двадцать второго июня
Люди
 празднуют свадьбы?

ПЕРВЫЕ УРАЛЬСКИЕ КНИГИ

**Виталий
ПАВЛОВ
Арлен
БЛЮМ**

*Рисунки
З. Баженовой*

Когда, где и какие книжки впервые были изданы на Урале? Родина урало-сибирской журналистики и книгопроизводства — древний Тобольск. Здесь в конце XVIII века из частной типографии купца Василия Корнильева и его сына Дмитрия (кстати, деда по матери великого русского ученого Д. И. Менделеева) вышли в мир 38 номеров трех журналов («Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Исторический журнал, или собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» и «Библиотека ученая, историческая, экономическая, нравоучительная и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей») и 10 книг. Самой первой из них была сентиментально-нравоучительная «англинская» повесть «Училище любви», переведенная с французского языка ссыльным поэтом П. П. Сумароковым.¹

Наиболее замечательным произведением, изданным в 1794 году, были «Нужнейшие экономические записки для крестьян, содержащие в себе подробные наставления о производстве хлебопашества, и разные другие к сельской экономике принадлежащие предметы, собранные из разных экономических сочинений Николаем Шукшиным...» Это подлинная сельскохозяйственная энциклопедия, по богатству содержания ничуть не уступавшая лучшим западноевропейским сочинениям подобного рода той поры.

Когда типография Корнильевых временно прекратила книгопроизводство, эстафету ее неожиданно приняла казенная типография Пермского наместнического правления. Здесь в 90-х годах родились две книжечки: медицинский справочник местного штаб-лекаря Михайлы Гамалея «О сибирской язве и ее народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа» и сочинение фактического основателя типографии Петра

Егоровича Филипова «Подробное описание типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом чрез короткое время одному научиться можно» (1796 г.). Этому произведению суждено было занять одно из почетных мест в истории русской культуры, как первенцу отечественной полиграфической литературы и вместе с тем — первому в России пособию по русскому языку, специально предназначенному для людей, занятых производством печатного слова.

Уже тогда обозначился основной путь уральского книгопечатания — выпуск преимущественно научно-прикладной, справочной, практически необходимой литературы. Ну, а что было потом, как развивалась книжная культура края в следующем, XIX столетии?

XIX век открылся убийством курносого деспота — Павла I, шумным ликованием дворянства, чередой празднеств, торжественным звоном колоколов и восторженными стихами в честь нового монарха — Александра I, человека двуличного, демагога и позера. Подобострастные панегирики сочиняли не только в обеих столицах, но и в провинции. Свою оду пропел в Тобольске Панкратий Сумароков, в Перми — школьный учитель Никита Попов.

Ода Попова вышла отдельным изданием. Об этом произведении известно лишь из «Росписи Российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина», вышедшей в Петербурге в 1828 году. В каталоге библиотеки издателя сочинений Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина отмечено: «Ода изображение благоденствия России под державою Государя Императора Александра Павловича на день Высочайшего коронавания сентября 15 дня 1801 года. Сочинение Никиты Попова, Пермь, типография Губернского правления, 1801.»

Несмотря на тщательные поиски, обнаружить книгу пока не удалось. Но, кто знает, может, и вынырнет эта «Ода» когда-либо на поверхность книжного моря...

В 1796 году Екатерина закрыла все частные типографии.

¹ Подробнее см.: В. Павлов. За кованой дверью. «Уральский следопыт», №№ 6, 7, 1970 год.

Указом 9 февраля 1802 года Александр I восстановил право заводить их. Однако предприниматели, напуганные показным либерализмом бабки царя и сумасбродной жестокостью его отца, на этот раз не спешили воспользоваться указом. Дмитрий Корнильев открыл свою типографию лишь в 1804 году. Продержалась она всего три года. С появлением в 1807 году конкурента — казенной типографии при губернском правлении — она навсегда прекратила свою деятельность. В 1804—1805 годах Корнильев напечатал последнюю книгу — «Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа, с математическою точностию. В трех частях. Сочинение знаменитого математика англинского Гумфреда Диттона». Перевел этот «богословско-математический» трактат тобольский архиепископ Антоний. Новые времена — новые песни: звезда корнильской типографии закатилась.

Из четырех типографий края, выпускавших книги до конца 50-х годов XIX века, три были казенными. Это и предопределило характер местных книг, преимущественно научно-краеведческих, нужных для лучшего познания родной стороны, развития в ней торговли, ремесел и промышленности.

Типография бывшего наместнического правления в Перми стала губернской. Напечатав «Оду» Никиты Попова, она в том же 1801 году выпустила еще одну книгу, подготовка которой началась в конце 90-х годов XVIII века.

В те годы Географический департамент решил издать подробный атлас России, в который, наряду с картами всех губерний, должна была войти и карта Пермской губернии. «Под смотрением» нового губернатора — К. Ф. Модераха такую карту пермяки составили, однако ею не ограничились и приложили подробное «Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года».

Тираж книги, вышедшей анонимно, был небольшим, поэтому уже во второй половине XIX века книга стала, как отмечал пермский краевед Д. Д. Смышляев, огромной библиографической редкостью. Он «пользовался ею в Чертковской библиотеке в Москве; потом видел у Н. К. Чупина и слышал, что есть еще экземпляр у священника Иполита Слозцова». Крупнейший знаток дореволюционного Урала Н. К. Чупин также указывал: «Книга весьма редкая».

Характеризуя «Описание», Смышляев заметил, что оно «напечатано в полулист, на синей писчей бумаге... занимает 267 нумерованных страниц», и тут же высказал предположе-

ние: «...судя по некоторым признакам, едва ли этот труд не принадлежит К. Ф. Модераху...»

С легкой руки Смышляева анонимный труд с тех пор приписывали пермскому губернатору. И только сравнительно недавно выяснилось, что это была ошибка. Преподаватель Пермского университета Ю. Власов, работая в Москве, в Военно-историческом архиве, обнаружил там пухлую рукопись, полностью идентичную «Историческо-географическому описанию...» В конце рукописи он нашел пометку: «Сочинил Пермской школы исторических наук учитель титулярный советник Никита Попов».

Труд Попова — первая фундаментальная монография о Пермской губернии — не утратил своего значения для историков и географов Урала по сей день. В нем подробно говорится о «...пределах, горах, водах, судоходстве, пристанях и строении судов», о «содействии атмосферы на здравие людей», о горных заводах, рудниках, занятиях и промыслах населения.

С именем Попова связано появление и третьей (в XIX веке) первопечатной пермской книги, состоящей из двух внушительных фолиантов — «Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в Перми. Печатано при Пермском губернском правлении в 1804 году». Чтобы заголовок стал понятен, поясним, что в самом конце XVIII — начале XIX веков Вольное Экономическое общество поставило перед собой грандиозную задачу: издать описание всех губерний России. Всем губернаторам ученые разослали программу описания и анкеты.

Как и в предыдущем случае, опять-таки в течение многих десятков лет, библиографы приписывали авторство книги губернатору Модераху. Между тем, стоило только заглянуть в конец первого тома, чтобы установить авторство. Там напечатано: «Сочинил Пермского Главного народного училища Естественной истории и Географии учитель восьмого класса Никита Попов». Но никто, кроме Н. К. Чупина и Д. Д. Смышляева, не догадался это сделать.

В первой части автор рассказал о природе Урала: о климате, реках, озерах, минеральных источниках, соляных заводах и т. д. «Вторую часть, — писал Попов в предисловии, — составили произведения царства прозябаемого (т. е. растительного) и животного с показанием их употребления, заводы, промыслы и рукоделия, от них зависящие, особливо земледелие, скотоводство, рыбная ловля, народы, здесь обитающие, опи-

сание 12 уездных и 3 заштатных городов...».

Специальный комитет Вольного Экономического общества не только высоко оценил труд Попова, но «в назидание другим губерниям» решил переиздать как образцовый. В 1811—1813 годах появилось второе тиснение книги, названной «Хозяйственное описание Пермской губернии, по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности, домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества Высочайше одобренному и тщанием и исправлением одного общества изданное. Части I—III. В Санкт-Петербурге, в Императорской типографии, в 1811—1813 годах».

Хотя второе тиснение книги вышло в трех частях, а не в двух, как первое, содержание его было беднее. Очевидно, в связи с Отечественной войной и стремлением сохранить в тайне промышленный потенциал губернии, в нем опущено описание горных заводов. Потому-то первое издание «Хозяйственного описания» Н. С. Попова более ценно, чем второе, и очень редкое, — экземпляры его известны лишь в четырех городах страны — Москве, Ленинграде, Перми и Свердловске.

С выходом в свет «Хозяйственного описания...» книгопроизводство в Перми прекратилось, по нашим сведениям, до начала 40-х годов XIX века. Губернская Пермь передала эстафету соседнему уездному Екатеринбург — столице горного царства.

Власть этой «столицы» распространилась на многие сотни верст во все стороны света. Горных предприятий год от года становилось все больше, и управлять ими было все сложнее. Главный директор горного начальства Екатеринбургских горных заводов Иван Филиппович Герман, бывший профессор Венского университета, не раз задумывался, как бы улучшить и ускорить руководство предприятиями. И по примеру пермских чиновников нашел единственный выход. В отчете И. Ф. Германа за 1803 год, найденном в Ленинграде свердловским историком А. Г. Козловым, значится: «Ради лучшей успешности письмоводства учреждена при екатеринбургской же заводской школе небольшая типография для отпечатывания многочисленных указов, билетов, таблиц, ведомостей и заводских описаний».

Выпуская служебные бумаги, печатня, вместе с тем, вскоре приступила и к производству книг.

И. Ф. Герман — член Петербургской и нескольких западноевропейских академий наук, был администратором дальновидным. Он понимал, что вслепую руководить громадным

горным хозяйством нельзя. Поэтому Герман стремился «войти в подробное узнание положения и действий уральских заводов», описать их, а когда появилась типография, издать описания.

Еще в 1816 году «отец русской библиографии» В. С. Сопиков записал: «О составлении народных таблиц. Сочинил Иван Герман. Екатеринбург, 1808 год». С того времени об этом издании никто словом не обмолвился. Лишь Д. Д. Смышляев однажды заметил, что «при Германе под его руководством составлялись подробные статистические таблицы о горных предприятиях и что некоторые таблицы «о народонаселении Екатеринбургских заводов» напечатаны как образцы в «Статистическом журнале».

Названную Сопиковым книжку мы искали долго. Долго она не шла в руки, пока, наконец, с помощью опытного библиографа С. З. Гомельской одному из нас не посчастливилось выловить ее из необозримых богатств научной библиотеки Свердловского краеведческого музея.

Книга «О составлении народных таблиц» среднего формата, тоненькая (23 страницы и 13 образцов таблиц). Издана она в 1808 году в типографии Екатеринбургских горных заводов. Это — произведение пылливого ученого. Иван Герман разработал и представил «народные таблицы», в которых предлагал отразить количество домов, деревень, городов, уездов, жителей каждой губернии и всей России. Эти демографические таблицы были тщательно продуманы и подробны. Герман советовал правительству учредить особую экспедицию, которая собирала бы различные сведения о населении. Тем более, что он на практике показал возможность и, главное, необходимость сбора таких сведений «по различным образцам таблиц вместе с физическими, топографическими и о производствах ведомостями». Из этого видно, что первый опыт подробной переписи в России всего населения был проведен на Урале.

Более 160 лет назад в Екатеринбурге вышла большая и довольно толстая книга, названная «Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. В двух отделениях, из коих первое заключает Екатеринбургские казенные, а второе Партикулярные Уральского хребта заводы. С ситуационным планом золотых рудников. Печатано в типографии Екатеринбургских горных заводов».

Ни года издания, ни фамилии автора на титульном листе нет. Виднейшие библиографы прошлого века приводили о сочинении совершенно разные данные. Е. Волхвитинюв, например, считал даже, что книга вы-

шла на немецком языке, хотя в горной типографии той поры, кроме русского, никакого другого шрифта не было.

В предисловии к книге Иван Герман говорит, что «Описание» он совершил «не токмо для собственного моего употребления, но и для сведения Вышнего Правительства...»

Рызканиями А. Г. Козлова установлено, что верстка книги, завершенная к концу 1808 года, выверялась на заводах. Проверка же была нелегкой: Герман описал 124 горных завода, расположенных в ряде губерний. Поэтому в свет издание объемом в 397 страниц раньше середины января 1809 года не могло появиться.

Спустя год появилась еще одна книга «Историческое начертание горного производства в Российской Империи. Сочинено Обер-Берг-Гауптманом 4-го класса и ордена Святые Анны кавалером Екатеринбургских горных заводов Начальником... Иваном Германом. Часть первая. О первом начале горного дела в России до царствования императрицы Елисаветы Петровны. С картою Уральского хребта. В Екатеринбурге, в горной типографии, 1810 года».

В предисловии Герман писал: «И если дозволит мое здоровье, и другие обстоятельства к тому споспешествуют, то Сочинение сие продолжимо будет...»

В книге 223 страницы, и состоит она в сущности из вступительного очерка да изложения и публикации в хронологическом порядке текстов указов по горному ведомству, принятых в России. К «Историческому начертанию» приложена чрезвычайно интересная «Карта заводам по Уральскому горному хребту находящимся. Сочинена в 1810 году. Масштаб 100 верст. Вырезал Г. Шмелев, в Екатеринбурге».

Книги, изданные в «столице горного царства», — заметный шаг вперед в уральской полиграфии. И дело не в том, что они чисто напечатаны, что к ним прилагались карты, планы и таблицы. Это было и раньше, например, в «Хозяйственном описании» Н. С. Попова. В последних двух книгах Германа особое внимание уделено их художественному оформлению. Титульный лист «Описания заводов» украшен гравюрой с видом Екатеринбурга начала прошлого века. С рисунком вышел и титульный лист «Исторического начертания...» Здесь дан и фронтиспис — рисунок слева от титула: гравированный портрет Германа, выполненный пунктиром на металле. Под ним подпись: «Вырезал в 1810 году в Екатеринбурге Н. Платонов». Гравированные титульные листы, фронтиспис-портрет появились впервые. Н. Платонов, гравер Екатеринбург-

ского монетного двора, и Г. Шмелев — один из первых художников в полиграфическом производстве Урала.

Задуманная Германом вторая часть «Исторического начертания» так и не вышла. Первый том этой книги стал последним для Екатеринбургской горной типографии. Книгопроизводство в ней прекратилось вплоть до 50-х годов минувшего века.

Книжную эстафету подхватил Оренбург.

Первой книгой, вышедшей из Оренбургской губернской типографии в 1832 году, было произведение местного чиновника Ивана Васильевича Жуковского под названием: «Краткое описание достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год».

Первая часть книги построена в форме своеобразного «Календаря памятных и знаменательных дат». Во второй части, названной «Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии», представлены, главным образом, описания городов и сел губернии.

Свой кропотливый труд Иван Васильевич предназначал лишь учащимся Оренбургского военного училища. Он считал, что приведенные в книге хронологические таблицы помогут «юным питомцам иметь пред своими глазами» всю историю Оренбуржья и «непретно» запомнить «события родного им края, случившиеся в продолжение важнейших эпох отечественной истории».

Однако неожиданно для автора читательская аудитория значительно расширилась. В Петербурге, в типографии Н. Греча, в том же 1832 году «Краткое описание» вышло вторым тиснением, факт столь оперативного переиздания провинциальной книги в столице совершенно необычен. Он как бы подчеркнул ценность труда и признательность его творцу.

Небезынтересно, что три сына И. В. Жуковского в 1862 году привлекались по одному с Д. И. Писаревым делу о «карманной» типографии П. Д. Баллода. Один из сыновей — Николай, бежав за границу, стал агентом А. И. Герцена по распространению его изданий. Впоследствии он — один из видных представителей анархистского направления в русском народническом движении.

Через восемь лет в Оренбурге родилась вторая книга — удивительная во всех отношениях. Прежде всего, кажется странным, что вышла она не на русском языке, как все уральские книги до той поры, а на немец-

ком. Во-вторых, автор ее — В. И. Даль. Да, тот самый Даль, который всю жизнь вершил великий подвиг, создав Толковый словарь, уже на протяжении столетия остающийся лучшим словарем русского языка! В-третьих, удивительно то, что книжка... Но об этом ниже.

Книга Даля, изданная в 1840 году, называется «Замечания на Циммерманов опыт театра войны России против Хивы». Современному читателю в этом заголовке все может показаться загадочным: что за «Циммерманов опыт», что за война России против Хивы?

Дело в том, что глубокой осенью 1839 года оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский затеял военный поход на Хивинское ханство, уже давно грабившее российские караваны. Множество русских людей стало пленниками. Освобождение их было одной из задач похода. Преследовалась и другая, куда менее благородная цель: среднеазиатские Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства привлекали царизм как богатейшие источники сырья и рынки сбыта.

Русской армии предстоял бросок в 1500 верст. Но экспедиция была подготовлена слабо, время года выбрано неудачно — снежные ураганы, сорокаградусные морозы, болезни... Не преодолев и половины пути, армия вынуждена была повернуть назад, в Оренбург, оставив в далеких степях тысячи могил.

Бывший офицер морского флота, врач, писатель, чиновник особых поручений при Перовском, Владимир Иванович Даль проделал вместе с армией весь ее скорбный путь.

Крах кампании поставил В. А. Перовского, начальника и покровителя Даля, в тяжелое положение: враждебная генералу могущественная «немецкая партия» Бенкендорф — Нессельроде — Клейнмихель, несомненно, могла воспользоваться неудачей, чтобы убрать Перовского с поста военного губернатора. Подозрение подкрепили весьма оперативным выходом (в том же 1840 году) брошюры некоего Циммермана, напечатанной на немецком языке и посвященной злополучной хивинской кампании. Всю вину за провал похода автор возлагал на командующего Перовского. Мгновенно и тоже на немецком в Оренбурге появилась контрброшюра Даля. Полемику с Циммерманом, он стремился реабилитировать своего шефа.

Трудно сказать, книга ли помогла или сказала находчивость самого генерала, только Перовский вышел из воды сухим.

Заканчивая разговор о «Замечаниях на Циммерманов опыт...», пора отметить и третью странность, связанную с этой книгой: до сих пор она не известна исследователям, не введена в научный оборот, хотя ин-

тересна не только как свидетельство противоречивости и своеобразия характера и взглядов Даля, но и как источник изучения обстоятельств хивинского похода.

Даже такой крупный знаток похода, каким был И. К. Захарьин, автор монографии «Граф В. А. Перовский и его зимний поход на Хиву», вышедшей в Петербурге в 1898 году, не знал о существовании этой оренбургской книги. Видимо, не подозревают о ней и советские исследователи. В недавно вышедшей монографии Майи Бессараб «Владимир Даль», в которой целая глава посвящена хивинскому походу и участию в нем Даля, книга также не упоминается.

Не упоминается она и в монографии В. И. Порудоминского «Даль», вышедшей в 1971 году в серии «Жизнь замечательных людей».

Эта уральская книга В. И. Даля чрезвычайно редкая. Нам известен лишь один экземпляр ее, хранящийся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В том же 1840 году в Оренбурге вышел капитальный труд профессора Казанского университета Э. Н. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края». Перевод с немецкого, на котором был написан оригинал, сделал В. И. Даль.

Книге предпослано большое предисловие от переводчика. Даль писал в нем, что ему было особенно приятно переводить этот труд. «Личные отношения мои к сочинителю и привязанность к предмету сочинения заставили меня заняться делом со всевозможным старанием. Придерживаясь, сколько мог и умел, смысла и духа подлинника, я избегал нерусских выражений и оборотов, я старался передать русские названия предметов и, наконец, по разрешению и желанию автора, осмелился присовокупить от себя несколько примечаний».

Следует отдать должное скромности Даля: в книге не «несколько», а огромное количество примечаний, часто очень тонких, ценных и существенных, не только дополнявших, но исправлявших труд автора.

Скромный переводчик, статский советник Даль предстает в совершенно новом качестве — как весьма разносторонний ученый.

Мало кто знает, что Даль — автор учебников ботаники и зоологии настолько высокого качества, что их неоднократно переиздавали. За великоленные работы в области истории и этнографии, написанные на оренбургских материалах, Российская Академия наук в 1838 году избрала Владимира Ивановича Даля членом-корреспондентом.

Снабженный основательными дополнениями Даля, труд Эверсмана, как оригинальное исследование природы Оренбуржья, во многом до сих пор не утратил своей научной ценности.

В Оренбурге вышла первая часть этой работы. Вторая появилась только в 1850 году в Казани под названием «Естественная история млекопитающих Оренбургской губернии», а третья — «Естественная история птиц Оренбургского края» — лишь спустя 46 лет после первой, в 1886 году. Таким образом, издание книги растянулось почти на полвека.

Книга Эверсмана, особенно ее первая, «оренбургская», часть — большая редкость. Уже в 20-х годах прошлого столетия известный антиквар-букинист П. П. Шибанов заметил, что на книжном рынке она почти не встречается.

Со времени выхода в Оренбурге работы Эверсмана вплоть до реформы 1861 года здесь изредка издавались только памятные книжки губернии на определенный год.

Из уральских типографий более всего не повезло уфимской. Хотя губернская типография была создана в Уфе 1 марта 1801 года, в течение более полувека она занималась почти исключительно печатанием «изходящих и входящих». Роль типографии заметно изменилась лишь в 1838 году, когда здесь приступили к выпуску «Оренбургских губернских ведомостей», они выходили в Уфе до 1865 года.

Первая книга в Уфе появилась в 1859 году. Это объемистый труд В. М. Черемшанского, названный «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях». Автор собрал большой фактический материал, который до сей поры сохраняет свою ценность.

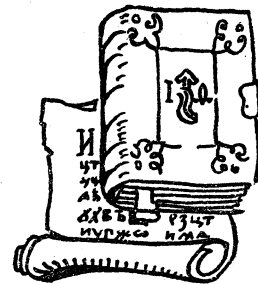
В делах царской цензуры сохранился любопытный документ, из которого видно, какие мытарства пришлось претерпеть этой книге. Дело в том, что помимо общей цензуры, в России того времени существовала еще ведомственная цензура. Каждое министерство, даже департамент, претендовали на роль цензоров той литературы, которая касалась их ведомств. Поскольку рукопись Черемшанского представляла комплексное описание губернии и затрагивала узкие интересы доброго десятка министерств, ей пришлось пройти «крестный» путь. Каждое ведомство стремилось внести свои поправки, вытравить из рукописи те места, которые, на его взгляд, могли компрометировать или хотя бы бросить тень на его учреждения. Хождение рукописи по мукам продолжалось несколько лет, прежде чем, претер-

пев значительные изменения, она увидела свет.

Но даже в урезанном виде книга В. М. Черемшанского явилась в свое время образцом для подобного рода произведений и была удостоена малой золотой медали. «Описание Оренбургской губернии...» открыло первую страницу истории книгопечатания в Уфе. Последующие ее страницы начнут заполняться лишь после реформы 1861 года, когда будущая столица Башкирии станет довольно значительным центром уральского книгопроизводства.

При знакомстве с началом книгоиздания на Урале нетрудно заметить, что словно некий «злой рок» преследовал местную книгу в течение многих десятилетий. В самом деле: «Училица любви» и «Подробное описание типографских должностей...» сохранились только в одном экземпляре. Мало того, книга Петра Филипова стала известна библиографии лишь в начале нашего века, а с содержанием «Училица любви» и работой Ивана Германа «О составлении народных таблиц» впервые мы познакомились только в последние годы; «Замечания на Циммерманов опыт» Даля до сих пор не ведомы науке, книги Н. С. Попова долго приписывали Модераху, автор «Описания горных заводов...» и дата выхода этой книги также были загадкой. Оду Н. С. Попова не удалось даже обнаружить...

И тем не менее первопечатные книги Урала конца XVIII — первой половины XIX веков составили заметную страницу в истории отечественного книжного дела.

ЗАЩИТА

Фантастическая повесть

**Виктор
КОЛУПАЕВ**

*Рисунки
Н. Павлова*

Прежде, чем лечь спать, Бакланский заказал срочный разговор с Москвой, где сейчас был начальник СКБ, а потом прилег на диван и все думал о прошедшем дне защиты, о том, где он мог допустить ошибку, где проглядел изменение в настроении Григорьева, о его дурацком рассказе — таинственном телефоне, и о своем малодушии в кабинете Громова, когда он поддался какому-то импульсу и тоже набрал номер телефона, с которого и звонил. Вот чертовщина! Телефон сработал, и кто-то там, на другом конце линии, сказал одно слово. Только одно слово.

Чувствуя Виктор Иванович, что дела складываются скверно, хуже, чем предполагалось, а помощи ждать неоткуда. И начальник СКБ должен знать об этом.

Минут через двадцать раздался звонок, и голос телефонистки сообщил: «Междугородная. Ждите Москву».

— Алло, алло. Москва? Кирилл Петрович?.. Алло! Это Кирилл Петрович? Бакланский говорит! Здравствуйте, Кирилл Петрович... Как защита? О ней и хотел с вами поговорить. Дела складываются не очень удачно. Заказчик не тянет, не везет. И эти, из института, который будет продолжать наши работы, уперлись — и ни в какую... Помощнички? Помощнички лучше бы сидели в Усть-Манске. Один на экскурсию приехал, другой, извиняюсь, за юбкой гоняется. И вообще, Григорьев вдруг стал считать, что тема наша недоработана. Я ему приказал пока не являться на защиту... Да. Вы когда вылетаете из Москвы? Завтра утром?.. Да, да. Это было бы очень кстати. О гостинице не беспокойтесь. У меня тут родители живут. Места предостаточно... Запишите, пожалуйста, мой адрес и телефон на тот случай, если я не смогу вас встретить...

«Ну, хорошо, — подумал Бакланский, — дело еще не проиграно. Еще не вступила в бой главная артиллерия, еще не все доводы приведены. Конечно, кое в чем виноват я сам. С Григорьевым, например. Но брать с собой Соснихина или Бурлева было тем более нельзя... С Грозовым вот неудобно получилось. Карин как будто бы не против, но Карин всего-навсего кандидат. Громова надо было поймать. Но он вырвался. Да еще раскудахтался на весь свет... А феномен с телефоном все-таки существует. Тут Григорьев прав. Необъяснимо, но факт».

И ему вдруг захотелось позвонить по собственному номеру. Только сделал он это не сразу, рука не поднималась. Вспомнилось то единственное слово. И все-таки искушение было велико. Он набрал номер. И ему ответили. Тем же единственным словом.

— Кто говорит?! — крикнул Бакланский. — Кто хулиганит?! Я докопаюсь, тогда пощады не ждите!

Григорьев уже ни на что не надеялся... И только ноги, как заведенные, тянули на главпочтамт. Там он молча сунул в окошечко паспорт, молча выслушал отрицательный ответ, вышел на улицу. Там он закурил сигарету, рассеянно глядя на проходивших мимо людей. И тут возникла мысль, что как только он уйдет, на его имя поступит письмо и будет лежать до самого вечера. Надежда, вероятность которой была ничтожно мала, разрасталась в какую-то нелепую уверенность. Уйти сейчас показалось предательством.

И все же он преодолел себя, поднял воротник плаща, втянул голову в плечи и зашагал по мокрому асфальту. И чем дальше он уходил от почтамта, тем настойчивее в его голове стучало: «Зачем ты сюда приехал? Зачем ты сюда приехал?» Действительно, зачем? Защищать тему? Но ведь так получилось, что Бакланскому его присутствие приносит только вред.

Значит, он приехал сюда не тему защищать. Он приехал сюда ради нее.

Александр представил, что было бы с ним, останься он в Усть-Манске. Ни мысли, ни занятия, ни встречи с друзьями — ничто не приносило бы облегчения, когда не можешь забыться даже во сне.

Он знал, что она уезжает в Марград. Он знал, что поедет за ней, несмотря ни на что. Там, в чужом городе, он мог бы быть ей полезным.

Приближался день ее отъезда, и сходились круги, которые он делал по городу в попытках хотя бы усталостью сбросить с себя бремя изматывающей любви к почти незнакомой женщине. Но вернуться в то время, когда ему нравилось все, что окружало, и это «нравилось» походило на равнодушие, на движение бревна по ленивой глади реки, он уже не мог. До встречи с ней он этого не замечал, и, не будь ее, не заметил бы никогда.

Она не знала ничего, кроме одного-единственного «люблю», которое он сказал ей на улице, среди людской сутолоки, в зной, в совершенно неподходящем для объяснения месте. Не предполагала, что сделала с ним.

Оставалось выяснить теперь — нужен ли ей он?

Нет, мир, полный красок, который она создала своим присутствием в нем, не рассыпался бы, скажи она «нет». Этот мир, казалось, навечно остался в нем. Лишь рассказать об этом было некому.

Но она уехала, и мир начал тускнеть, странный мир, в котором он теперь жил.

Он стоял перед ее окном. Конусы света падали на него. И из ее окна падал свет. А он все

стоял и не мог уйти. Он думал: а там, за этим окном, что-нибудь изменилось с ее отъездом, исчезла для кого-нибудь сказка?

Окна, одно за другим, погружались в сон. Уснуло и ее окно. А он все стоял, ему все казалось, что в следующее мгновение легкая тень, отбрасываемая ее головой, метнется по стеклу.

Он простоял до утра, и выстыло в душе, как будто все умерло, и на целом свете остался он один, без настоящего и будущего. С одним лишь прошлым. Прошое, после которого ничего нет.

И вот Григорьев в Марграде. И мелкий дождь, образуя ручейки, скатывается по его плащу на мокрые уже брюки и туфли.

Нет ответа на его отчаянное письмо, и вероятнее всего — не будет...

Говорят, что главное — принять решение. Он принял его — на главпочтамт больше не пойдет, — но облегчения не наступило. Значит, в чем-то ошибка. Или это сердце сопротивляется, не желая терять последнюю нелепую надежду?

Неожиданно для себя Григорьев оказался возле Дома Техники. И почему-то все, что он решил только что, показалось ему смешным и надуманным. А вдруг просто-напросто не получила она письма, вдруг и на главпочтамт не ходит, незачем ходить. Следовательно, ее просто нужно найти. Не ждать, а действовать!

И тогда он взбежал наверх по мокрым ступеням здания, очутился в вестибюле, не имея никакой мысли, которая могла бы привести к цели... Он знал фамилию и имя. Знал, что она работает в управлении главного архитектора Усть-Манска. Он иногда ждал ее у входа в это управление. Больше он не знал ничего.

Александр ворвался, взволнованный, в приемную Дома Техники, и все, кто находились, повернулись к нему, а машинистка перестала стучать по клавишам.

— Здравствуйте, — сказал Григорьев. — Дело в следующем. Мне нужно разыскать в Марграде одну женщину. — Его хотели перебить, но он остановил возмущение судорожным движением руки. — Я понимаю. Нет, адресный стол не годится. Она живет в Марграде. Она приехала сюда на месяц на курсы, какие, точно не знаю. Что-то связанное со строительством или архитектурой.

— И вы надеетесь на успех, зная столь много? — с иронией спросила пожилая женщина.

— Надеюсь.

— Чем же мы вам можем помочь?

— Вот чем. Мне нужно знать, какие в Марграде проходят курсы, постоянно действующие или только осенние, начиная от производства кирпича и кончая строительством Эйфелевых башен.

— Но у нас нет таких сведений, — уже сочувственно произнесла все та же женщина. — Ничем не можем помочь, молодой человек.

— Можете, — уверенно сказал Александр. — Мне нужна хотя бы ниточка.

— Александр Петрович, возможно, знает? — спросила машинистка у пожилой женщины.

— Да, да, — подхватил Григорьев. — Александр Петрович наверняка что-нибудь знает.

— Я позвоню, — сказала женщина. — Хотя все это смешно. Очень.

— Вы даже не представляете, как смешно, — ответил Григорьев.

Женщина стала звонить. Она пересказала невидимому Александру Петровичу просьбу Григорьева, что-то записала на листке бумаги, поговорила еще о служебных делах, а, положив трубку, сказала:

— Александр Петрович не в курсе. Но дал номер телефона Михаила Семеновича, который, возможно, осведомлен лучше. Только прошу вас, звоните из автомата, наш телефон и так перегружен.

— Спасибо, спасибо вам всем! — сказал Григорьев и взял листок. — Теперь я найду ее!

— А кто она вам?

— Сам не знаю. Только крайне нужна. Спасибо! До свиданья.

Он закрыл за собой дверь, но еще успел услышать:

— Смешной парень... Ненормальный какой-то.

Да, да. Сейчас, вероятно, он выглядел и смешным, и ненормальным. Но какое это имеет значение, важно найти ее. Александр выскочил на улицу и поискал глазами телефон-автомат. Тот стоял на углу рядом с газетным киоском, и народу возле него не было. В кармане у Григорьева оказалось несколько двухкопеечных монет. Дождь не моросил. Ветер рвал низкие тучи, они бежали к востоку. В их разрывах проглядывало голубое и холодное, как лед, небо. Александр заскочил в телефонную будку и набрал номер телефона, который ему сообщила добрая женщина. К счастью, Михаил Семенович оказался на месте, но чувствовалось, торопился.

Коротко, в нескольких словах, рассказал Григорьев о том, что ему нужно. Михаил Семенович сначала произнес: «Ну, братец мой. С такими сведениями...», затем на минуту умолк и сообщил Григорьеву следующий телефон, посоветовал спросить некую Нину Ивановну. Может, она что-то слышала.

И Григорьев начал звонить. Колонки цифр появлялись в его записной книжке и имена людей, которых он никогда не увидит. Через десять минут звонить было не к кому. Круг замкнулся, и кончились монеты. Но Григорьева теперь уже нельзя было остановить. Он мог пойти в горисполком, обойти все марградские гостиницы. Он уже несколько не сомневался, что найдет ее.

Итак, монеты кончились. Нужно было поменять их в газетном киоске. Григорьев пошел и разменял целый рубль, накупив при этом кипу газет, которые тотчас же опустил в урну. Он на-

чал снова с телефона Михаила Семеновича. Но того уже не оказалось на месте. Александру терять было нечего, и он все объяснил человеку, ответившему ему. Неизвестно почему, но этот человек, как показалось Григорьеву, проникся сочувствием и задал несколько вопросов. Григорьев ответил, как мог. И в записной книжечке появилось еще несколько цифр.

Наконец, он напал на след курсов, имеющих какое-то отношение к архитектуре и строительству. Теперь уже там, у другого телефона, просматривали списки, переспросили фамилию и ответили: «Нет, в наших списках не значится, спросите там-то». И он упорно шел дальше. Неизвестно, что было в его голосе, но ему отвечали дружелюбно, участливо, чуть ли не успокаивая.

Он нашел ее. Ему сообщили, где находятся эти курсы, в какое время там начинаются занятия, номер аудитории и даже отчество и год ее рождения. Он нашел ее! Прошло тридцать минут с того времени, как он очутился возле Дома Техники. У двадцати человек он отнял по полторы минуты. Пусть они его простят за это.

Он нашел ее.

Выйдя из кабины, Александр посмотрел на часы. До начала лекций оставалось сорок минут. Через сорок минут он мог увидеть ее.

«Почему я не сделал этого раньше? — подумал он. — На что я надеялся? Ей просто-напросто незачем было отвечать мне».

Ему было все равно. Он ступил на скользкий путь и рано или поздно должен был поскользнуться и упасть, если она не поддержит его за руку. Он уже падал, оставалось совсем немного.

Занятия у нее проходили в современном — из стекла и бетона — корпусе строительного института. Возбуждение вновь охватило его, но какое-то холодное, рассудочное. Сейчас он мог бы умножить в уме два шестизначных числа и не вспомнить свое имя.

Александр вошел в красивое прозрачное здание с широкой лестницей, убедился, что курсы находятся здесь. И снова вышел на улицу, машинально отметив, что тучи исчезли, небо чистое и сияющее, что ветер высушил его плащ и лужи на асфальте. Он снял плащ, ему было жарко. Увидев телефонную будку, он вспомнил, что не звонил Бакланскому, хотя и был уверен, что тот его не ждет. Он позвонил и попросил к телефону Виктора Ивановича.

Разговор был короткий. Бакланский неожиданно приказал ему к обеду явиться на телефонную станцию, где была установлена их система. Немного помолчав, Бакланский вдруг весело рассмеялся:

— Еще не все потеряно!

Григорьев сказал, что не опоздает. И голос у него, наверное, тоже был веселый, потому что Бакланский спросил:

— Нашел, что ли?

— Нашел, Виктор Иванович.

— Ну, теперь очухаешься. Может, польза будет.

— Польза будет. Не сомневайтесь, Виктор Иванович.

А на улице было такое солнце!

На место испытаний Данилов приехал первым. Анатолий ласково погладил ладонью машину. Много и его труда в ней. Паял, настраивал. И тембр голоса у него оказался особенным. Хорошо понимает его машина. А других не очень-то.

Машина была включена. Она так и работала здесь с того дня, как они ее установили, делала речь при междугородних переговорах более разборчивой.

Вскоре появился и Бакланский. Ему тоже не спалось, но по другой причине. Он сухо поздоровался с Анатолием, бегло осмотрел показания измерительных приборов. Вроде бы все в порядке. Ну уж если и здесь что-нибудь выйдет из строя, ох и спустит он шкуру с Данилова. Исполнительный, хотя и толстокожий этот Данилов. Подковы бы ему гнуть или пятаки. Бакланский задал Анатолию несколько вопросов, так, чтобы настроение узнать. Сияет что-то парень сегодня. Да черт с ним. Это все лучше, чем искания Григорьева.

Бакланский подошел к телефону, подозрительно посмотрел на него и позвонил председателю комиссии о готовности к испытаниям.

Часам к одиннадцати приехала почти вся комиссия. Все-таки некоторые ее члены не явились. До подписания акта было еще далеко.

Бакланский широким жестом хозяина пригласил всех осмотреть свое детище. Хотя это был пока еще всего-навсего макет, но сделан он был с размахом. Вся система блестела никелем. Чувствовалось, что здесь поработали и дизайнеры. Расположение ручек управления, тумблеров и кнопок было тщательно продумано. Измерительные приборы стояли на местах, удобных для обзора.

Бакланский вскрыл стенки машины, вынул из них блоки с печатным монтажом, показал их членам комиссии и снова объяснил, какие микромодули и интегральные схемы применены здесь.

Машина была выполнена тщательно, это признали сразу.

Игорь Андреевич, складываясь, как перочинный нож, заглядывал во все закоулки машины и слегка похлопывал ее рукой.

— Да, Виктор Иванович, — сказал он. — Постарались вы здорово!

— Стараемся, — весело откликнулся Бакланский.

— Только зря старались. А?

— Игорь Андреевич, воздержитесь пока от обобщений, — урезонил его председатель комиссии. — Мнения свои будем высказывать позже.

— Не возражаю, не возражаю...

— Виктор Иванович, — спросил Карин, — а почему нет Григорьева?

— У него сегодня отгул, — ответил Бакланский. — А он вам нужен?

— Да нет, просто так спросил. Я вчера был у него как бы в гостях.

— Да? — чуть растерянно сказал Бакланский.

— Не совсем точно я выразился. Меня тут втолкнули еще в одну комиссию, по гостинице «Спутник». Вам Григорьев говорил, кажется, о странных телефонных разговорах.

— Вроде что-то говорил.

— Интересная штука. Набираешь номер телефона, с которого звонишь, и, представьте себе, телефон срывается. Не пробовали?

— Нет. Шутки, наверное, чьи-то.

— Я тоже так думал. Попробовал, серьезный разговор получается.

— А с кем?

— Это тоже вопрос. Получается, что вроде с самим собой.

— Это определила комиссия?

— Она еще ничего не определила. Записали пока несколько странных телефонных разговоров.

— А я пробовал звонить, — вмешался Данилов. — Григорьев вчера нам предложил.

— Кому нам? — спросил Бакланский.

— Мне и еще двум девушкам из отдела Игоря Андреевича.

— Да, да, — сказал Карин. — Я сегодня уже разговаривал с Галей Никоновой. Не скрывает, что такой разговор вчера был. Но о чем, не говорит. Наотрез отказалась.

— Вы это серьезно? — усмехнулся подошедший к ним Громов.

— Вполне, Игорь Андреевич, — ответил Карин.

— И откуда же надо звонить?

— Да с любого телефона, — подсказал Данилов.

— Похоже, что с любого, — подтвердил Карин.

— А вы попробуйте, Игорь Андреевич, — предложил Данилов.

— Любопытно. — Громов подошел к телефону, близоручко сощурился, разглядывая номер, потом взял трубку. Через минуту он положил ее на место и удивленно сказал: — Кто-то действительно ответил. Непонятно. Даже более того — невозможно.

— А о чем спрашивали вас?

— Это секрет, — усмехнулся Громов. — Вопрос был чисто личный.

Около телефона начали собираться все чле-

ны комиссии. Подошел и председатель, спросил, в чем тут дело, потом сказал:

— Ну что ж, может, сначала посмотрим, на что способна эта машина? А на досуге займемся и телефоном.

— Ничего, ничего, Анатолий Юльевич, — сказал Бакланский. — Пусть товарищи поговорят. Нам ведь не к спеху.

— Нет, нет. Вы, конечно, джентльмен, Виктор Иванович, но работа есть работа.

Ростовцев недовольно спросил у Карина:

— И эту бандуру мы должны дорабатывать? На железнодорожной платформе ее, что ли, перевозить?

— Тише, товарищи! — попросил председатель. — Давайте, Виктор Иванович, продемонстрируйте возможности машины.

— С возможностями нашей системы вы, конечно, уже познакомились из протоколов отчета. Сейчас будет, так сказать, наглядная демонстрация. Вот микрофон, в который произносится текст. На выход системы сейчас подключена электрическая печатающая машинка. Наш старший инженер Данилов будет говорить. Текст для контроля отпечатан на бумаге. А потом мы посмотрим, что выдаст нам система, и сравним.

— Можно ведь и сразу посмотреть? — спросил кто-то.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— А она что, и знаки препинания сама составляет? — спросил председатель комиссии. — Занятно, занято.

Сколько полезного узнает иногда председатель на защите!

Данилов взял лист бумаги с отпечатанным на нем текстом и начал читать медленно, делая правильные ударения и соблюдая интервалы, соответствующие запятым и точкам.

— Речь состоит из слогов, слов и фонем. Наименьшим элементом речи является звук — фонема. С физической точки зрения звуки речи различаются и частотным составом, и интенсивностью, и продолжительностью. В речи нет четких границ между звуками. Так же как рукописные буквы соединяются друг с другом промежуточными элементами, звуки речи в словах стыкуются с помощью переходов-звуков, которые возникают при перестройке нашего голосового аппарата для произнесения очередного звука. У разных людей форманты даже одних и тех же гласных звуков несколько разнятся по частоте и интенсивности. Кроме того, даже у одного и того же человека форманты одного и того же звука заметно отличаются в зависимости от того, в каком слове произносится звук, ударный он или безударный, высок он или низок. Важной характеристикой звуков является также число и частота обертонов. Индивидуальные особенности характеристик формант, а также присутствие в голосе еще и других специфических для

каждого человека обертонов, придают голосу человека неповторимый, присущий только ему одному тембр. Все это многообразие особенностей речевого сигнала заставляет ученых идти разными путями в поисках оптимального решения задачи распознавания речи.

Данилов выключил микрофон и сказал: «Все».

— Товарищи! — позвал всех председатель комиссии. — А отпечатано почти без ошибок. Даже не верится.

— Как! — воскликнул Бакланский. — Есть ошибки?

— Да вот здесь. Видите: «печевого сигнала». А надо: «речевого».

— Этого не может быть! Слова «печевого» нет в программе. Тут просто-напросто барахлит сама машинка.

— Это не страшно, — сказал Карин. — Один сбой на столько слов. Надежность довольно большая.

— Да, надежность у нее очень большая, — сказал Бакланский. — Во всяком случае в этом тексте опечаток раньше не было. Можно проверить по протоколам испытаний.

— А можно мне несколько строк прочесть? — спросил Анатолий Юльевич.

— Можно, — нехотя согласился Бакланский. — Хотя сбоев будет очень много.

Председатель комиссии прочел несколько строк текста, тщательно выговаривая слова. Машинка наделала много ошибок и просто пропуск.

— Жаль, — сказал Анатолий Юльевич. — Не понимает меня машина.

— Это порок всех машин, обученных распознавать целые слова, — сказал Громов. — Каждый человек, говорящий по-русски, использует для передачи сообщений около сорока основных звуков-фонем и примерно десять тысяч слов. Так что же легче — научить машину различать сорок фонем или десять тысяч слов?

— Все это было бы верно, — возразил Бакланский, — но при произнесении одного звука «ай» сто раз одним и тем же человеком получается около тридцати различных картин. Фонемы одного и того же слова не похожи друг на друга. А что будет, если начнут говорить разные люди?

— От разных людей не работает и ваша машина. Идентифицировать фонемы трудно, но все же это единственное разумное решение.

— Оптимального метода распознавания речи не существует. Каждый идет своим путем.

— Но некоторые из них, например ваш, обречены на неудачу. Для решения проблемы вам не хватит всех транзисторов, которые выпускает наша промышленность.

— Мы делаем на интегральных схемах.

— Позвольте, товарищи, — вмешался Анато-

лий Юльевич. — Нельзя ли прочитать машине еще какой-нибудь текст?

— Отчего же? Можно. Из освоенных нами семисот слов и несколько более можно составить множество текстов. Даже литературные. Шекспира, разумеется, не потянем, а некоторых авторов, — пожалуйте. Анатолий, прочти еще что-нибудь.

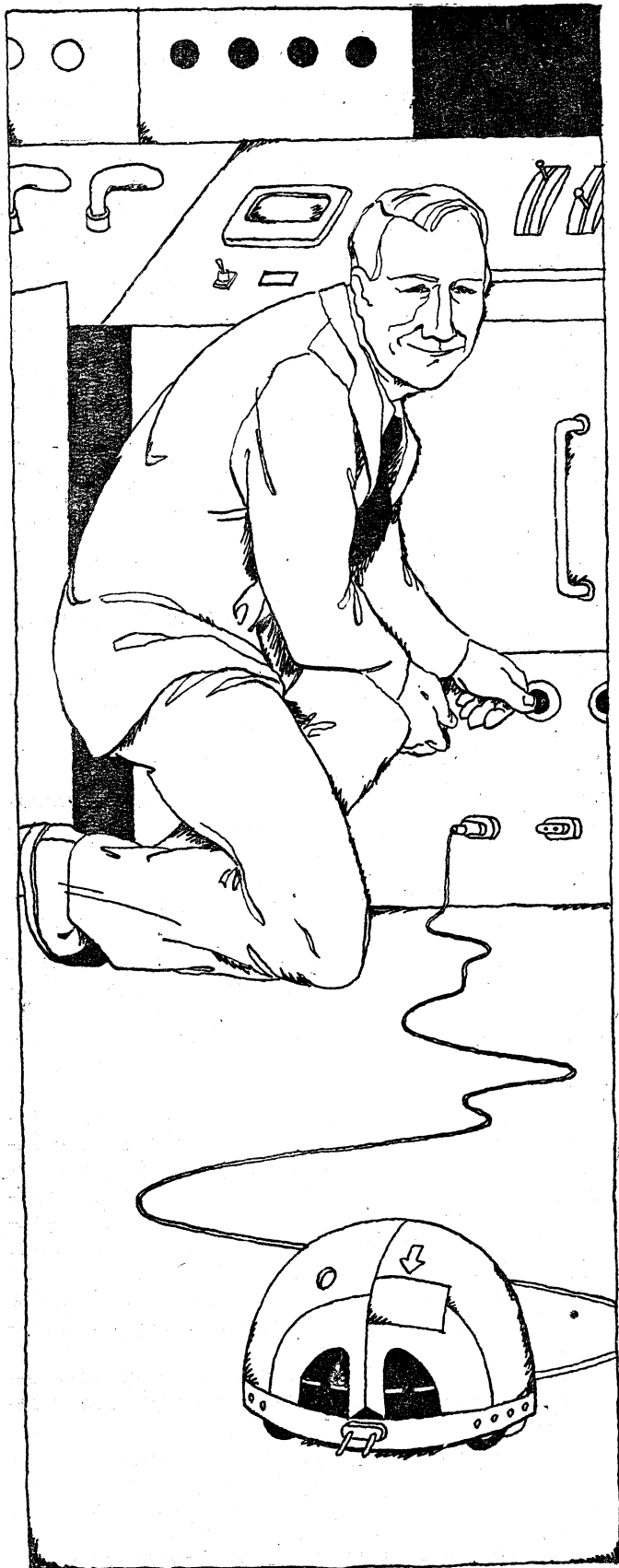
У Анатолия в запасе было около десятка текстов, сильно различающихся по смыслу. Минут двадцать он диктовал их, а комиссия смотрела на лист, выползающий из электрической машинки. Анатолий Юльевич и Старков — представитель АТС — удивленно качали головами. Громов с Ростовцевым всем своим видом показывали, что это обычная халтура. Карин и некоторые другие относились к опыту спокойно, как к чему-то давно знакомому. Да так оно и было на самом деле.

После того, как чтение текстов решили прекратить, Бакланский предложил продемонстрировать действие автомата, управляемого голосом человека. Из специальной ниши машины выползла черепашка. Она реагировала на десять команд. И поскольку команды были несложными, она практически слушалась любого человека. Черепашка подползала на голос зовущего, разворачивалась вправо, влево, останавливалась на месте, подходила к специально установленной вертикально полу доске, откидывала панцирь, выдвигала из себя электродрель и сверлила доску на заранее заданную глубину.

Черепашка произвела на некоторых членов комиссии неотразимое впечатление.

После этого Данилов устно составлял программы для вычислительных машин. Программы заранее отрететированные и проверенные. Почти все получалось, как и было отмечено в протоколах испытаний. Нет, Бакланский ничего не врал, никого не обманывал. Все, что он сделал, было выполнено на хорошем техническом уровне.

Заметно повеселел Бакланский. Председатель комиссии был явно очарован экспериментами, особенно черепашкой. Карин не высказался ни за, ни против. Ростовцев как-то сник. Да и остальные члены комиссии были настроены миролюбиво. Эксперимент был делом более веселым и интересным, чем сухие доклады. И только Громов по-прежнему был настроен недоброжелательно. И не эмоции руководили им, а знания и опыт. Бакланский понимал и боялся именно этого. Свернуть Громова с линии, которой он следовал, было невозможно. Однако один противник в комиссии это еще не противник. Ну запишет он в акте свое особое мнение... Так ведь к нему могут прислушаться, а могут и нет. Тем более, что акт будет утверждаться в двух министерствах, заказчика и исполнителя. А уж на свое министерство можно будет натра-

вить начальника СКБ. Его в главке хорошо знают, его слушают.

Остался еще один вид испытаний: улучшение разборчивости речи на междугородных магистральных линиях связи. Здесь, собственно, свое слово должны были сказать телефонисты. Третий день система работала, включенная в линию Иркутск — Усть-Манск — Марград — Москва. Бакланский еще не видел заключения, но не сомневался в положительном отзыве. И когда отзыв огласили, и он все-таки оказался отрицательным, Бакланский даже растерялся. Нет. Не может этого быть. Тут какая-то ошибка. Он так и сказал:

— Товарищи! Тут какая-то ошибка. Сейчас разберемся. Надеюсь, все понимают, что теоретически у нас все сделано правильно.

Комиссия, воспользовавшись перерывом, пошла в коридор курить. Бакланский и слегка струхнувший Данилов начали разбираться в схеме подключения машины к магистральной линии. Схема была сложная и запутанная. Бакланский работал четко. Ошибка, а это несомненно была ошибка, должна быть найдена. Полчаса он не думал ни о чем другом. И он нашел ее. Ошибка была глупая, такая и в голову прийти не может. Машина была включена в городскую сеть.

— Ну, Данилов! — сдерживая ярость, сказал Бакланский. — Это работа твоя и Григорьева.

Возле сверкающего на солнце корпуса было многолюдно. Здесь, по-видимому, проходили не одни курсы. Александр увидел ее еще издали... Она шла с двумя женщинами. Они спокойно разговаривали между собой, не спешили, радовались неожиданному сегодня солнцу. Она взглянула в его сторону, узнала, дотронулась до локтя подруги, что-то сказала ей и пошла к Григорьеву.

Она шла, а он думал, что если бы эти двадцать метров оказались бесконечными, а он бы бесконечно ждал ее, все-таки приближающуюся...

Он поздоровался, а она в ответ сказала:

— Значит, желание было так велико...

— Да. Я сказал, что приеду, и приехал.

— Желание было велико, — задумчиво повторила она, словно самой себе.

Он видел ее спокойствие, и это многое сказало ему. Александру не на что было рассчитывать. Но как она сейчас была красива! Как все шло к ней! И ее спокойная улыбка, и волосы, чуть рассыпавшиеся по плечам, и плащ, и сумочка в руке.

— Как вы меня нашли? — спросила она.

— Я бы нашел сразу, — ответил он, — но я все ждал, что получу от вас письмо. И понял, что письма не будет. Я столько хотел сказать вам...

— Не надо, — слабо попросила она.

— Хорошо. Не буду. Но почему вы не ответили? Нет или да. Все равно. Вы получили письмо?

— Получила. И хотела ответить... Я ответила, только не отправила.

— Почему?

— Не знаю... Так...

— Чего-то боялись?

— Боялась? Нет. Я теперь ничего не боюсь.

— Тогда почему?

— Не знаю.

— Покажите ответ.

— Зачем? Ведь вы и так нашли меня.

— Извините, — сказал он.

Они оба замолчали, разглядывая носки своих туфель.

— Покажите, пожалуйста, это письмо.

— О, господа, ну зачем вам оно? — тихо сказала она, но все же раскрыла сумочку и вынула оттуда конверт. Он был надписан и заклеен.

— Мне можно распечатать? — попросил Григорьев.

— Да.

Он разорвал конверт. Вынул сложенную вдвое половинку листа из ученической тетради, на которой было написано: «Меня можно встретить...» и дальше перечислялись: гостиница, корпус института, где проходили курсы, кинотеатр... и время... Много, много цифр. Она писала, что он может встретить ее и утром, и вечером, и днем. И места встреч, и время, все было тщательно перечислено. Внизу стояла дата. Она написала ответ еще семь дней назад, как только, наверное, получила его отчаянное письмо.

— Подарите мне это, — попросил он.

— Нет, — сказала она и взяла из его рук листок. — Вы прочли. Теперь оно не нужно.

— Я хотел бы что-нибудь сохранить на память.

Она только покачала головой, мелко-мелко разорвала лист и выбросила клочки в урну.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Да, да. Конечно. Но... но я еще увижу вас?

Она пожала плечами:

— Ну зачем? Зачем?

— Не знаю.

Ну скажи же, молил он, чтобы я пришел вечером. Будем бродить по вечернему Марграду. Зайдем в какое-нибудь кафе. Будем сидеть и рассказывать друг другу сказки. Мне и нужно-то всего — видеть тебя. А зачем мне это нужно, я не знаю. Может, тебе захочется узнать, как там у нас, в Усть-Манске, спросить про свою дочь. Я ведь видел ее. Только я к ней не подходил, потому что она была с бабушкой, а бабушка не должна знать меня. Никто ведь не знает, что мы чуть-чуть знакомы с тобой.

Она странно на него посмотрела. А он ничего не понял в ее взгляде. Они молчали. Нужно было или разойтись, или что-то сказать. Лучше разойтись.

Она сказала:

— У нас с гостиницей ерунда получается. Сегодня придется что-то делать, просить, чтобы оставили еще на несколько дней или искать новую.

— Я помогу вам.

— Нет-нет. Нас ведь трое. Что-нибудь придумаем.

— Значит, я вас больше не увижу?

— Не знаю. Наверное, — произнесла она тихо, глядя в сторону, потом резко, будто толкнула в грудь, вскинула на него взгляд своих больших глаз и сказала так же резко: — Ах, вся эта история не стоит выеденного яйца.

Она все смотрела на него, отталкивая и притягивая одновременно.

— Да, — сказал он. — Для вас это все, наверное, действительно не имеет значения.

— Я устала, — сказала она. — Я пойду. Я уже и так опоздала.

— Идите, — кивнул он.

Она пошла, не оглядываясь.

— Катя! Я видел перед отъездом вашу дочь. Она здорова. У нее все хорошо.

Она остановилась, споткнувшись, обернулась.

— Правда?! Это правда? А мне снилось, что она заболела. Я хотела уехать...

— Она здорова.

— Спасибо, Санчо.

Она снова совладала с собой, пошла и оглянулась уже на ступенях. Наверное, в это мгновение ему нужно было подбежать, и все было бы хорошо...

Бакланский на всякий случай составил схему нелепостей, которые нагородили здесь Григорьев и Данилов. Он еще припомнит им путаницу с подключением, сунет в нос им эту бумажку. Своим работникам таких вещей прощать нельзя.

Наступило время обеда, и вся комиссия пошла в соседнее кафе. Бакланский отправил и Данилова, но сам остался. И пока они обедали, он еще раз облазил машину, и все проверил, прокрутил, пока не успокоился. Нет, товарищи члены комиссии, здесь комар носу не подточит! Придется все-таки вам подписать акт.

Через час члены комиссии начали собираться.

— А погода-то разгулялась, — сказал Данилов.

— Что? Погода? — переспросил Бакланский. — Я вам с Григорьевым покажу погоду! Своих забудете!

— Да я так, — сконфузился Данилов.

— Нет, погода, что ни говорите, сегодня прекрасная, — сказал Карин. — Солнце, и не очень жарко. Самая хорошая для работы.

— Ну что ж, я рад, — сказал Бакланский.

— Что-нибудь еще нашли? — поинтересовался

ся председатель комиссии. — Жаль, что заминка произошла.

— Очень жаль, — согласился Бакланский. — Тут, Анатолий Юльевич, элементарная ошибка получилась. Не спали наши товарищи две ночи, вот и напутали немного. Я уже все сделал, как требуется.

В помещение вошел Григорьев. Он негромко поздоровался со всеми. Бакланский косо взглянул на него и отметил, что тот сегодня какой-то легкий, пустой, что ли, выжатый. «А был весел, — подумал он, вспомнив телефонный разговор. — Впрочем, я тогда тоже был весел...»

Бакланский подошел к Григорьеву и сказал:

— Твои похождения интересуют меня постольку, поскольку от них, видимо, зависит твое поведение на защите. Будь добр, помогай мне. Вы тут с Даниловым такое напороли! И из-за этого могла сорваться защита. Перестань быть младенцем.

— Я не младенец и похождениями не занимаюсь. А что касается сомнительного направления нашей работы, то его защищать я не намерен.

— Опять за свое! Зря же я тебя вызвал.

— Зря.

— В Усть-Манске ты никогда не перечил.

— Прозреть никогда не поздно.

— Прозреть! Слово-то какое! Да за одно то, что вы тут с Даниловым натворили, вас нужно гнать в три шеи.

— Ну так гоните...

А Данилов стоял в стороне. Лучше сейчас на глаза Бакланскому не попадаться. Все равно в Усть-Манске отметит чем-нибудь. Или выговор объявит, или премию урежет.

— Виктор Иванович! — позвал Бакланского Согбенный, и тот отошел от Григорьева.

Александр постоял немного один, потом подошел к Данилову.

— Что мы тут с тобой напутали?

— А! Это все я. Ты же входом и выходом машины не занимался... Не волнуйся. Только я виноват. Но сейчас объяснять ему просто страшно. Когда до выговора дойдет, я все и скажу.

— Не волнуйся, Толя, сам. Мне выговор тоже обеспечен.

— За что?

— За поздно проснувшуюся совесть.

К ним подошел Карин.

— Разлад, я смотрю, в святом семействе, — сказал он. — И не на шутку.

— А, — махнул рукой Григорьев. — Тут вряд ли что можно изменить. Ну вот вы, например, вы же прекрасно понимаете, что путь, выбранный нами, может привести только в тупик.

— Я это знаю, — спокойно согласился Владимир Зосимович.

— А если знаете, то почему молчите?

— Но ведь и вы, Александр, знали это. Возможно, раньше меня.

— Скорее догадывался, но интересно было работать. Сбирать из кубиков небоскреб. Соснихин и Бурлев — те пытались что-то изменить, но Виктор Иванович их быстро взнуздal. Я дозрел здесь, в Марграде. Кстати, не без помощи своего странного телефона.

— То есть — однофамильца?

— Вряд ли просто однофамильца. Я понял, почему Бакланский за меня схватился, когда я заикнулся о поездке в Марград. Ведь он думал, то я совершеннейший дурак, у которого только баба на уме. А поэтому, как попугай, буду повторять все за шефом и, где надо, голосовать обеими руками.

— Обидно?

— Обидно... И злость на самого, что дал немало поводов думать о себе, как о пешке.

— А не жаль, что пропадет труд сотни людей?

— Жаль. Очень жаль. Но в дальнейшем может быть загублено еще больше труда. А наш — все равно пропащий.

— Ну, хоть без большого треска.

— Вы думаете, если тему примут и диссертация испечется, то Бакланский на этом успокоится?

— Надо полагать, в дальнейшем ему встретятся не только дураки.

— А наша комиссия — с комплексом неполноценности?

— Ну, не сказал бы, — усмехнулся Карин.

— Это еще как знать...

— Один Громов?

Данилов предостерегающе кашлянул, Бакланский был не так уже и далеко. Но Григорьев понял его по-другому.

— Данилов тоже не ползет. Ему ведь когда-нибудь надо будет защищать диссертацию. А куда он без Бакланского?

— Иди-ка ты! — обиделся Данилов.

— Так, — сказал Карин. — Обсуждение будет завтра. Завтра и проект акта составлять. — Он оглянулся. — Ишь ты, сколько вокруг нас членов комиссии собралось.

— Любопытно было послушать, — сказал представитель телефонной станции Старков.

— Кстати, что это тут все про какой-то телефон болтают. Вроде бы в вашей комнате? — спросил Ростовцев.

— Не только в моей комнате, — ответил Григорьев. — По любому телефону. Попробуйте хотя бы по этому.

— Прекратим на сегодня принципиальные споры, — предложил председатель. — Оставим, товарищи, работу на завтра. Сохраним силы для заключительного этапа...

Члены комиссии начали постепенно расходиться.

Ростовцев подошел к Григорьеву и сказал:
— Ничего таинственного не получилось. Телефон занят, как и должно быть. Частые гудки.
— Александр, вы сегодня вечером будете у себя? — спросил Карин.

— Буду. А что?

— Мне с утра звонил директор гостиницы. Комиссия-то снова решила собраться у вас. Вы разве не знали?

— Нет, я сегодня рано ушел из гостиницы... Приходите, пожалуйста. Буду рад.

— Послушай, Сашка, — забеспокоился Данилов. — У тебя, значит, и сегодня вечер занят?

— Выходит — да.

— Подождите немного, — сказал им Бакланский, когда комиссия разошлась. — Свои дела вы, я вижу, уже уладили. Хорошо бы и общие устроить.

Все трое молчали. Данилов торопился позвонить Гале с автомата. Григорьев не знал, что говорить шефу, да и не хотелось ему говорить. Бакланский выжидал, что скажут его помощники, но не дождался.

— Отлично, — сказал Бакланский. — Нас сейчас трое. Поговорим... Послушай, Александр, за что ты на меня взъелся?

— Ничего подобного нет, Виктор Иванович.

— Нет? В Усть-Манске было хорошо, а в Марграде — кувырком. Из-за чего? Из-за какой-то женщины?

— Не трогайте ее. Слышите? Никогда даже не упоминайте.

— Ладно. Можно и так. А ты, Анатолий, не надумал еще речь против нас самих?

— Мне что... Я свою работу выполнил.

— Ну и молодец. А Григорьев хочет твою честную работу псу под хвост.

— Но это я напутал с подключением.

— Боже мой, об этом ли речь, — вздохнул Бакланский. — Ты, кажется, куда-то спешишь, Анатолий? Иди, иди...

— До свиданья.

Данилов выбежал на улицу и глубоко вздохнул.

Григорьев с Бакланским остались одни.

— Я тут слышал, о чем ты говорил с Кариным, — начал Виктор Иванович. — Извини, но ты говорил громко. Кое в чем ты, конечно, прав. А в остальном... Откуда ты взял, что я толкаю тему только из-за своей диссертации? Да начхать мне на нее! Нужно будет, я еще три напишу. Но какими глазами смотреть людям в лицо, если мы провалимся? Столько работы! И учти, что только ты здесь воду мутишь, Громов не в счет. Одному ему придется писать особое мнение, которое для нас ничего не значит. Так что он еще подумает. Остальных можно повернуть в любую сторону. Тут Карин главный авторитет,

хотя и не крупный начальник. Он понимает, что к чему... Ведь он против нас ни слова не сказал. Так что все сейчас, ну, скажем, многое, зависит от тебя. Хотя ты не обольщайся. Перемелет тебя между колес, не встанешь. А тему мы все равно защитим... Понимаю, очень хорошо понимаю твоё настроение. Женщина и все такое. Но у меня, поверь, настроение не лучше. У меня отец лежит с сердечным приступом. Волновать его нельзя. Потому и тебя не пригласил к себе. А жена у меня свистнула в сторону. Понимаешь, жена! Не посторонняя женщина, а жена. И уехала. А дочь сейчас в Усть-Манске. Одна. Понимаешь ты теперь?

— Понимаю. Извините, про отца и жену вашу не знал.

— Не знал, — утвердительно сказал Бакланский. — И я про твою беду не знал. Но чувствовал, что тебя что-то гнетет, что рвешься ты в этот Марград. И взял тебя. Пришлось телеграмму в министерство давать, чтобы тебя включили в комиссию вместо Соснихина. За это чуть выговор от начальника не заработал, но убедил. И вот ты в Марграде, в который так рвался. Завтра еще один более-менее трудный день. А там начнут писать проект акта, времени свободного будет, хоть отбавляй. Гуляй себе, сколько влезет. И после защиты можно дня на три задержаться, если тебе нужно. Отдохнуть после двух лет этой каторжной работы надо, я знаю. Развеемся надо, ну, словом, стряхнуть с себя нервное напряжение. Ты вот холост и молод.

— Да и вы, Виктор Иванович, не старик. Почти с одного года ведь мы.

— Я не о том. Я устал изнутри, в душе. Все время эта бешеная гонка с работой и планом. Тебе что? Ты пришел с работы, и у тебя по ней душа не болит. Наплевать тебе на нее. Ты в кино, ты к девочкам. Захотел, выпил с друзьями. Волн, как сокол... А у меня все разваливаться стало... Да. Вот еще что. Не бери умную женщину в жены. Не в том смысле умную, что она кандидат или доктор наук. Нет, не в этом дело. Она может и воспитательницей в детских яслях работать. Но она, такая женщина, думает. Ей все интересно знать. И почему ты в начальники вышел, и зачем тебе докторская диссертация, и что на душе у тебя, и как ты к людям относишься. И не займешь ее ничем. Ни Черным морем, ни озером Балатон. Она и там будет думать, и все у нее вопросы, все философия, все мораль, все душевные искания.

— Виктор Иванович...

— Ты слушай, слушай.

— Виктор Иванович, вы ведь о своей жене говорите. А вдруг это потом будет вам неприятно? Я ведь вас не просил.

— Нет, не просил, а попросил бы — не сказал. Трудно мне сейчас, а вокруг пустота. Жена где-то, отец болен, матери не до меня, друзей нет.

Понимаешь эту пустоту? Ты же умный парень, Александр, тебе еще свою жизнь делать надо. И квартиру надо, и детей. У тебя душа широкая. И размашистый ты... Да. Вот только размахнулся ты не вовремя и не на того человека... Эх, выпить бы сейчас, что ли? По рюмочке коньяку? А?

— Спасибо, не хочу.

— Ну-ну...

— Вы извините меня за все, что тут мне сказали. Это может быть очень неприятно.

— Не думаю, чтобы ты был способен на предательство, Александр.

— Мы, наверное, по-разному понимаем это слово.

— Значит, я ни в чем тебя не убедил?

— Убедили, но только это не имеет отношения к нашей теме. Зачем просыпаться, если снова тут же начинаешь спать?

— Ерундишь, Григорьев. Значит, на тебя нельзя рассчитывать?

— Можно, но только вы опять поймете не так.

— Не получится разговор. Жаль.

— Я предупреждал.

— Ну, смотри. Сегодня в Марград прилетает наш начальник СКБ. Боюсь, что вечером он пожелает к тебе заглянуть.

Григорьеву впервые в этой командировке никуда не надо было спешить, ни на главпочтамт, ни в корпус строительного, ни на защиту, ни в гостиницу, где его будут ждать лишь вечером.

Может, лучше всего, думал он, взять билет на самолет и улететь в Усть-Манск, к его золотым сейчас лесам, где по земле, гонимые ветром, летят, смешно переваливаясь с боку на бок, тысячи тысяч маленьких, золотых, смешных чело-вечков — сухих березовых листьев. Он любил смотреть на них, когда на каком-нибудь бугре или склоне холма они накатывали вал за валом, словно шли на приступ вражеской крепости, выставив вбок остроконечные копыя. А когда ветер вздыхал стремительными вихрями, они пускались в пляс, словно торжествуя победу...

Хочу в Усть-Манск, сказал он сам себе. Хочу на неделю уйти в лес. Хочу спать у костра и говорить своему псу правду, только правду, ничего, кроме правды.

У очередного встретившегося ему гастронома он задержался, а потом зашел, чтобы выпить чашку кофе. Пришлось выстоять минут десять. Он поставил чашку на столик из самого серого в мире мрамора.

Не хотелось даже поднять руку, чтобы взять кофе. Ничего не хотелось. Совершенно ничего...

А за огромным окном шли прохожие и среди них шла... она, все с теми же подружками. Григорьеву была видна часть улицы и троллейбусная остановка. И три женщины стали в очередь

пассажиров. Григорьев схватил плащ и выскочил из магазина. К остановке подкатил троллейбус, в него уже входили люди. И она сейчас войдет.

Но она не вошла, не ее, наверное, это был троллейбус. Григорьев остановился метрах в пяти, под деревом. Вот странно! Как хотел он раньше ее увидеть, как нужна была ему эта встреча, но нигде не мог ее встретить. А теперь и встреча не нужна, а она вот, рядом...

Подошел следующий троллейбус, и она вошла в него, самая последняя. Григорьев размял сигарету и зажег спичку.

— Санчо! Санчо! — донеслось до него.

Троллейбус ушел, а в его ушах все еще звенело: «Санчо! Санчо!» Это она его звала, а, может, и не звала, а просто невольно крикнула от удивления, заметив его. Наверное, так и было. И он не побежал за троллейбусом, а поплелся по проспекту, разглядывая вывески и рекламы.

Через полтора часа он дошел до своей гостиницы, поднялся на седьмой этаж. И хотя не опоздал, но его уже ждали.

Комиссия вошла в комнату.

— Магнитофонные записи, — сразу же начал один из вошедших, — которые вчера были сделаны нами, мы прокрутили через математическую машину. Для начала делали сравнительный анализ частотных спектров голосов в каждом разговоре. Результат: фонемы речи человека, который вчера говорил здесь, и фонемы речи того существа, так пока условно назовем его, совпадают. Причем совпадение настолько совершенное, что можно сказать — это фонемы одного и того же человека.

— Пойдите-ка, — прервал его Григорьев. — Это — правда. Свой голос всегда знаешь хуже других, поэтому не сразу дошло до меня...

— Анализ следующих разговоров показал, что в каждом случае речь велась голосами с совершенно одинаковыми фонемами. Учитывая тот факт, что фонемы человеческого голоса строго индивидуальны, подобно отпечаткам пальцев, можно предположить, что в каждом случае человек говорил по телефону сам с собой.

— Предположить! — хмыкнул Григорьев.

— Даже не предположить. Это — объяснение, которое, впрочем, ставит вопросов во много раз больше, чем их объясняет. Всякому здравомыслящему человеку понятно, что с самим собой разговаривать нельзя. Тем более по телефону. Мы попытались, используя магнитофонные записи, определить расстояние, с которого велся разговор вторым... э-э... существом.

— Что? И такое возможно? — удивился кто-то.

— Возможности техники безграничны.

В это время в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Григорьев.

Дверь чуть приоткрылась, и в проеме появилась смущенная фигура Данилова.

— Можно войти?

— Входи, входило, Анатолий!.. Это мой товарищ, — пояснил Григорьев собравшимся.

— Я не один, — сказал Данилов.

— Входите, чего там. Места хватит. — Григорьев подошел к двери и широко распахнул ее. В коридоре кроме Данилова стояла хорошенькая девочка Галя Никонова, ее подруга Любаша и Игорь.

— Ой, сколько тут народу! — смутилась Галя. — Мы не знали, что вы заняты.

— Не волнуйтесь, я не очень-то и занят. Проходите, я сейчас стулья принесу.

Четверо гостей неуверенно и робко вошли в комнату.

Григорьев сбегал за стульями в холл и рассадил вновь прибывших.

Любашин друг тотчас же склонился к Карину. А сама Любаша завела разговор с Даниловым. Анатолий посмотрел на Григорьева, и что-то тоскливое и горькое было в его глазах. Но не злое. Нет, он не злился на Григорьева, он просто жалел себя и презирал. Ведь Галя была равнодушна к Александру, а он, Данилов, чем-то не подошел. Это он ясно почувствовал и вчера, и сегодня. Особенно сегодня, когда Галя настояла на том, чтобы они зашли в гостиницу.

Что-то почувствовал и Григорьев.

— У меня есть сообщение, — сказал представитель телефонной станции. — После двенадцати часов нынешнего дня «эффект телефона» исчез.

— Как исчез?! — подпрыгнул на стуле один из членов комиссии. — После двенадцати исчез, а мы до сих пор ничего не знаем!

— Пойду-ка я покурю, — тихо сказал Григорьев. — Сейчас здесь, кажется, запахнет жареным.

— И я с вами, — неожиданно сказала Галя.

— Галя, — спросил Григорьев, — вы разве курите?

— Иногда, — ответила девушка. — А что? Это плохо?

— Лекцию о вреде курения вы от меня не услышите. Это, конечно, только ваше дело.

— И ничто во мне тебя не касается? — спросила Галя, переходя вдруг на «ты».

— Это трудный вопрос...

Они дошли до холла и сели в кресла у столика с пепельницей. Александр достал из пачки две сигареты, одну предложил девушке, другую закурил сам. Девушка закашлялась. Нет, курить она не умела.

— Бросьте, Галя, — попросил он. — Не идет вам.

Галя неумело затушила сигарету и сказала:

— Вот и послушалась. Тебя легко слушаться. Почему?

— Это самовнушение. Извини, но ты просто

взвинтила себя... Я приехал и уеду, и следа от меня не останется...

— Не понимаю.

— Видишь ли, ты красивая девушка. Таких красивых, наверное, больше и не существует на свете. Знаешь, как я тебя называю?

— Нет.

— Хорошенькая девочка Галя. А в вашем институте я каждый перерыв выхожу в коридор, чтобы посмотреть на твою фотографию. И хорошо на душе становится. Но это не любовь, Галя.

Девушка смотрела на него с улыбкой и только чуть заметная грусть была в уголках ее рта.

— Я тебе расскажу, может, ты поймешь. Есть на свете одна женщина. Я ее почти не знаю, но люблю. И это навечно. Она прошла мимо, а я остался один. Мне по-прежнему нравятся женщины, но ни одну из них я не смогу полюбить... Ты молода, а мне почти тридцать. Я молчалив и угрюм. Словом, я не тот человек, который тебе нужен.

— Господи, какую ерунду ты говоришь, — рассердилась Галя.

— Правильно. Я говорю ерунду... Но у тебя все пройдет, да ничего и не было. Посмотри вокруг. Сколько красивых и умных парней.

— Например, Данилов? — спросила она.

— И он хороший парень. Если полюбит, то беззаветно.

— Да, наверное, — тихо сказала она, бледность заливала ее щеки. — Вчера вечером он был ослепителен.

— Еще бы! При виде тебя как не засверкать! Долгая тишина повисла в холле.

— Глупые вы люди, мужики, — сказала, наконец, Галя.

— Глупые, — согласился Григорьев.

— Что ж, пошли. Твой хороший Данилов, вероятно, совсем раскис, что я с тобой исчезла.

— Не надо, Галя, — покачал головой Григорьев. — Неосторожное слово может свалить на смерть.

К ним вдруг подошел Данилов и, смешно шмыгнув носом, сел в свободное кресло.

— А мы тут поболтали немного, — сказал Григорьев. — Тебя просклоняли. Не сердись?

— А что я?.. Я обычный, серый, не такой, как некоторые.

— Не лезь в пузырь, Данилов. Все мы серые, и не такие... Ну, вы посидите тут, я сейчас вернусь. Посмотрю, что с моей комнатой сделали.

Григорьев вошел в комнату. Здесь уже начали курить, чтобы не терять времени на хождение в коридор. Зазвенел телефон.

— Тише, — мгновенно сориентировался представитель телефонной станции. — Алле! Кого? Галкина? Я Галкин. Слушаю.

Говорил он недолго, короткими фразами, а

по лицу его было видно, что произошло что-то значительное, если не из ряда вон выходящее. Наконец, он положил трубку. Все заинтересовано и выжидающе молчали.

— Товарищи!—торжественно начал Галкин.— Только что получено сообщение. «Эффект телефона» проявился в Усть-Манске и Иркутске. Жаль, что работники телефонных станций этих городов не смогли сообщить нам об этом сразу. По предварительным данным, эффект начался в двенадцать часов пятнадцать минут.

— Игорь, пошли, — потребовала Любаша. — У меня голова кругом идет.

— Но, Люба, здесь такое! Такое!

— Пошли, и никаких разговоров.

— Сигарету, пожалуйста, — попросили у Григорьева.

— Интересно, — сказал Карин, — в чем же здесь дело?

— Я сейчас сбегая в буфет, — ответил Григорьев. — Кончились сигареты.

— Ну и бедлам! — сказал кто-то, приоткрывая дверь.

— Сашка! Выйди на минутку!

Григорьев протолкался к двери и вывалился с клубами дыма в коридор. Перед ним стоял Бакланский. Чуть поодаль — Данилов и Галя Никонова. А за Бакланским — начальник СКБ. Данилов растерянно моргал длинными ресницами.

— Здравствуйте, Григорьев, — сказал начальник СКБ Кирилл Петрович.

— Здравствуйте, — машинально ответил Григорьев. — Проходите в комнату... Тесновато, правда.

— Что у тебя там за сборище? — спросил Бакланский.

— Комиссия тут второй день работает. Ну, все с этими телефонными разговорами.

— И чем только у тебя голова забита!

— Но я не могу их выгнать, да и не хочу.

— А ты, Данилов, что здесь делаешь?

— В гости пришел к Григорьеву. Хотели на улицу вытянуть, да не удалось.

— У тебя, я вижу, тоже хобби появилось, — развеселился Бакланский, бесцеремонно разглядывая Галю Никонову.

— Фу! — сказала та. — Пойдем, Анатолий. Зови Любашу и пойдем.

— Люба! — приоткрыл дверь Данилов. — Мы уходим!

А из дверей неожиданно вывалил Карин.

— О! Виктор Иванович!.. Ох, там уже нечем дышать.

— Надо бы окно открыть, — сам себе сказал Григорьев, но с места не двинулся.

— Знакомьтесь, Карин Владимир Зосимович, — представил Бакланский. — Начальник нашего СКБ, Кирилл Петрович.

— Очень приятно, — сказали оба, протягивая друг другу руки.

— И вы здесь? — спросил Бакланский. Карина. — Странно...

— Да вот — развеселая компания, доложу я вам. И проблемка-то действительно интересная. Вроде, должно быть решение.

Из комнаты вышли Любаша и Игорь. Любаша — сердитая, а Игорь — с горящими от восторга глазами.

— Может, возле телевизора поговорим? — предложил Кирилл Петрович.

— Нет, нет! Там неудобно... Скоро кончится заседание? — спросил Бакланский у Карина.

— Ну, мы пошли. До свиданья, рыцарь печального образа! — распрощалась Галя Никонова.

— До свиданья! — ответил Григорьев. — Вы меня извините!

— До свиданья!

— Скоро кончат, — утвердительно сказал Карин. — А проблемку-то, наверное, передадут в Академию наук.

— Так значит, все это очень серьезно? — удивился Бакланский.

— Вполне. И необъяснимо, вдобавок.

— Любопытно...

— Проходите в комнату. Послушайте, — предложил Карин.

— А что, — ответил Бакланский. — Все равно ждать. Послушаем, Кирилл Петрович? Веди, Григорьев.

— Я, Виктор Иванович, за сигаретами в буфет сбегая. Вы проходите, я сейчас вернусь.

— У меня своих проблем, хоть отбавляй, — заявил начальник СКБ. — Вы идите, а я с Григорьевым в буфет. Перекушу пока.

— Ай, Кирилл Петрович, — укоризненно закачал головой Бакланский. — Я же вам предлагал пообедать.

— Ничего, Виктор Иванович. Вы идите, идите. Карин и Бакланский вошли в комнату, а Григорьев и Кирилл Петрович направились к буфету.

— Что у вас тут происходит? — устало спросил начальник СКБ.

— Ничего. Защищаемся. Было бы что защищать...

— Защититесь?

— Бакланский — наверное. А я — нет.

— У вас что, разные темы? Юмор мне непонятен.

Григорьев промолчал. Они зашли в буфет. Народу здесь было мало, сигарет с фильтром не оказалось.

— Выпьем по чашечке? — предложил Кирилл Петрович.

— Спасибо. Я кофе уже наглотался. Сбегаяюка в ресторан. Может, там сигареты есть. Я быстро вернусь.

— Беги, беги, — Кирилл Петрович принялся изучать витрину буфета.

Григорьев выскочил в коридор — ну и денек

сегодня выдался!—и метнулся вниз по лестнице, заметив, что у дверей лифта очередь.

В холле на нижнем этаже, в двух шагах от Григорьева на чемодане сидела Катя. Рядом с ней стояли еще два чемодана.

Весь этот взбалмошный вечер как-то успокоил Григорьева. Заботы других людей и задачи, которые они решали, отвлекали его от собственных грустных мыслей. Все-таки на виду, на людях легче переносить свое тоскливое и горькое. Вот и суетился, отвечал на вопросы, задавал их сам, успокаивал кого-то, и ему было легче.

А теперь в двух шагах от него на чемодане, подперев щеку рукой, сидела Катя. Она не видела его, и он еще мог уйти незамеченным. Но как уйти? Тем более, что здесь, в гостинице, просто так не сидят. Здесь ждут, не освободится ли местечко.

Григорьев подошел, отодвинул один чемодан и присел на него. Катя сделала движение рукой, как бы удерживая чемодан, и тут увидела Григорьева. Она растерялась: слишком быстрой была смена событий.

— Здравствуй, Катя! — сказал Григорьев.

— Александр, здравствуй!.. А... а я тебя видела из троллейбуса, крикнула даже.

— И я тебя видел.

Вот сейчас, когда все уже выяснено, они были просто знакомыми, и разговаривать в таком качестве было легко. Особенно ему. Просто знакомые — и все.

— А нас вытурили все-таки из гостиницы. Делегация какая-то приехала. Но на произвол судьбы не бросили. Обещают дать здесь три места, после десяти часов.

— А где же твои подруги?

— Они только что ушли обедать в ресторан. Потом пойду я. А чемоданы в камеру хранения не принимают, пока мы здесь не прописаны.

— Так давайте мне ваши чемоданы. Я унесу их к себе в комнату, что вам с ними таскаться. Потом вы зайдете или я сам принесу.

— А удобно это?

— Очень даже удобно! Я живу в семьсот двадцать третьей комнате. Заходите ко мне или позвоните по местному телефону — тоже семьсот двадцать три. Я все время там буду. Только вот сигареты куплю... Надо же, какая встреча. Третий раз за день.

— Ладно. Идите за своими сигаретами.

— Я мигом.

Григорьев заскочил в ресторанный буфет, купил две пачки сигарет и вернулся.

— Вот я и готов. У меня сейчас в комнате комиссия, знакомые. Весь вечер дым столбом.

— Что-нибудь неприятное?

— Скорее — фантастическое: второе Я.

— Как второе Я?

— Потом объясню. Запомни, комната семьсот двадцать три.

— Запомнила. А не тяжело сразу три чемодана?

— Что ты?! Я лечу!

— Спасибо тебе, Санчо!

Она пошла и оглянулась, как днем на лестнице института.

Григорьев схватил все три чемодана и взлетел на седьмой этаж бегом.

Начальник СКБ уже сидел в холле возле телевизора и курил. Григорьев поставил чемоданы и сказал ему:

— Кирилл Петрович, заходите, пожалуйста, в комнату.

— Я зайду. Докурю и зайду. Там и без меня дыму хватает. А ты что, съезжать собрался? — спросил он, кивнув на чемоданы.

— Нет. Знакомых тут встретил. На время чемоданы к себе поставлю.

— Тогда пойдем. — Кирилл Петрович потушил сигарету, и они вместе двинулись по коридору.

В номере было страшно накурено. Григорьев пропустил начальника вперед, а сам, раскрыв ногой дверцу шифоньера, толкнул туда чемоданы.

В комнате спорили, то и дело упоминая Академию наук. Виктор Иванович смело и с ходу мог входить в любые проблемы. Вошел и здесь, и можно было не сомневаться, что он уже собрал всю возможную информацию и, шутки ради, будет теперь строить мысленные конструкции в поисках решения. Это для него было как вечерний кроссворд. Кирилл Петрович бросил шляпу и плащ на кровать, больше некуда было, и, заложив руки за спину, спокойно ждал, когда все выметутся отсюда вон. Бакланский начал записывать адреса и телефоны членов комиссии и этим как бы предложил им сниматься с места. Последним уходил Карин. Бакланский его остановил, но тот сказал:

— Я вижу, тут семейное собрание намечается, — сказал перед уходом Карин. — Не буду мешать. Всего хорошего...

Григорьев открыл настежь окно и дверь, чтобы комнату продуло, и начал выносить стулья и кресла, оставив два. Когда он кончил восстанавливать порядок, в комнате было уже свежо.

— Ну что ж, — сказал он. — Теперь и мы можем закурить спокойно. Пожалуйста, Кирилл Петрович, — и положил пачку сигарет рядом с пепельницей.

— Я чуть позже.

— А проблема действительно интересная, — сказал Бакланский. — Подумать можно.

— Вы мне вот что скажите, — начал начальник СКБ. — Тема будет защищена?

— Тема прошла бы почти без сучка и задор-

ринки, — ответил Бакланский. — Один Громов не в счет. Но вот Григорьеву вдруг показалось, что мы не выполнили тему и втираем кому-то, то есть государству и комиссии, очки.

— Вы мне ответьте прямо. Будет тема защищена или нет?

— Будет, если Григорьев перестанет мешать. Он уже и так много напортил. В комиссии начался разброд, — сказал Бакланский.

— Нет, — ответил Григорьев. — Если я останусь в комиссии, тема не будет защищена.

— Так! — сказал Кирилл Петрович. — Ситуация. Тема должна быть защищена. От нее зависит многое. Это самая крупная у нас тема. И строительство нового корпуса и премия для всего СКБ, да и еще кое-что, все зависит от этой защиты.

— Пусть Григорьев уезжает в Усть-Манск, — не глядя ни на кого, сказал, почти потребовал Бакланский.

— Александр, — спросил начальник СКБ, — ты можешь уехать в Усть-Манск завтра же, сегодня?

— Нет, я член комиссии, которая еще не кончила работу.

— Ну, это мы устроим. Никто тебя не будет винить, что ты уехал. Приказ можно изменить...

— Нет. Быстро вы ничего не сможете сделать. Приказ подписан в министерстве. Будь иначе, вы бы мне немедленно дали под зад коленом.

— Зачем так грубо? — поморщился Бакланский.

— Тему нашу вредно защищать.

— Допустим, — сказал начальник СКБ. — Но посмотрим с другой стороны.

— Учти, — невольно перебил Кирилла Петровича Бакланский. — Я тебя взял только потому, что ты рвался в Марград. Иначе бы ты здесь не был.

— Я еще не кончил, — заметил Кирилл Петрович.

— Извините. Не сдержался.

— Так вот. Почему и когда ты решил, что тему не стоит защищать? Ведь делал-то ее и ты! Это значит, что два года и ты занимался чепухой!

— Я составлял и настраивал схему.

— И тогда уже знал, что она «вредна»?

— Нет, не знал. У меня не было времени думать над этим. Но, наверное, чувствовал.

— Что значит чувствовал?

— Иногда руки опускались, даже когда все шло хорошо. Но если возникла такая мысль, то я говорил себе, что это не мое дело.

— Так скажи себе это и сейчас! — воскликнул Бакланский.

— Сейчас не могу... Этот процесс ведь все время развивался. Да и борьба Соснихина и Бурлева за изменение направления работ кое-что мне подсказала... Вот ответ на вопрос «почему?» Нет у меня моральной удовлетворенности, мо-

ральной убежденности, что мы сделали эту тему. Не могу я лгать самому себе.

— А раньше мог?

— Выходит, что мог.

— И стать честным на три дня позже ты уже не можешь?

— Не могу.

— Соснихин и Бурлев, те хоть что-то предпринимали, пытались исправить, доказать. Но ведь ты-то раньше молчал!

— Я виноват, — сказал Григорьев. — Я чувствую себя подлецом, потому что пришел к этой мысли только сейчас. Но я буду чувствовать себя еще большим подлецом, если буду теперь защищать тему.

— Интересные градации, — заметил начальник СКБ. — Большой подлец, меньший подлец. Нельзя ли попоще?

— Проще не получается. Нашу машину делать не надо.

— Но ты не министр. Ты инженер нашего СКБ. И не решаешь проблемы других. Они сами без тебя разберутся, что надо делать, а что — нет.

— В том-то и дело, что не разберутся. Все решает наша комиссия. Если тема будет принята, никому и в голову не придет подумать над ней еще раз. Так она и покатится дальше.

— Вы хоть представляете, — сказал Кирилл Петрович, — в какое глупое положение поставили меня? Я не могу вникать подробно во все темы, которые делаются в нашем СКБ. Да этого от меня и не требуется. Я не специалист по всем разработкам. Для этого есть вы, исполнители и руководители тем. Я могу помочь и принять меры, когда у вас что-то не идет, что-то не получается. Но ведь не на защите же! Теперь уже поздно что-либо исправлять. Виктор Иванович, почему не были приняты меры к нормальному исполнению темы? О чем вы раньше думали?

— Кирилл Петрович! Я защищаю свою тему, не кривя душой. В ней все продумано и сделано на высоком техническом уровне. Многие пункты задания сделаны даже лучше, чем требуется.

— Тогда о чем же здесь толкует Григорьев?

— В науке много направлений и путей, Кирилл Петрович. Григорьев вдруг решил, что мы идем неправильным путем. В этом все и дело.

— Григорьев?

— Проблему распознавания образа не решить методом, который мы приняли. Лучше в этом сознаться сразу.

— Отлично. Если, Григорьев, ты сейчас прав, то вина твоя от этого еще значительнее. И ни ты, ни Виктор Иванович так просто не отделаетесь. В Усть-Манске будет разговор посерьезнее. Человек, справляющийся со своим делом, должен знать это дело, а не прозревать, когда уже поздно, как Григорьев, и не дожидаться, когда ему помогут прозреть, как Виктор Иванович.

— Кирилл Петрович, — сказал Бакланский. — Я и сейчас считаю, что мы все решили правильно. И никто меня не переубедит в этом.

— Очень жаль, — сухо сказал Григорьев.

В дверь постучали. Это могла быть только Катя.

Григорьев мгновенно вскочил, крикнул: «Да! Войдите!» — и подбежал к двери, которая уже открывалась.

— Можно войти? — спросила Катя, все еще стоя в коридоре.

— Входи, Катя, входи. У нас тут небольшое совещание, но мы уже...

Женщина вошла и остановилась в растерянности.

— О! — коротко сказал Бакланский. — Вот это явление! Недурно, Григорьев.

— Я... Простите... Я за чемоданами...

— Ах, за чемоданами. Ну, конечно, за чемоданами. За чем же еще?

— Виктор Иванович, перестаньте, — попросил Григорьев.

— Постой-ка, постой, Сашенька! Уж не за этой ли нимфой ты приехал в Марград?

— Я приехал за этим человеком, за этой женщиной, которую зовут Катя.

— Дайте мне мой чемодан! — потребовала та.

— Значит, Саша приехал сюда за Катей... А вы, Катя, знаете, что здесь из-за вас вытворяет товарищ Григорьев, или как вы его там зовете в интимной обстановке?

— Это гнусно, — тихо сказала Катя. — Дайте же мне чемоданы!

— Катя, но вам же их не донести. Я помогу, — недоумевал Григорьев.

— Не нужна мне ваша помощь!

— Катя...

— На государственный счет этот самый Григорьев катается за женщинами, заваливает темы, — кричал Бакланский. — И вы, Катя, хороши! А, поди, и муж у вас есть в каком-нибудь Усть-Манске?

— Вы это нарочно устроили? — спросила Катя Григорьева.

— Катя, как вы можете?

— Господи, — сказала она, — как я устала...

Григорьев взял чемоданы, все три.

— Стойте! — крикнул Бакланский — Вы что-то здесь оставили!

Катя толкнула дверь и выбежала в коридор, прижимая ладони к лицу. Григорьев выскочил за ней. Бакланский хлопнул дверью и глухо выругался. Катя пробежала несколько шагов, остановилась и, когда Григорьев догнал ее, повернулась к нему.

— За что он так?! — с рыданиями выдавила она. — За что?!

— Катя, не плачьте.

Она уткнулась к нему в грудь и заплакала, затряслась, судорожно вцепившись в его рубашку. Плечи ее вздрагивали, волосы рассыпались по спине, и столько горя, обиды и отчаяния было во всей фигуре, в бессвязных словах. Григорьев выпустил из рук чемоданы и не услышал звука, с которым они упали.

— Успокойся, Катя. — Он гладил ее волосы, плечи, а она все крепче прижимала свое мокрое лицо к его груди, постепенно затихая.

И вдруг оттолкнула его и выпрямилась. Слез на лице не было, остались их следы и отчаяние, и ненависть.

— Уходите! Слышите? Никогда не появляйтесь больше! Я вас ненавижу!

— За что, Катя? — только и сказал он.

Из дверей выглядывали люди. Дежурная по этажу уже шла к ним, чтобы выяснить, в чем тут дело.

— Вы все, все одинаковые! Слышите?

Она взяла два чемодана и сказала подошедшей к ним женщине:

— Помогите мне, ради бога...

Женщина подняла чемодан и косо посмотрела на Григорьева. Они обе повернулись и пошли, а Григорьев все стоял, потом рванул за ними. Она услышала звук его шагов и еще раз обернулась.

— Санчо! Ну что ты за мною ходишь? Разве ты не видишь, что из этого получается?

— Катя...

— Идите, молодой человек, идите, — сказала дежурная по этажу. — Потом все успеется.

— Санчо... — сказала Катя и больше ни слова. Они дошли до лифта и остановились. Григорьев повернулся и пошел к себе в комнату.

Кирилл Петрович сидел и курил. А Бакланский расхаживал по комнате.

— Вот оно, Кирилл Петрович, и объяснение. Труд сотни людей угробить, извиняюсь, из-за этой...

Григорьев в один прыжок оказался возле Бакланского и ударил его по лицу. Бакланский еле устоял.

— Вы что, сдурели! — крикнул Кирилл Петрович и бросился их разнимать. — Ну, Григорьев!!

— Гад! — рычал Григорьев. — Какое ты имеешь право позорить женщину?!

Начальник СКБ рассадил обоих по разным сторонам комнаты.

— Я тебя уничтожу, — тихо пообещал Бакланский Григорьеву.

— Чтоб вас! — рыкнул начальник СКБ. — Одевайся, Бакланский. Поехали. Завтра я сам буду на защите, хоть я и не член комиссии. А в Усть-Манске я с вас с обоих штаны спущу! Выговорами вы не отделаетесь.

Все. Завтра защита будет провалена, думал Бакланский, лежа в постели.

Ищи выход! Ищи выход!

Нужна идея, сногшибательная, которая разоружила бы комиссию, ошеломила бы ее, повернула все в другую сторону! Вроде летающих тарелок.

На пустой крючок комиссию не поймаешь.

Что-то должно быть. Что-то должно быть...

Вроде бы блеснула где-то в подсознании мысль-спасение и угасла. Стоп. Это было где-то совсем рядом, недавно, вчера. Что? Комиссия, эксперимент, ошибка в монтаже, неудача, исправление, скрытое недовольство комиссии, встреча начальника СКБ, гостиница, этот дурацкий телефон и комиссия к нему в придачу. Катя, пощечина. Круг! В каком месте разорвать?

И надо было появиться этому феномену телефона именно в момент их защиты! Ни позже, ни раньше. А именно в момент защиты... Время... Григорьев свихнулся на телефоне. «Эффект телефона» возник в момент, совпадающий с защитой. Совпадение? Возможно. Но не обязательно. Ведь исчез же вчера после полудня этот феномен. Почему после полудня? С чем тут связь? И в это же время возник в других городах... Но другие города сейчас его мало интересовали. Марград.

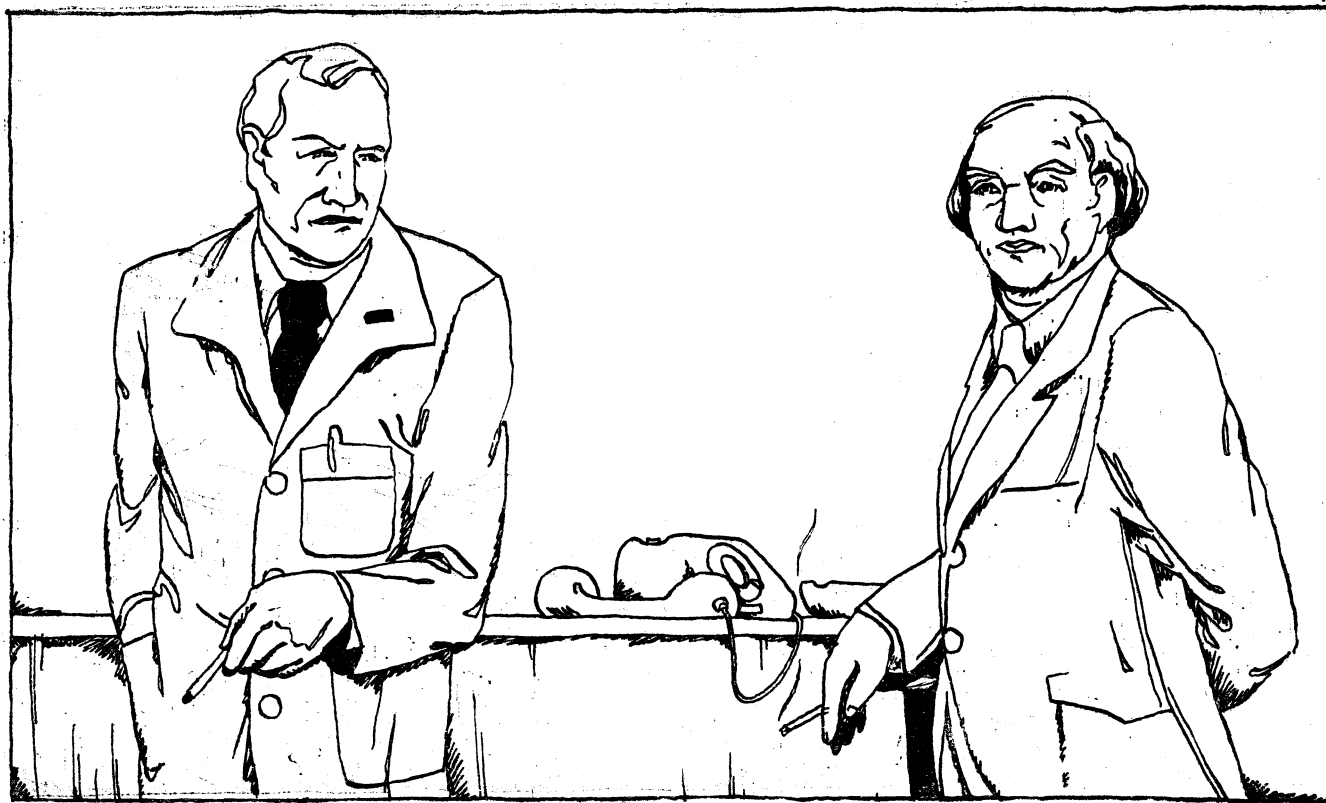
А не связано ли как-то появление эффекта

с их приездом в Марград? Еще один шаг, и можно будет предположить, что Григорьев — пришелец, а их система — замаскированная летающая тарелка. Вот так — по совпадению фактов во времени, а не из их связи, и возникают бредовые гипотезы.

Бакланский поднялся с постели, оделся, побрился в ванной безопасной бритвой, чтобы не шуметь электрической, оставил на столе записку матери и Кириллу Петровичу, чтобы не волновались, и вышел на площадку, осторожно прикрыв дверь.

На улице было прохладно, но сухо, и уже чуть брезжил рассвет. Сначала Бакланский шел просто, куда глаза глядят. Нужно было развеяться, дать продуть себя ветерку. Но затем Бакланский поймал себя на мысли, что идет куда-то, твердо придерживаясь определенного направления. А еще через два квартала он уже знал, что идет на телефонную станцию к своей машине.

Григорьев курил, лежа в постели и поставив пепельницу рядом с кроватью. Всю жизнь он считал себя счастливецом. Все вроде бы удавалось. Правда, он и не ставил перед собой великих целей, но зато никогда и не ушибался больно. Жил да жил. И вот наступило время оглянуться. А что там было в прошлом? И ничего не увидел. Почти ничего... Так, что-то невзрачное. И не

боль оттого, что не совершил ничего стоящего, а боль другая,—что свое среднее и обыкновенное прожил наудачу — резанула его душа. И два человека встретились на его пути. Катя — любовь его первая, настоящая. Не влюбленность, не увлечение. И подойти к ней с нечистой совестью было нельзя. И второй — тот Сашка, который несколькими словами, вроде и оброненными невзначай, заставил его понять, кем же он был на самом деле.

Нет, наполовину честным быть нельзя. Наполовину подлецом быть нельзя. И стать человеком нельзя, лишь захотев этого.

С темой развал. Ничему он не помог. Ничего не доказал. Добился только того, что вытурят его из СКБ. Но это лишь обидно, не больно. Больно другое. Даже то, что он помог Кате с чемоданами, обернулось для нее горем. И хорошенькую девочку Галю Никонову обидел. А может, и надо было обидеть ради нее же самой?..

Назад вернуться нельзя. Время необратимо. Но ведь он действительно считает, что они не сделали свою тему, он действительно любит Катю и не может любить Галю Никонову. Теперь, когда он не лгал, все разваливалось под его руками. Почему?

Григорьев выбрался из постели, подошел к

телефону, взял трубку, набрал номер, спросил: — Сашка? Ты?

Ему ответили лишь частые гудки.

На этот день защиты никто из членов комиссии не опоздал. В десять часов с минутами она уже начала работать. Пришел и Кирилл Петрович. Он хотя и не имел решающего голоса, но все же мог выступать, участвовать в обсуждении и тем самым влиять на окончательное решение.

Данилов сегодня весь светился. И защита для него была праздником. Он уже видел сегодня Галю Никонову и в перерыве еще может увидеть ее, а весь вечер они снова будут вместе.

Перед началом защиты к Данилову и Григорьеву подошел Карин и от имени администрации института предложил им недельки две поработать в его лаборатории. Данилов, конечно же, согласился. А Григорьев сдержанно отказался. Данилову могут разрешить. А его ни Бакланский, ни Кирилл Петрович здесь не оставят. Нечего и надеяться.

Григорьев с утра не хотел даже здороваться с Виктором Ивановичем, но тот поздоровался первым. Словно между ними ничего и не произошло. Александр ответил, но больше не подходил к своему шефу.

А с тем произошла какая-то перемена. Он, конечно, в любых переделках умел держать себя в руках, этим часто и выигрывал в безнадежных ситуациях. Но сегодня с ним произошло что-то особенное. Это могли заметить только Григорьев и Кирилл Петрович. Тот, как только явился в институт, сразу же спросил:

— Ну, что, Виктор Иванович? Есть у нас еще шансы?

— Есть, Кирилл Петрович. У нас есть все сто шансов из ста.

— Что-то из одной крайности в другую. Григорьев что-нибудь...

— Григорьев меня теперь не интересует вообще. Нет такого человека.

Председатель комиссии предложил начать работу. Перед ним лежал список выступающих.

— Евгений Павлович, — сказал он Старкову. — Прошу.

— Я тщательно ознакомился с протоколами испытаний, которые сегодня утром предложил нам Виктор Иванович, — начал представитель телефонной станции. — Собственно, меня в основном интересовала способность системы улучшать разборчивость человеческой речи на междугородных линиях связи. К сожалению, должен сообщить, что ожидаемый эффект не подтвердился. Улучшение отношения сигнал — шум на десять процентов для человека трудно различимо. По-видимому, спектр конкретных фонем намного превосходит спектр, заложенный в машине. Кроме того, я вынужден был проконсультироваться с рядом проектировщиков и разработчиков в других институтах. Большинство ответов свелось к тому, что данная система принципиально не может обеспечить необходимую разборчивость речи. То же, я полагаю, относится и к основным пунктам задания. — Старков говорил еще, но смысл его выступления был ясен. Тема не проходила.

Бакланский сидел спокойно и даже кивал в некоторых местах выступления Старкова, словно соглашался. Григорьев сидел, уставясь в бумаги. Кирилл Петрович не вытерпел и написал Бакланскому записку: «Куда все катится?» Бакланский прочитал записку, но ничего не ответил, даже не посмотрел в сторону своего начальника.

Анатолий Юльевич предоставил слово Громову. Игорь Андреевич в нескольких фразах, точно и лаконично выразил свое мнение, которое свелось к тому, что тема Бакланского ведет в тупик, что направление работ сразу было выбрано неправильно и что Бакланский еще раньше получил дружеское предупреждение и предложение о помощи, но не внял советам более опытных товарищей. За это теперь вынуждены расплачиваться многие люди. Его мнение было таково: тему принимать нельзя.

Громов сказал то, что Виктор Иванович от него и ожидал.

Затем выступил представитель заказчика. В технические подробности темы он не вникал, целиком полагаясь на специалистов. Ему не хотелось бы признавать, что деньги заказчика потрачены впустую, но и принимать тему, которая явно недоработана, он не может. Если тема не будет принята, пусть исполнитель дорабатывает ее за свой счет.

Для Кирилла Петровича это было чувствительным ударом. СКБ не смогло бы выдержать такой дополнительной нагрузки. Деньги на допороге не валяются.

Ростовцев был настроен враждебно к теме Бакланского с самого начала, как только пролился отчет. Принятие этой темы автоматически переложило бы все заботы, трудности и недоработки с плеч Бакланского на его плечи. Расплачиваться за чужую глупость у него не было никакого желания. Выступление его было немного грубоватым, но это в данном случае не имело никакого значения.

Карин, когда ему предоставили слово, долго вздыхал, словно не решаясь начать, потом все-таки сказал:

— Мне жаль ребят. Работу они проделали огромную. И делалось это, судя по макету системы, с душой и выдумкой. У них золотые руки и головы. Жаль только, что все это они сделали зря. Я сначала не хотел провала темы. Чего греха таить, принимали мы темы и со значительными недоработками, а потом кто-нибудь отдувался за виновника. Но там хоть можно было что-то исправить. Здесь все нужно начинать с нуля. Разве что этой темой заинтересуются на заводе станков с программным управлением... Жаль! Эти ребята могли сделать действительно чудесную тему. Таланта и знаний у них бы хватило. При составлении акта мне придется писать о неправильно примененной исходной идее. Это совсем не легко. Я не злорадствую.

И чем дальше шла защита, тем отчетливее становилось, что тема Бакланского провалилась. Были, правда, выступления и в ее защиту, но они сводились в основном к тому, что результатов этой темы ждут во многих отраслях науки и техники.

— Ну, Виктор Иванович, — сказал Анатолий Юльевич. — Ваше слово.

— Заключительное слово, — усмехнулся Бакланский. — Как на суде.

— Что вы, что вы! У нашей комиссии совсем другие функции.

— Ну, хорошо, — сказал Виктор Иванович. — Я выслушал всех выступающих. Критика и замечания во многом были правильными. Мы ведь не святые. Недостатки есть у всех, в том числе и у нас. Возможно, мы пошли неправильным путем при разработке своей темы, хотя, я повторяю, в науке и технике много путей, и не всегда сразу видно, какой путь правильнее.

— Здесь-то было видно, — успел вставить Громов.

— Видно? — переспросил Бакланский. — Видно, как и всегда, до ближайшего поворота. Что за поворотом, не знает никто. Вот вы идете своим, по-вашему, правильным путем. Дорога ясна, не так ли?

— Более-менее, чтобы можно было начинать работу, — ответил Громов.

— А что будет за вашим поворотом? Перспектив? Тупик? Во-первых, еще не доказано абсолютно достоверно, что наша система ни к черту не годится. Кое-что она делает прекрасно. На худой конец, может управлять станками. Пусть похуже, но может делать и все остальное. Громоздкая? Да. Жрет много энергии? Да. Тяжелая? Да. Недостатков много. Но ничего совершенного пока нет и у вас. Все тоже в стадии разработок. Я уже сказал, что наша система кое-что может. Но она может и еще одно, чего пока не может ни чья система. Анатолий Юльевич, позвоните, будьте добры, по номеру восемьдесят восемь-семнадцать-пятьдесят три.

Председатель комиссии удивленно посмотрел на Бакланского.

— Ей-богу, я в своем уме. Позвоните, пожалуйста.

— Это же номер нашего телефона, — сказал Громов. — Зачем звонить по своему собственному номеру?

— Как! — воскликнул Карин.

— Пожалуйста, — пожал плечами председатель комиссии. Он набрал номер, послушал немного, потом сказал, все еще держа трубку в руке: — Ничего. Короткие гудки. Занято. А что должно быть?

— Ничего. Так и должно быть. Я просто хотел, чтобы все в этом убедились.

— Виктор Иванович, мы не отвлекаемся от основной задачи нашей комиссии?

— Нет, нет. Одну минуточку. Дайте мне трубку, пожалуйста.

Бакланский встал со своего места, обогнул стул и подошел к председателю. Взяв трубку, он набрал какой-то номер и спросил:

— Это Галкин? АТС? Сделайте, пожалуйста, те переключения, которые я вам показывал.

— Это же работник нашей АТС! — почти крикнул Старков.

— Да, — согласился Бакланский. — Он сейчас подключит нашу машину к городской телефонной сети.

— «Эффект телефона»! — сказал Карин.

— Да, тот самый «эффект телефона». Он проявляется, когда наша система включена в городскую сеть. Если систему переключить на междугородные линии, то эффект возникает в городах: Иркутске, Усть-Манске, Москве. Как, например, это было вчера.

Комиссия уже достаточно много знала об

этом эффекте, поэтому наводящих вопросов не было.

— Попробуйте позвонить кто-нибудь. Например, вы, Анатолий Юльевич.

Бакланский отошел от телефона, спокойно направился к своему месту и сел. Он был обычно спокоен и уверен в себе. Анатолию Юльевичу ответили, и он даже немного поговорил с таинственным собеседником. Да, «эффект телефона» действовал.

— Вы это предусматривали? — спросил Карин Бакланского.

— Честно признаю — нет. А потом, что это? Кто знает, что это? Я могу только сказать, что ЭТО действует через нашу машину. Машину, которая создана на основе порочных идей, заводящих в тупик, как здесь говорили.

— Вот это да! — сказал Карин. — Кто мог подумать? Связь с кем-то или с чем-то.

— С самим собой, — вставил Григорьев...

У телефона образовалась небольшая очередь. Начальник СКБ протолкался к Бакланскому.

— Я вижу, настроение комиссии изменилось.

— Да, Кирилл Петрович. Всю ночь разгадка была где-то рядом, но не давалась. Только утром понял, что за чертовщина.

— И это поможет?

— Поможет? Помогло уже! Я звонил председателю той комиссии, которая занималась этим телефоном. Что бы ни было в этой заварухе, но она надолго, и субсидирование работ нам обеспечено. Теперь никто не будет говорить, что мы зашли в тупик.

— Ну, Виктор Иванович, молодец! А я уж думал, все кончено.

— Ерунда, Кирилл Петрович. Еще поработаем. Только без этих — Григорьева, Соснихина, Бурлева. И еще нескольких — с глаз моих долой. Ведь если бы я послушался их или сдался здесь Григорьеву, «эффект телефона» никогда бы не зазвучал!

— Я подумаю, Виктор Иванович. Мне нужны толковые парни. Мне нужно, чтобы темы защищались.

Григорьев молча вышел из кабинета, подошел к фотографии хорошенькой девочки Гали Никоновой, посмотрел на нее и двинулся к выходу.

И закрутилось колесо! Бакланский был на волне.

Успех не вскружил ему голову. Он был по-прежнему собран, подтянут, вежлив, остроумен и целеустремлен. На работу в комиссии у него теперь времени не хватало, но он все-таки как-то выкраивал его и являлся, чтобы принять участие в написании акта приемки. Тема, недоделанная в чем-то одном, оказалась откры-

тием в чем-то другом, необыкновенном, важном, таинственном.

Перед своим отлетом начальник СКБ пытался смягчить сердце Бакланского.

— Послушай, Виктор Иванович. Если бы не Григорьев, тема была бы защищена?

— Да, Кирилл Петрович. Пришлось бы попынтеть, но все было бы нормально.

— Значит, Григорьев все же помог?

— Не хочу о нем слышать!

— А все-таки, если бы ты не взял его с собой, если бы он не поселился в номере, с которого все началось, твоего успеха ведь не было бы?

— И что же... Пожалуй. Но успех все же был бы, не здесь, так в другом. Успех обязан быть. Я все равно пришел бы к нему.

— Выходит, что Григорьев не имеет отношения к твоему успеху?

— Нет!

Комиссия писала акт о приемке темы. Ситуация изменилась. Во-первых, неизвестное и таинственное увлекло всех. Теперь Бакланскому многое прощалось. Деньги, хоть и случайно, но были потрачены не зря. Это заставило Карина вернуться на прежние позиции и подписать акт. Изменил свое отношение к теме и Ростовцев. Уже было известно, что продолжать работы будет не его институт, а сам Бакланский. Ростовцев теперь ничего не терял, подписывая акт. О Старкове, представителе телефонной станции, и говорить нечего. Он сейчас двумя руками был за Бакланского. Один лишь Громов жаловался, что не хватает времени, чтобы во всем разобраться, но и он подписал акт с учетом «эффекта Бакланского». Так теперь официально назывался этот эффект.

Остался один Григорьев. Дурацкое у него было положение. Он витал в пустоте. Лишь Карин, кажется, понимал его, но Карин разрывался между комиссиями. Все у Григорьева получалось шиворот-навыворот.

— Одна подпись будет против. Это даже хорошо, — сказал Бакланский. — Это говорит о том, что в теме все разобрались, что была борьба. Борьба — основной стимул любого развития. А все-таки, Григорьев, ты чуть было не испортил мне настроение.

— Не огорчайтесь, Виктор Иванович, на вашем пути встретится еще какая-нибудь личность, посильнее и поумнее меня.

— С радостью скрещу шпаги.

...Катю Григорьев больше ни разу не встретил. Да и не хотелось ему этих встреч. Если бы он и увидел ее на улице, то перешел бы на другую сторону. Данилов и Галя Никонова пытались растормозить Александра. Но он замкнулся, отказывался от приглашений в театр, в гости, объясняя свой отказ тем, что хочет в одиночестве побродить по Марграду.

Погода установилась хоть и прохладная, но солнечная. Приятно было ходить одному, не выбирая направления, а так, куда ноги несут. Какое-то опустошенное успокоение установилось в его душе. И мыслей особенных не возникло. Так, закурит сигарету, остановится возле какого-нибудь музея, послушать, о чем говорят в толпе туристов и идти дальше. Хорошо, свободно, пусто.

Но когда акт был отпечатан и подписан, Григорьев заспешил в Усть-Манск к своему осеннему лесу, к своему псу по кличке Плут. Старая жизнь сломалась и начиналось что-то новое, хорошее или плохое, он не знал. И не было жаль старого. И новое не манило своей неизвестностью. Это был период, когда еще нет никаких желаний и стремлений, как после тяжелой болезни, когда хочется только свежего воздуха. Прохлады и воздуха.

Семьи у него не было. Его ждали лишь золото осени Усть-Манска и тишина засыпающих лесов, неясные шорохи волн реки и горячий преданный язык пса.

А ученые спорили. Карин высказал предположение, которое вполне подвергалось проверке. Известно, что когда человек думает, но не говорит вслух, его голосовые связки все равно работают. И если к горлу человека подключить чувствительные датчики и соответствующую аппаратуру, то можно, в принципе, услышать о чем думает человек.

Когда человек набирает номер собственного телефона, шаговый искатель на телефонной станции подключается через машину Бакланского, на входе которой стоит высокочастотный модулятор, так что собственный номер не оказывается занятым на время, пока поднята трубка, а он то занят, то — нет, синхронно с частотой модулятора. И мысли, усиленные машиной, преобразуются в звуковые колебания, которые человек и слышит.

Получается, что человек разговаривает сам с собой, поэтому тот собеседник всегда называет себя фамилией и именем спрашивающего. Поэтому он все знает о человеке, поднявшем трубку. Поэтому он знает о нем даже больше, чем предполагает сам человек. И ответ на самый тревожный вопрос уже заключен в самом человеке, но он подавляется человеком, когда тот боится этого ответа, когда исполнение этого ответа сопряжено с трудностями, особенно морального порядка.

Человек говорит сам с собой.

Григорьев возвращался в Усть-Манск. Его никто никогда не провожал и не встречал. А теперь, по-видимому, не будет и работы. Он знал, что Бакланский и Кирилл Петрович зря слов на ветер не бросают. Формулировка при-

каза об увольнении будет подобрана вполне корректная. Ничего нельзя будет опротестовать. Да и не станет он опротестовывать.

Без работы он не останется. Уверен, что сможет быть еще полезнее, чем был, на каком-нибудь новом месте. Жаль только свое нелепое детище, в котором были его дела и мысли.

Да бог с ней, с машиной! Свет клином на ней не сошелся.

Как быть с собственной совестью?

Григорьев должен был лететь сегодня из Марграда ночным рейсом, хотя мог бы еще задержаться дня на два, на три. Интересно было бы поговорить с Громовым, с Кариним и ребятами из его лаборатории. Владимир Зосимович упорно оставлял его поработать в своей лаборатории, но Бакланский так кисло морщился при этом, что Григорьев отказывался, тем более, что здесь оставался Анатолий Данилов. И не на два дня, а на две недели. Он, кажется, теперь всерьез привязался к Марграду. И хорошенькая девочка Галя Никонова была тому причиной. Григорьев рад был за Анатолия и немного завидовал ему.

Все Александру доступно было первому, но утекло меж пальцев. Он первым мог бы задуматься над «эффектом телефона», а решил головоломку Бакланский. Он мог бы в тот вечер сказать Гале: «Да»... Впрочем, не мог, никогда бы не смог...

Делать Григорьеву было нечего, поэтому он сел в такси и за три часа до отлета прибыл на аэровокзал.

Здесь ему было спокойнее. Он любил сутолоку аэровокзалов. Она отличалась от толкотни железнодорожных, где люди сидят на узлах и чемоданах, придерживая их руками и ногами. Там часто едут семьями, еще не пережив в душе, что насиженное гнездо брошено навсегда. На аэровокзалах же люди все больше налегке. Это командированные, спортсмены, разные делегации. Время их пути коротко, они здесь, как на эскалаторе, не располагаются надолго, не бегают за чаем, не жуют на каждом деревянном диванчике бутерброды. Они уже почти дома, или они уже почти у места назначения.

И стиль этих вокзалов, их открытые прямолинейные пространства создают атмосферу перекидного мостика, на котором не надо долго задерживаться.

Григорьев ходил по вокзалу и наблюдал за людьми. Ему интересно было, о чем они сейчас думают. И — совершенно неожиданно увидел Катю.

— Ах, здравствуйте, — растерянно сказала женщина.

— Здравствуйте, Катя. Вы ведь должны были лететь завтра! Случилось что-нибудь?

— Нет, ничего не случилось. Просто хочется побыстрее домой.

— Конечно, — сказал Григорьев. — Наверное, это так и должно быть.

— Давайте сядем, — предложила Катя. — Вот есть два места.

Кресла стояли друг против друга и их разделял низенький столик с пепельницей из большой картонной коробки, заваленной окурками. Григорьев поставил чемодан и снял со столика коробку, сунув ее под соседнее кресло. Катя села и оглядела зал поверхностным взглядом, потому что нужно было что-то делать или говорить, не сидеть же в тягостном молчании.

— А ваши подруги? — спросил Григорьев.

— Они улетают завтра.

— Это хорошо, — сказал он, хотя сам бы не объяснил, что здесь хорошего. Может, то, что вот они сидят вдвоем.

Он протянул вперед свою руку, это было невольное движение, неосознанное, или, наоборот, давно желаемое и поэтому быстрое, точное и нежное. Он дотронулся до ее рук и погладил пальцы. Она хотела отдернуть их, это было ее первым порывом. Но руки остались лежать на столике. Он взял ее ладони в свои и сдвинул. Зачем он это сделал? Ничего не изменилось в ее лице. Она была безучастна, как каменная.

Ему нужно было поцеловать эти маленькие ладони, а он еще крепче их сжал.

— Мне больно, Санчо, — сказала она.

Он сразу выпустил ее руки — так неожиданное сейчас прозвучало это «Санчо».

— Простите, — сказал он.

— Нет, — она чуть покачала головой. — Нет, мне не больно.

Григорьев выпрямился, поставил локти на желтую исцарапанную поверхность столика и упер в ладони свое лицо.

Он не знал, что произошло с ней только что. Он ничего не просил у нее раньше, ничего не хотел просить и сейчас. Он просто смотрел ей в глаза. Он знал, что сейчас в его взгляде нет ни страсти, ни восторга, ни призыва. Он просто хотел, чтобы она увидела ни к чему не обязывающий взгляд человека, который ее любил. Она могла отвести глаза, посмотреть, например, на часы, но она этого не сделала.

— Почему ты больше не пришел, Санчо? — спросила она, и сама смутилась своего вопроса, прикусив губу и переплетя пальцы рук.

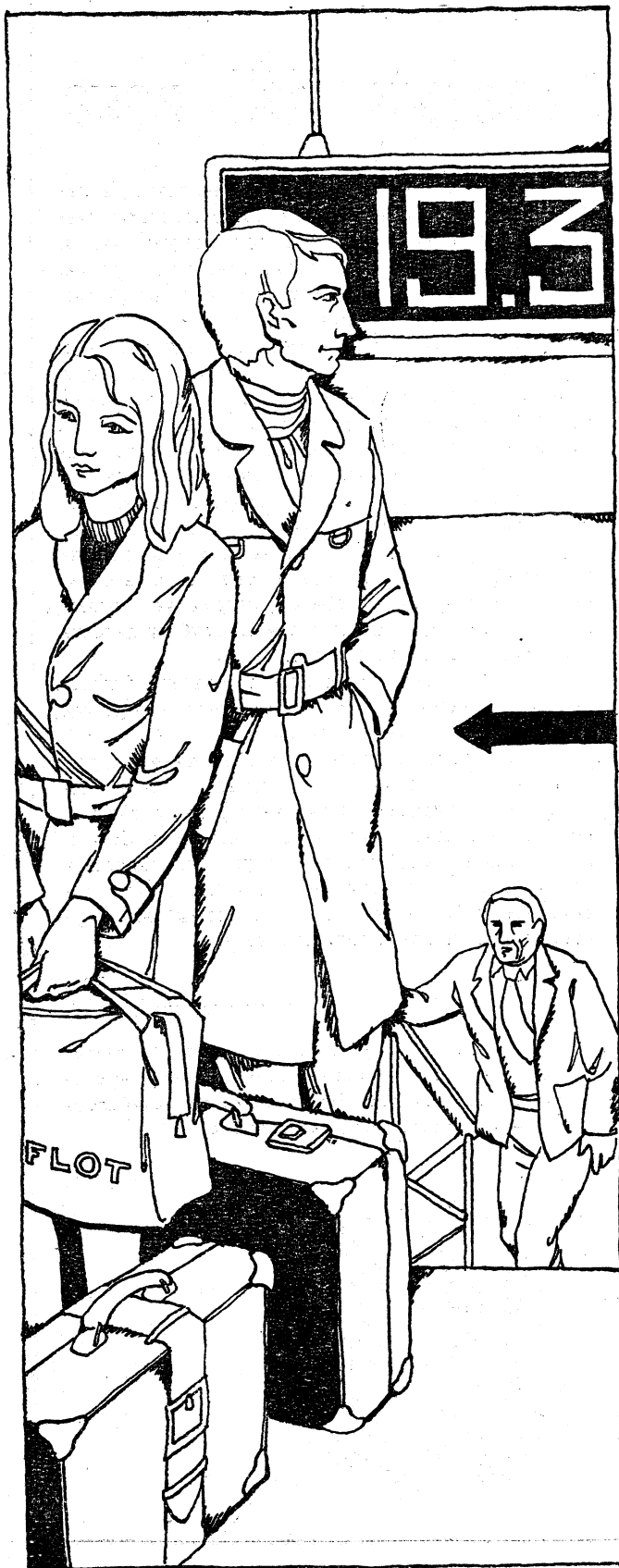
— Я бы прибежал в любое время и хоть куда. Но вам этого не нужно... Забудем, ладно? Как ваши курсы? Закончились успешно?

— В основном... Хотя я все-таки умудрилась схватить одну тройку.

— У вас и экзамены были?

— Были... А как дела у вас? Вы ведь... в командировке?

— Не бойтесь этого слова. Хоть я и приехал за вами, но не на государственный счет. Я в командировке и ее отработал.

— Значит, удалась командировка?

Григорьев пожал плечами.

— Как вам сказать... Мне кажется, удалась. Хотя теперь будет в одном СКБ на одного инженера меньше. Но человечество это переживет. Тем более, что будет больше на одного доктора наук. Все СКБ получит премию. Будут строить новый корпус. А я пойду искать новую работу... Возьмите меня к себе каким-нибудь техником. Я хорошо умею чертить, даже без линейки и циркуля. А?

— Значит, командировка была неудачной? Это... из-за меня?

— Нет. Это все из-за меня самого. Чуть изменился угол зрения. Да Сашка помог. Он парень ничего.

— Кто этот Сашка?

— Ах, да! Я ведь так и не рассказал вам про «эффект Бакланского».

— Бакланского? Я знаю «эффект Бакланского»... — тихо сказала Катя.

— Знаете? — не понял он. — Тогда вам нечего и объяснять. С телефона все и началось в этой командировке. — Он рассказал ей вкратце все, что было с ним в Марграде, и замолчал. Молчала и она. — Я люблю вас, Катя, — внезапно сказал он. — Я люблю вас и буду любить всегда, потому что мне без этой любви не прожить.

При этих словах она чуть подалась назад и сняла руки со столика.

— А я? — спросила она.

Он не понял вопроса.

— У меня уже большая дочь... Что делать мне?

— Вы должны это знать. Я не вправе звать вас за собой. Ведь вы меня не звали. Я пришел сам.

— Да.

Она замолчала, сказав это слово, но продолжала смотреть на него.

Она была совсем рядом. Тени каких-то неуловимых для него мыслей скользнули по ее лицу, нервному и открытому сейчас. Зрачки ее глаз были расширены, в них он мог, как в зеркале, видеть себя. Его минутное спокойствие кончилось.

— Вот что, — сказал Григорьев. — Я не опущу тебя больше! Мы теперь будем вместе. Правда, у меня нет дома, у меня есть только осенний лес. Но тебе в нем будет хорошо.

— Но ведь кругом столько... — начала она тихо, а он закончил:

— ...молодых и красивых девушек? Я знаю. Некоторые мне даже нравятся. Но пусть они любят других, а мне невозможно жить без тебя.

— Но ведь у меня...

— ...У тебя дочь. Я знаю и это. Теперь и у меня будет дочь.

— Я не знаю. Я боюсь.

— Не знаешь? А ты спроси сама у себя.

Объявили регистрацию билетов на их рейс.

— Дай, пожалуйста, мне твой билет, — попросил он. — Я зарегистрирую его и сдам чемодан.

Он взял билет, который она ему протянула, и чемодан и пошел к стойке, а она осталась сидеть. Он не оглянулся, пока все не уладил. Он знал все. Нет, миры так просто не создаются. Не создаются ни для кого. Он только сейчас понял, почему она так подробно написала в своем письме, где и когда он мог ее встретить, и почему не отправила письмо, а носила в своей сумочке...

Они с Катей стояли на галерее, где было меньше народу, и он, сжав ее руками свои пылающие щеки, говорил. Или не говорил, а думал, но она слышала его. Она тоже видела все то, что видел он.

— Пассажиры рейса Марград — Усть-Манск приглашаются на посадку.

— В путь?

— В путь!

А внизу голос Карина:

— Григорьев! Григорьев! Едва нашел! Успел все-таки! Тебе необходимо остаться! Слышишь? Необходимо!!

И Григорьев растерянно смотрит на Катю.

— Не хочу! Не хочу!

— Григорьев! — Карин уже рядом. — Там все еще сложнее и интереснее, чем предполагалось. Там все дело в схеме. А схему ведь ты разрабатывал?

— Разрабатывал. Но я не хочу задерживаться тут.

— Ты нужен! Слышишь, Григорьев?!

— Катя...

— Иди, Санчо... Иди... Я ведь буду ждать тебя...

И Григорьев идет... возвращается, отдает Кате билет, посадочный талон, квитанцию... и снова идет.

И Карин идет рядом с ним.

Глазами XXI века

С крыши Магнитогорск был виден, точно на ладони. От центра, где высились небоскребы статистических отделов, улицы расходились симметричными кольцами, пересекаемыми радиальными бульварами. Гигантские голубые и белые здания научных учреждений сверкали солнечными бликами.

Над центром города взлетел ввысь аэровокзал. Смелый взлет его башен с причальными мачтами для дирижаблей, стремительный бег пилястр от подножья к колоссальному аэродрому, гигантские своды, как бы пытающиеся раздвинуть стены, — все это напоминало застывшую симфонию. Уступами воздушных линий стекла и бетона городские площади и улицы пробирались сквозь парки и сады к голубеющим горизонтам. Отдаленные улицы города тонули в прозрачном серебристом тумане. Вдали поднимались в облака шестидесятиэтажные отели с садами на крышах. И в смутных и неясных очертаниях голубели далекие корпуса промышленного кольца.

Залитые солнцем открытые пространства и широкие геометрические линии улиц, смягченные зелеными садами, кипели повседневной суетой.

Сквозь пролеты застекленных ажурных мостов, повисших над улицами, мчались пневматические поезда. Внизу в широких улицах непрерывным потоком неслись автомобили, мотоциклы и автобусы. Бесчисленные толпы людей сновали на улицах, вливаясь в открытые двери станций метрополитена. Люди поднимались лифтами на крыши домов и, взмахнув крыльями, взлетали к голубому небу.

Я. ЛАРРИ.

Страна счастливых. 1931.

Таким виделось будущее знаменитой Магнитки фантасту тридцатых годов — ровеснику века, журналисту той далекой горячей поры, когда начиналось становление нового уральского города.

Вова, Коля, мама

**Мария
МЕНЬШИКОВА**

Перед семьей Андреевых стояла проблема. Не очень большая, но каждый считал своим долгом высказать мнение и каждый поглядывал на маму Лену. За ней оставалось последнее слово — ехать ли Коле в зимние каникулы на геологическую олимпиаду в Новосибирск.

Вова — тот едет точно.

— Мне нельзя не ехать, у меня же личное приглашение, — со всей ответственностью старшего сказал Вова.

— А меня Дворец пионеров посылает, — отвечал Коля. — Ты в прошлом году ездил, теперь моя очередь.

— Так ты пойми, для меня это последняя возможность. Мне летом в институт поступать.

— Ты же будешь поступать в свердловский, а не в новосибирский...

Вмешалась бабушка:

— Баловство все это, Лена. Одни расходы!

— Расходы, да? И когда нам шкаф покупали — тоже расходы, да? Зато ведь в комнате теперь беспорядка нет? — спорил Коля.

Это верно. Пока у ребят не было своего шкафа, камни лежали на подоконниках, в столах, на полу. Только самые ценные хранились в чемодане, «под пломбой». К камням нельзя было прикасаться, будто это хрупкие вещи и сразу развалятся. Бабушка не раз грозилась, что выбросит все, а Коля чуть не со слезами жаловался:

— По-вашему, ученые на улице камни изучают??

— Нет, это не квартира, а каменоломня, — разводила руками бабушка.

Хорошо еще, что мальчики много камней уносили: отдавали во Дворец пионеров, дарили друзьям. А то можно было бы в комнате гору сложить и устраивать тренировки по скалолазанию. Более 200 образцов у ребят: корунды, хрустали, аметисты... Каждый с номером и описью, каждый на строгом учете. Одни — как образцы, другие поделочные. Ребята сами собирают, всю область изъездили.

А бабушка ругается. Какое у нее понятие о науке — всего три класса кончила, хоть и спорит, что ее три стоят теперешних семи.

— Они вот сгоняют в Академ-

городок, а на носу весна. Обувь, одежду запросят... Потом в экспедицию ехать надо. Я вам мешочки под образцы шить не буду!

Мама Лена думала: может, указать Коле, пусть один Вова едет. Но вспомнилось ей, как летом вернулся из экспедиции Вова... Радостный. Рассказывал громко, нетерпеливо, а Коля превратился в сумрачного скептика:

— Нам только и остаются пустяковые походы... Разве поручат разведку полезных ископаемых?..

Он считает, что возможностей у школьников раз-два и обчелся. Олимпиады да слеты, да раз в неделю занятия кружка. Им бы хотелось каждый день заниматься, а если бы разрешили, то и школу можно забросить, полностью на геологию перейти.

— Утопией ты занимаешься, — сказал Вова.

— А на что мы еще способны? Даже обнажение пород описать не можем...

— Не говори уж. Описать ты можешь.

— А!.. Так геологи и будут пользоваться моим описанием...— Вова задумался и неожиданно обратился к маме:

— Мы, мама, жили в заброшенной деревне. Все крапивою заросло. Там один-единственный старик жил, живой анахронизм! Ему восемьдесят семь лет, он девятьсот пятый год помнит. Интересно? Он сам самородок золота находил. Знаешь, как он говорил? «А к другим камням я не пристрастился. По мне все это пустое». — Во, понятие у человека! Он там без электричества живет.

Мама слушала и усмехалась: да-а, большое неудобство для дедушки — электричества нет! Дедам ли привыкать к керосиновым копилкам...

— Ты уклоняешься, — встрял Коля. — Обещал про экспедицию рассказать.

— А я про что рассказываю? Я там был главным геологом, а Коля-ка Климов, — мам, ты его знаешь, длинный такой и худой, он еще под окном у нас нашел выброшенный хороший образец, — так вот, он был главным геодезистом. Нашу пятачку

и бабушка Андреевы

прозвали — «личности», потому что нам всегда что-нибудь надо было.

Вова рассказал, что в экспедиции был очень толстый мальчик, его завхозом выбрали, от другой работы он отлынивал и все норовил идти в соседнюю деревню за продуктами. Он там знал, где что купить, с доярками познакомился, с председателем колхоза за руку здоровался. Хотели его сначала дежурствами запугать, а ему только это и надо было. Потом решили не кормить, но руководитель экспедиции Лера Федоровна Скворцова (она первый год во Дворце пионеров работала и первую экспедицию возглавляла) сказала, что это не метод воспитания, что она такое ему не позволит. Тогда физическую силу приценили.

— Вова, ты такое рассказываешь! Нельзя же так! — возмутилась мама.

— Почему нельзя? Он зачем ехал? Объедаться или работать? Ничего, взял лопату и пошел как миленький.

В экспедиции работали до пяти часов. Первый день потратили на поиски месторождения. Карты были старые, и привязки сделаны неточно. Ходили по лесам и горам «всей свадьбой» в двадцать пять человек. На другой день догадались разбиться на группы и пошли по разным направлениям.

«Личности» забрели в болото, долго кружили, продирались через кустарник, скакали с кочки на кочку, находили почву, окрашенную в ржавый цвет — лимонит, значит, железо было где-то рядом, но в руки не далось. Когда совсем выбились из сил, разожгли костер. Потом сориентировались по солншку и пошли, и тогда только встретили своих и чуть не упали от зависти. Не «личности», а другие увидели бурые железняки...

На третий день пошли на месторождение с лопатами, топорами, геологическими молотками. Сделали привязку к дороге. Дорога стала базисной линией, а от нее потянулись магистральные линии, у чудачка Климова две параллельные пересеклись!.. Он через каждые двадцать пять метров делал зарубки — в этом месте копали ямку и со дна

брали пробу земли для спектрального анализа.

— Это и всех делов-то? Только ямки копали? — улыбнулась бабушка.

— Ямки!.. Мы определяли генезис месторождения, почему там железно образовалось и когда.

После рабочего дня ребята брали рюкзаки и отправлялись на тальковый рудник или на поиски камней. Такое уж это дело, если один раз сам нашел камень, обязательно захочешь найти другой. Дома разложишь их перед собой — и вся история, весь мир придет к тебе в гости, и каждый камешек напомнит, где и когда нашел его, и что было до этого и что случилось после.

Вова говорил, как поэт.

— Не знаю, не знаю. Можно ли любить камни?! — засомневалась тогда мама.

Коля поддержал брата:

— Не надо задавать этот вопрос, он давно решен.

Коля ни в чем не отстает от Вовы. Он даже раньше начал геологией заниматься. И как ему отказать в поездке на геологическую олимпиаду?.. Пусть едет! — решила мама Лена, и в раздумье сказала:

— Откуда это в вас взялось?

— Ты же нас приучила, — без тени сомнения ответил Коля.

— ?!

— А помнишь, мы отдыхали на уральской турбазе и ты повела нас в Ильменский заповедник? Там показывали минералы. Когда мы возвращались, то по дороге нашли зеленые камни — мы их назвали серпентинитами, мы тогда все зеленое так называли. А потом, когда грибы собирали, копы видели, яму востеркой, а вокруг были отвалы. Там слюду белую нашли и подумали — хрусталь. Мы же тогда не знали: чтоб найти хрусталь, надо не одни сапоги износить!.. Когда ты сказала, что это слюда, Вовка чуть не заплакал.

Да, так и было. Коля сразу после этого записался в геологический кружок во Дворце пионеров. Но мама сказала, что одного его из их района в город она не отпустит. Вова в то время был равнодушен к геологии.

— Вовка тогда в кружке юных космонавтов занимался. Может, зря ты тогда бросил? Разведка недр из космоса — перспективное дело, а?..

— Нужно мне целый год строевой подготовкой заниматься.

— Ох ты, можно подумать, что ходить по болотам лучше, — сказала мама.

— Ты думаешь, что геолог только землемер? Геолог — понятие собирательное. А вообще геологических наук сто двадцать. В Новосибирске будет представлено больше сорока.

— Сколько вас поедет в Новосибирск, Вова?

— Человек десять.

— И девочки есть?

— Кажется... Один или два экзemplяра.

— Скажи, какой петушок! Я же все равно увижу, когда пойду провожать.

— Мама, даже не думай! Геологов не принято провожать.

— А встречать?

— Ну, это еще можно.

Мама и Вова разговоривали, а Коля совсем сник. Вове было его жалко, он искоса поглядывал на брата.

Мама Лена больше не вытерпела:

— Вот что, Коля, ты, конечно, поедешь...

Мама еще что-то хотела сказать, но Коля вскочил со стула и закричал:

— Ура-а! Ура! Салют!..

— Да уймись ты, оглохнуть можно от твоего крика! — заругалась бабушка.

— Бабушка! Я самый хороший камень тебе выменяю! Мама, а что же я тебе привезу?

— А ты выступи хорошо. Вот и будет мне подарок!

На геологической олимпиаде в Новосибирске юные геологи Челябинского Дворца пионеров заняли три первых места. Братья Андреевы — первое и второе.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОГОЧИ?

**Вадим
ИВАНИЩЕНКО,
Николай
КУРБАЛТУНОВ,
Владимир
НЕПСЕРДИНОВ**

На севере Амурской области, там, где стремительная Нюкжа впадает в полноводную Олекму, расположено наше село. Название ему дала река. В эвенкийском селе оленеводов и охотников Усть-Нюкже мы и живем¹.

В нашей школе есть топонимический кружок, и многие ребята с увлечением занимаются в нем. Разве не интересно узнать, что означает то или иное имя на карте, особенно на карте нашего края, где прокладывается Байкало-Амурская магистраль?

В нашу школу приходят письма из разных концов страны. Ребята просят нас расшифровать, что такое Хорогочи, как переводится Кувыкта?

И сами строители БАМа часто интересуются: почему вдоль магистрали так названы реки, озера, поселки? Что обозначают эти названия?

С севера поджимают село отроги Станового Хребта. Эти горы средней величины, но остроконечные вершины, окруженные венцом каменных россыпей, только вольным ветрам доступны. Непроходимы летом и зеленые леса горных склонов. А как прекрасна тайга весной, когда нежная зелень молодой хвои переливается радугой, когда особое очарование лесу придает цветущий рододендрон?!

Хороша весной и река Олекма. Не одну тысячу лет спокойно несет она свои воды к великой сибирской

реке Лене. Не одну тысячу лет стоят на ее берегах гранитные скалы, иссеченные трещинами. Они многое перевидели на своем веку — как трудно было здесь человеку бороться с природой, видели, как шли по Олекме мужественные русские землепроходцы, возглавляемые Ерофеем Хабаровым...

Усть-Нюкжа еще совсем недавно была самым труднодоступным местом в Приамурье. Попасть сюда можно было только самолетом и то при условии, если погода хорошая, если горные перевалы не закрыты облаками.

А скоро наша Усть-Нюкжа станет крупной железнодорожной станцией. Ее строят, кстати, уральцы — посланцы города Челябинска.

Поначалу нам показалось, что дело это — устанавливать, откуда пошли географические названия, — простое и легкое. Ходи по селам, расспрашивай стариков и записывай, что означает то или иное слово. Но все оказалось сложнее — очень уж глубоко в столетия ушли своими корнями многие географические названия. Вот тогда в школе и возник топонимический кружок. Ребята перечитали много специальных книг. О первых результатах работы кружка мы и хотим рассказать².

В большинстве своем географические названия северных районов Амурской области — эвенкийские. Но встречаются и якутские названия. В связи с тем, что тропы якутов и эвенков во все времена перекрещивались, некоторые названия звучат одинаково на обоих языках, хотя они, языки эти, далеко не родственны. У якутов — тюркская языковая группа, у эвенков — тунгусско-маньчжурская.

Олекма по-эвенкийски звучит как оллокма. В нашем районе, на центральном участке БАМа, есть озеро Оллонно, Олдонцо, Олдонгро. Корень у всех, как и у реки Олекма, один и тот же — *олло*, что означает *рыба*. Значит, все эти озера и

¹ Авторы этой статьи Н. Курбалтунов и В. Непсердинов — старшеклассники средней школы из села Усть-Нюкжа, члены школьного топонимического кружка; В. Иванищенко — преподаватель географии, руководитель кружка.

² Некоторые этимологии, приведенные в статье, слишком смелые и требуют дополнительных уточнений. Это можно объяснить только тем, что авторы — начинающие исследователи. Может, кое в чем они ошибаются, но они первыми отправились в поиск, они приглашают к изучению топонимов БАМа других исследователей.

реки рыбные. Но есть устаревшее эвенкийское название реки Олекмы — *Олоохума*. Осмысливается оно уже иначе: река, имеющая много переходов или переправ из-за большой протяженности, или река, которую никак нельзя миновать на пути.

Город Нерюнгри в Якутии, где открыты богатейшие залежи каменного угля, и Усть-Нера имеют общую этимологию, *неру* означает *хариус*. Значит, Нера, Нерюнгри — это реки, в которых водится хариус.

Близ Тынды на территории Амурской области протекают три большие реки бассейна Амура — Гиллой, Зея и Селемджа. Все эти названия эвенкийские. *Гилой* — значит *прозрачная*, *Зея* — от слова *дэя*, что означает *лезвие*, *Селемджа* исходит от *селем* — *железо*. На наш взгляд, этимология этого гидронима вполне убедительна: ведь в бассейне реки Селемджи обнаружено крупное месторождение железных руд.

Бывший таежный поселок Тынду, расположенный на берегу одноименной горной реки, теперь называют столицей БАМа. Слово это происходит от эвенкийского глагола *тынден* — *отпускаю, тындами* — *распускать, освобождать*.

На железной дороге Бам—Тында, на так называемом малом БАМе, появились новые станции. *Джалингра*: на эвенкийском языке *джали* означает *таймень*, *Джалингра* переводится как Тайменевый ключ.

Название станции Сивачкан произошло от *сивактэ* — *хвоц*. Сивачкан — значит место, где растет хвощь.

Интересно происхождение названия железнодорожной станции Силип. В устье таежного ключа эвенки обнаружили зимовье.

— Как тебя зовут? — спросили они хозяина.

— Филип, — ответил тот.

— Силип, Силип, — повторили охотники-эвенки.

С тех пор и стали называть зимку на таежном ключе Силипом.

А почему не Филипом? А только потому, что в эвенкийском языке нет звука «ф».

Станция Муртыгит — это место, где можно проехать на лошади. хребет Чельбаус — белые камни, хребты Кодар — скалистый, Удакан — шаманка, колдунья. Все эти слова эвенкийские.

Мы выяснили, что названия многих рек в бассейне Олекмы заканчиваются на *-юрях*, что по-якутски означает река.

Тас-Юрях — каменистая река, Кара-Юрях — черная река, Дырын-Юрях — глубокая река.

Встречаются также названия рек, оканчивающиеся на *-тах*, например Балык-Тах — рыбная река. Якутское происхождение имеют названия и озера с окончанием на *-кель*, то есть озеро. Юсь-кель — три озера, Санга-кель — Новое озеро, Бай-кель — богатое озеро.

Есть у нас река под названием Луча-Тонмут, что в переводе означает, как это ни странно, — русский замерз. Вот как это можно объяснить. Давным-давно на одном из притоков Олекмы эвенки нашли замерзшего русского человека. Он бежал из ссылки, на нем была арестантская одежда, но не дошел до жилья, погиб. И эвенки дали реке название — Луча-Тонмут.

А знаете, что означает известное сейчас всей стране слово Хорогочи? Глухариное место. Кувыкта с эвенкийского переводится как сухая марь. Ларба — это рогатулина, Лопча — водный прижим, Кудули — солонцовое место.

Нюкжа осмысливается как большая развилка. Имя будущей железнодорожной станции Чара происходит от эвенкийского слова *чара*, что означает в вольном переводе дно реки с мелкими камнями, но не с песчаным дном.

Название нашего района — Желтулакский — взято от эвенкийского *желтуля*, или река с крупными камнями.

В районной газете центрального участка БАМа «Авангард» за 7 декабря 1976 года была опубликована статья «Топонимика местных названий». В ней говорилось, что топоним *Алдан* означает по-эвенкийски золото. На очередном занятии топонимического кружка у нас разгорелся спор по поводу этого утверждения. В нашей школе учатся, в основном, дети оленеводов — эвенков и якутов, все они хорошо владеют своими родными языками. Мы установили, что Алдан вовсе не золото, а *стремительный, быстрый*. Река Алдан дала имя городу золотопромышленников. Раньше Алдан, кстати, назывался прииском Незаметным. А золото по-эвенкийски — кемус. У якутов добавляется слово *кызыл* — красный, *кызыл-кемус* — значит, красное, червонное золото.

Эвенкийская и якутская топонимика изучена еще слабо. И для нас — и для тех ребят, которые будут учиться в школе после нас, — работы много. На трассе БАМа надо расшифровать все географические названия.

Рисунки
Л. Смирновой

Георгиевский кавалер Чапаев

Полный георгиевский кавалер фельдфебель Чапаев подарил этот свой снимок санитарке Херсонского госпиталя Марфе Семеновне Апиной в 1916 году.

М. С. Апина передала редкую фотографию легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева в Центральный музей Советской Армии.

Первый советский танк

31 августа 1920 года на Сортовском заводе состоялся торжественный митинг: праздновалось рождение первого советского танка. По заданию В. И. Ленина рабочие Сортова без помощи иностранных инженеров в суровое время гражданской войны построили грозную бронированную боевую машину.

Впервые же броневик-танк появился на Красной площади 1 мая 1919 года. Но это был военный трофей.

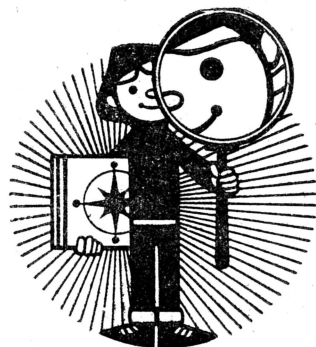

Аэростат в тайге

Красноярский изобретатель И. Федоров изобрел аэростат, с помощью которого можно собирать кедровые шишки.

Шишкование — дело трудоемкое. Недаром ведь в Сибири убирают не более пяти процентов кедрового урожая.

Шишкарь на аэростате работает во много раз производительнее. А какое удобство: облетел на полимерном шаре кедр, собрал все шишки, по трубе отправил их на землю и поплыл к другому дереву. Кедровый аэростат управляется с земли. Если эта новинка, которая успешно прошла испытания, будет внедрена, то в Сибири будут собирать таежных орехов во много раз больше.

МИР

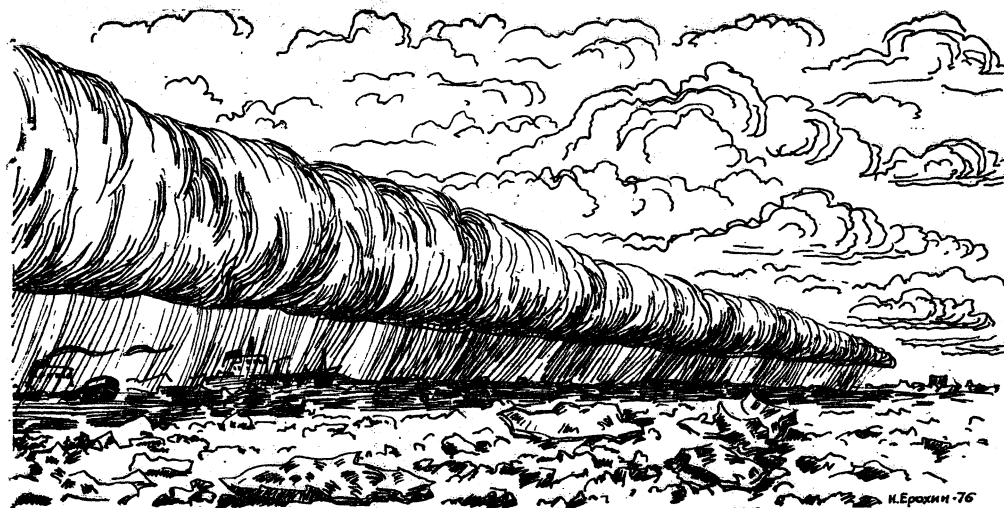
НА ЛАДОНИ

Музей в Алапаевске

Печально пропела жалейка. Зазвенели цимбалы. Тихо прошептали волосяные струны джетыгена. Гром органы сменял переделы гармоника... Такое можно услышать только в музыкальном отделе Алапаевского народного музея, в доме П. И. Чайковского. Уникальную коллекцию музыкальных инструментов показывает заведующая отделом Вера Борисовна Гордилина. Десять лет собирает она и хранит инструменты разных стран и народов. Своими руками Гордилина сделала более 400 моделей, а подлинных инструментов собрано свыше трехсот.

Многие из них — редкие: американская пианола, национальный монгольский инструмент — моринхур, норвежская скрипка-хардингфеле, колесная лира, кастаньеты, шаманский бубен, две скрипки 80-х годов прошлого века работы М. И. Третьякова с Ирбитского завода, переданные музею Н. А. Кожиным, дед которого был врачом семьи Чайковских.

Грозовой вал

В прошлом году я совершил путешествие на ледоколе «Адмирал Макаров» по морям Арктики.

И вот однажды в обычный день нам довелось наблюдать совершенно необычное явление природы. На горизонте появилось голубоватое облако. Оно быстро приблизилось к ледоколу. Длина его была от берега до горизонта, примерно, 30—40 миль, высота от моря — метров 100. И что самое удивительное — облако вращалось снизу вверх. Из него шел дождь. Сверкали молнии и гремел гром.

Когда вращающееся облако проходило над ледоколом, нас накрыл сильнейший дождь и ураганный ветер. Чайки улетели.

Вечером нам сообщили, что ураганом, который сопровождал облако, выбросило на мель танкер «Солнечный».

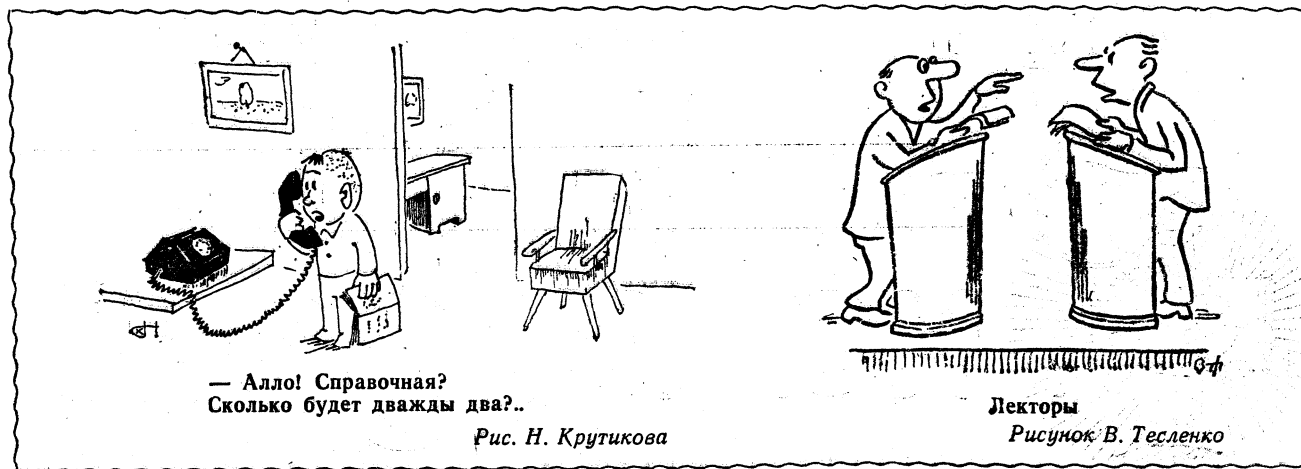
Может, это явление природы, о котором я рассказал, знакомо ученым?

Николай ЕРОХИН.

Мы показали рисунок заместителю начальника Уральского управления Гидрометслужбы П. К. Тарамженину. Вот что он сказал:

— Это похоже на ворот — так мы, метеорологи, называем кучево-дождевое облако с грозовым валом. Конечно, фотографий такого явно выраженного вала не отыскать даже в международном Атласе облаков. Художник, и это вполне естественно, сосредоточил все внимание на вале, который поразил его воображение. И рисунок от этого получился почти фантастическим, впечатляющим.

Облака с грозовым валом образуются, когда в Арктику с континента врываются массы теплого воздуха. Жаль, что Н. Ерохин не сообщает местонахождения корабля в тот момент и направление полета облака. Чтобы дать более точный комментарий, следовало бы изучить синоптическую ситуацию в районе в тот день...

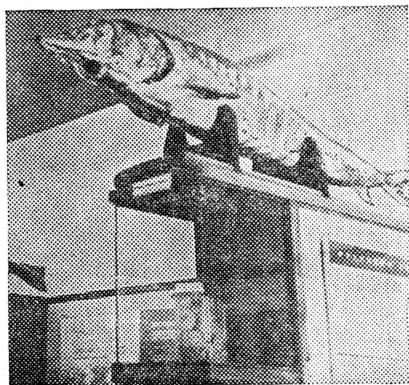

— Алло! Справочная?
Сколько будет дважды два?..

Рис. Н. Крутикова

Лекторы

Рисунок В. Тесленко

Музей ПИНРО

С 1904 года началась планомерная работа по обследованию фауны Кольского залива — была открыта Мурманская биологическая станция. При Советской власти исследовательская работа на северных морях получила широкий размах. В 1921 году решением правительства, подписанным В. И. Лениным, был создан в Заполярье Плавающий морской научно-исследовательский институт — Плавморин. Затем была основана единая мощная научно-исследовательская организация — Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии — ПИНРО.

При институте есть музей. Наибольший интерес посетителей вызывают стенды с экспонатами ихтиологической лаборатории.

В Баренцевом море обитает 124 вида рыб, но только немногим более 30 являются промысловыми. Треска занимает 75 процентов всей добываемой рыбы на Севере. Самая крупная треска водится в Баренцевом море. В музее выставлено чучело трески длиной 148 сантиметров, возраст этой рыбы — 22 года.

Любопытный экспонат музея — рельефная карта Баренцева моря. Здесь часто можно видеть курсантов мореходного училища, будущих штурманов.

Олень прилетел на съемку

Эти снимки сделаны не на Севере, а близ Свердловска — на озере Таватуй. Здесь снимался один из эпизодов нового художественного фильма «Только вдвоем».

Художник Свердловской киностудии Юрий Истратов поставил на берегу Таватуя поселок из чумов. Хозяева чумов — артисты — прилетели из Бурятии.

...Через минуту-две вертолет произведет посадку у чума. И тогда из винтокрылой машины выйдет еще один «актер»... олень. Он совершил воздушное путешествие из района Денежкина Камня за Североуральском, где он состоял на учете в одном из хозяйств.

Сейчас начнутся съемки, и будут воссозданы далекие северные места, где живут и трудятся герои фильма.

Лошадь Петра Первого

После исторического Полтавского сражения, принесшего русским войскам победу над шведами, Петр I издал указ о сохранении для истории знамен своих лучших полков и образцов военного снаряжения. Тогда в список была включена и лошадь Петра — Лизета.

Лучший художник нарисовал лошадь в нарядном убранстве. А составителям истории войны со шведами повелевалось сказать о Лизете, как о спасительнице Петра, — она трижды выносила из боя своего всадника богатырского роста невредимым, сохранив следы пуль на ярком чепраке и позолоченной уздечке.

Лошадь Петра Великого стала своеобразным памятником истории Полтавского боя. Она по сей день сохраняется в коллекции чучел животных, перешедших из Кунсткамеры в Зоологический институт Академии наук СССР.

На снимке: лошадь Петра I, рисунок Мейера. ►

Цветы всех цветов

В сад к саратовскому селекционеру Николаю Семеновичу Аникину ходят на экскурсии. Люди пишут ему письма с просьбой прислать семена, клубни новых, выведенных им сортов.

Клумбы георгинов — предмет особой гордости селекционера. Георгины всех цветов — от ослепительно белых до черных. Вот сорт «Фестивальный». Поглядишь на цветок сверху — точно фестивальное значок. Или «Сваха», «Рязанская баба» — яркие, нарядные цветы.

Николай Семенович вывел и голубые георгины. Этот сорт получил название «Мой идеал». Голубые георгины — большая редкость.

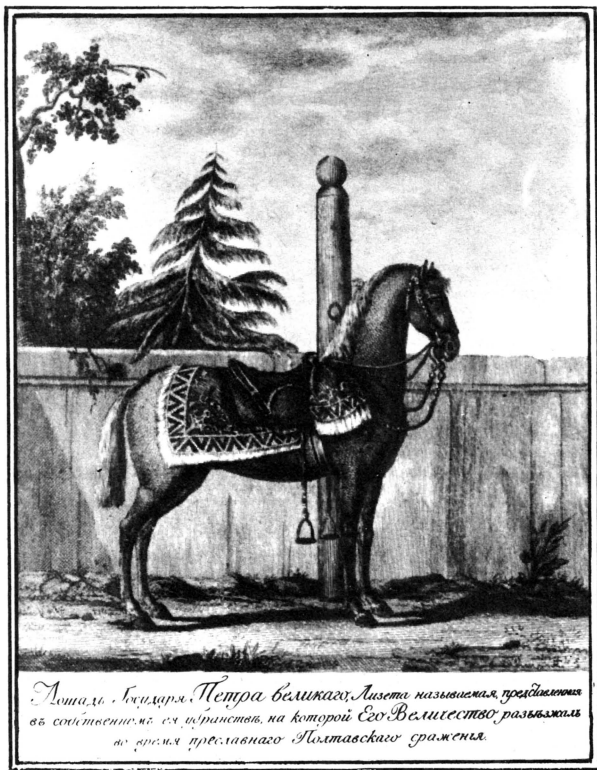

Птица... с маятником

Сидит птица на вершине высокого дерева и раскачивает подвесок, свисающий из-под шеи на 18—20 сантиметров. Когда воздух попадает в качающийся подвесок, он издает звуки, похожие на мычание вола.

Диковинная птица с подвесным органом — хохлатый головач — водится в лесах Амазонки.

На снимке: хохлатый головач.

*Ашади, бегларя Петра великаго, Лизета называемая, предвещает
въ соотвѣстномъ ей странствѣ, на которой Его Величество развѣшались
въ время преславнаго Полтавскаго сраженія.*

Белое золото

Литейка на этом заводе совсем небольшая, но здесь установлено новейшее оборудование, и цехи не простаивают из-за нехватки заготовок. Впрочем, может, и потому заводу не нужен большой литейный цех, что каждую заготовку здесь обрабатывают вручную, тщательно, рассматривая в окуляр...

Огромный цех залит светом. Над верстакими, склонились рабочие — молодые девушки и юноши, по преимуществу. Они обрабатывают золотые и серебряные заготовки, делая кольца, серьги, кулоны, броши... В изящные изделия они вставляют дорогие камни — бриллианты, изумруды, сапфиры, аметисты...

Изделия мастеров Свердловской ювелирной фабрики снискали мировую известность. Сейчас на заводе делают 120 различных украшений из серебра, золота и белого золота. Многие из них — новинки.

Легка, строгой современной формы филигранная брошь с рубинами. Нарядно филигранное кольцо с родонитом. Любой моднице понравится и изящный кулон с яшмой и брошь с горным хрусталем. На заводе разработаны модели оригинальных колец-перстней из белого золота. Кольца широкие, а поверху, наискосок, на него припаяна пластинка с тремя бриллиантами или изумрудами.

Новые украшения на Свердловском ювелирном заводе делают художники В. Комаров, Н. Стаценкова, Б. Гладков, Н. Громыко и М. Бабин. Почти все они — члены Союза художников СССР.

Гений Куманов

На снимках: 1. Брошь филигранная с рубином, автор — Н. Громыко. 2. Филигранный кулон с яшмой, автор — Н. Стаценкова. 3. Брошь филигранная с горным хрусталем, автор — В. Комаров. 4. Филигранные серьги с горным хрусталем «Уральская легенда», автор — Н. Стаценкова. 5. Филигранное кольцо с родонитом, автор — Б. Гладков. 6. Кулон с яшмой, автор — Н. Громыко.

...Петька отошел и замер. Прямо перед ним под заиндевевшей елью стоял огромный человек без шапки. Иней тихо опадал на его черную с проседью голову.

НОВУЮ ПОВЕСТЬ БОРИСА АЛМАЗОВА «ДЕРЕВЯННОЕ ЦАРСТВО» ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Предыдущая повесть Б. Алмазова «Самый красивый конь» была опубликована в нашем журнале в 1976 году и в этом же году вышла отдельной книжкой в издательстве «Детская литература».